Л515 / 714

Некрасов, Н. П.
Х
Л615 / 714

КУРСЪ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

РУССКАГО ЯЗЫКА

18$^{79}/_{80}$ г.

3/362

ИЗД. А. СТРЕМИЛОВОЙ.

Лит. [illegible] Невскій пр. 106.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Н

Высшiе женскiе курсы.

1615 / 714

Программа

по

Морфологiи Русскаго языка.

18 79/80 г.

3/362

Печ. съ разрѣшенiя проф. Некрасова.

Литографiя В. Курочкина
Невскiй, 106.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
791091 V

Введеніе

Опредѣленіе морфологіи. - Превосходство языковъ флексивныхъ передъ другими языками относительно звуковой формы слова. - Основаніе для предположенія о доисторическомъ существованіи арійскаго праязыка. - Теорія Курціуса о развитіи звуковой формы словъ въ праязыкѣ. - О корняхъ, какъ первоначальныхъ словахъ арійскаго праязыка: Бенфей и Курціусъ. Значеніе и звуковая форма корней въ арійскомъ праязыкѣ.

Отдѣлъ I-ый.
Ученіе о корняхъ.

Опредѣленіе корней: Максъ Мюллеръ, Курціусъ. Объ извлеченіи корня изъ даннаго слова. - Дѣленіе корней въ языкахъ индоевропейской отрасли по происхожденію и по звуковой формѣ. Максъ Мюллеръ. -

Важность вопроса о сочетаніи плавныхъ звуковъ р и л съ гласными въ корняхъ для опредѣленія типовъ славянскихъ корней по ихъ звуковой формѣ. - О сочетаніи плавныхъ р, л съ глухими гласными ъ, ь въ славянскихъ корняхъ словъ: Добровскій, Максимовичъ, Потебня, Гейтлеръ, Шмидтъ, Ягичъ. - О русскомъ полногласіи: Добровскій, Востоковъ, Катковъ, Лавровскій, Потебня, Ягичъ, Гейтлеръ, Шмидтъ, Миклошичъ, Колосовъ. -

Общіе выводы о русскомъ полногласіи.

Дѣленіе славянскихъ корней на два разряда: а) корни съ нѣмыми согласными; б) корни съ плавными звуками р, л. - Дѣленіе корней по значенію: В. Гумбольдтъ, Боппъ, Шлейхеръ, Штейнталь и Курціусъ. -

Отдѣлъ II-й.

Ученіе объ основахъ.

Понятіе объ основахъ словъ и основахъ грамматическихъ категорій.— О случаяхъ совпаденія основы съ корнемъ.— Общія фонетическія измѣненія, которымъ можетъ подвергаться корень при образованіи изъ него основы.— Объ образованіи основъ въ славянскомъ языкѣ посредствомъ редупликаціи.— Объ образованіи основъ въ славянскомъ языкѣ посредствомъ усиленія коренного гласнаго звука безъ наращенія и съ наращеніемъ корня новыми звуковыми элементами.— О динамическомъ движеніи основныхъ славянскихъ гласныхъ звуковъ въ корняхъ при образованіи основъ: ι, ь, ъ, а.— Объ отношеніи между динамическимъ движеніемъ гласныхъ звуковъ въ корнѣ и значеніемъ самыхъ основъ.— О звуковыхъ элементахъ, служащихъ къ наращенію корня: префиксахъ, инфиксахъ и суффиксахъ.— Объ отношеніи инфиксовъ къ суффиксамъ при образованіи словъ въ языкахъ индоевропейской отрасли.— Дѣленіе основъ и суффиксовъ по значенію и образованію. Суффиксы основъ и суффиксы словъ.— Система въ изложеніи ученія объ образованіи слова изъ корня.—

Отдѣлъ III-й.

Ученіе о глагольныхъ основахъ.

Главныя глагольныя основы: Добровскій, Павскій, Миклошичъ, Шлейхеръ, Лавровскій.— Важность основы настоящаго времени предъ основою неопредѣленнаго наклоненія въ славянскомъ язы-

глаголъ.-

Объ образованіи основъ настоящаго времени въ глаголахъ первообразныхъ.-

Объ образованіи основъ неопредѣленнаго наклоненія въ тѣхъ же глаголахъ.-

Объ образованіи основъ какъ настоящаго времени, такъ и неопредѣленнаго наклоненія въ глаголахъ производныхъ.-

О происхожденіи и значеніи глагольныхъ примѣтъ: и (нѫ), ѣ, и, а, ова: Боппъ, Шлейхеръ, Катковъ, Миклошичъ.- Основанія для предположенія о происхожденіи глагольной примѣты и и въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣты ѣ отъ глагольнаго корня до, соотвѣтствующаго основному корню дна.- Главнѣйшія примѣты: ѣ, и, а и ихъ значеніе.-

Объ образованіи глагольныхъ основъ для обозначенія степеней продолжительности дѣйствія въ русскомъ и др. славянскомъ языкѣ.

Отдѣлъ IV.

Ученіе объ именныхъ основахъ.

Существенная особенность именныхъ основъ въ языкѣ славянскомъ.- Основы первичныя и вторичныя.- Значеніе суффиксовъ въ образованіи именныхъ основъ.- Число суффиксовъ именныхъ и дѣленіе ихъ по звукамъ въ грамматикѣ Миклошича.-

Понятіе о простомъ и сложномъ суффиксѣ.-

Объ образованіи именныхъ основъ первичныхъ и

вторичныхъ посредствомъ суффикса ъ (о, а). О суффиксахъ -тъ, -тво -тва. - О суффиксѣ -ба. О суффиксѣ -ь (= осн. і) и ь (= jь). О суффиксахъ рь, ль, ло, нь.

Объ основахъ степеней сравненія именъ прилагательныхъ въ др. славянскомъ и русскомъ языкахъ. -

О мѣстоименныхъ основахъ.

Отдѣлъ V.

Объ образованіи нарѣчій, предлоговъ и союзовъ.

Морфологія.

Слово морфологія образовалось изъ двухъ греческихъ словъ: μορφή — видъ, образъ, наружность, форма и λόγος — слово, мысль. Согласно съ этимъ словопроизводствомъ подъ именемъ морфологіи разумѣется тотъ отдѣлъ исторической грамматики, въ которомъ излагается ученіе объ образованіи словъ со стороны ихъ звуковой формы. Понятно, что звуковая форма словъ будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ удобнѣе будетъ служить къ точнѣйшему обозначенію выражаемыхъ ею понятій или представленій.

Разсматривая языки съ этой точки зрѣнія, мы находимъ, что высшую степень совершенства звуковой формы словъ представляютъ языки флексивные, къ которымъ относится и нашъ русскій, а низшую степень совершенства — языки корневые, во главѣ которыхъ стоитъ языкъ китайскій. Если менѣе совершенное, говоря вообще, предшествуетъ по времени своего образованія болѣе совершенному, то слѣдуетъ предположить, что или корневые языки были древнѣе флексивныхъ, или что флексивные языки стояли нѣкогда въ своемъ развитіи на одинаковой степени съ корневыми. Послѣднее предположеніе [illegible] является болѣе вѣроятнымъ, хотя положительныхъ доказательствъ для него мы не имѣемъ; потому что самые древніе памятники человѣческой рѣчи народовъ, говорящихъ флексивными языками, относятся уже къ тому времени, когда звуковое образованіе формъ закончилось, или когда древнѣйшія формы какого либо языка представляются для насъ прототипомъ по отношенію къ послѣду-

дующимъ и современнымъ намъ формамъ въ томъ же языкѣ, или въ какомъ либо другомъ, развившемся изъ него впослѣдствіи; но сравнительное изученіе языковъ индоевропейской отрасли въ связи съ историческимъ изученіемъ въ современномъ имъ состояніи показываетъ, что слова многихъ языковъ образовались на основаніи общихъ имъ звуковыхъ элементовъ. Напр, сравнивая слав. форму <u>датель</u> съ лат. <u>dator</u>, греч. <u>δοτήρ</u>, санск. <u>dâtar</u> или слав. форму <u>даръ</u> съ греч. <u>δῶρον</u> или санскр. ф. <u>dânam</u>, лат. <u>donum</u>, лит. <u>dunis</u>, слав. <u>дань</u>, нельзя не замѣтить, что онѣ имѣютъ такія составныя звуковыя части, которыя образовались изъ общихъ имъ всѣмъ основныхъ звуковыхъ элементовъ.

Отсюда невольно рождается предположеніе, что было время, когда всѣ языки индоевропейской отрасли составляли одинъ языкъ, который заключалъ въ себѣ задатки къ выдѣленію и развитію изъ него многихъ языковъ, и что этотъ предполагаемый наукою основной языкъ самъ образовался не вдругъ со всѣми своими полными грамматическими формами, но развивался по отношенію къ нимъ послѣдовательно, въ продолженіи, можетъ быть, многихъ тысячелѣтій. Указать и объяснить ходъ его развитія на основаніи существующихъ памятниковъ человѣческой рѣчи и тѣхъ данныхъ, кои представляетъ намъ историческое изученіе языковъ современныхъ намъ, весьма трудно. Тѣмъ не менѣе попытку рѣшить этотъ вопросъ представляетъ намъ соч. Курціуса: „Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung". По мнѣнію Курціуса развитіе звуковой формы словъ въ арійскомъ (языкѣ) праязыкѣ имѣетъ 7 періодовъ.

Первый періодъ образованія корней (Wurzelperiode).

„Все строеніе языка," говоритъ Курціусъ „началось съ образованія корней, которые долгое время употреблялись, какъ слова, подобно тому, какъ они употребляются до сихъ поръ въ языкахъ корневыхъ. Поэтому на корни, общіе всѣмъ сродненнымъ языкамъ индоевропейской отрасли, можно смотрѣть, какъ на первичныя слова, праслова (Urwörter) по отношенію къ тѣмъ, кои образовались изъ нихъ впослѣдствіи. Число ихъ, вѣроятно, было велико, значеніе ихъ было наглядное, т.е. они выражали чувственныя впечатлѣнія человѣка, которыя производятъ на него явленія окружающей природы или лишь указанія на эти явленія. Поэтому корни въ первый періодъ образованія языка дѣлятся уже по своему значенію на 2 разряда: 1) Корни называющіе (nennende Wurzel), 2) Корни указывающіе (deutende Wurzel). Звуковая форма ихъ по мнѣнію К. состоитъ изъ а) согласнаго и гласнаго звука, напр., кор. da, b) изъ гласнаго и согласнаго, напр. кор. ad (въ смыслѣ ѣсть), корень ak (въ смыслѣ быть острымъ) и 3) изъ согласнаго, гласнаго и согласнаго звуковъ, напр. pat (въ смыслѣ летать), sad (въ смыслѣ сидѣть), tar (въ смыслѣ ступать).

Второй періодъ образованія корней наз. період. опредѣленія корней (Determinativperiode). Въ этомъ періодѣ первоначальныя звуковыя формы корней начали соединяться съ другими согласными звуками, которыми ограничивается или опредѣляется общее основное значеніе корней, такъ напр., вмѣстѣ съ корнемъ ju стали употребляться еще 2 формы: jug и judh. Всѣ эти три кор-

ня связаны однимъ общимъ значеніемъ, потому-что всѣ имѣютъ значеніе „соединять"; но корень jug ограничиваетъ это первоначальное основное значеніе оттѣнкомъ соединенія съ цѣлью, съ какимъ нибудь намѣреніемъ (этотъ корень употребляется въ словахъ, означающихъ преимущественно упряжку лошади въ повозку). Корень judh отличается оттѣнкомъ враждебности, т.е. соединеніе, столкновеніе. Звуки g и dh этихъ корней называются детерминативами, звуками опредѣляющими, ограничивающими. Вопросъ о происхожденіи этихъ звуковъ долженъ пока, по мнѣнію К., остаться безъ отвѣта, несмотря на нѣкоторыя существующія вѣроятныя рѣшенія. Понятно, что съ того времени, когда корни стали опредѣляться въ своемъ значеніи посредствомъ новыхъ согласныхъ звуковъ, въ языкѣ явилась уже способность къ выраженію большаго количества представленій или понятій. Къ этому же времени, можетъ быть, и относится также существованіе двусложныхъ словъ, т.е. вмѣстѣ съ формою judh можетъ быть, существовала форма judha. Если принимать въ соображеніе, что долгое время языкъ не подвергался флексіи, то становится понятнымъ, что конечное a, находясь безударнымъ въ концѣ слова, могло съ теченіемъ времени отпасть и такимъ образомъ въ концѣ корня остался одинъ согласный звукъ въ видѣ прибавки.

Третій періодъ есть періодъ образованія первичныхъ глагольныхъ формъ (Primäre Verbalperiode)

Въ этотъ періодъ первымъ шагомъ къ развитію послѣдующихъ грамматическихъ формъ въ языкѣ послужило образованіе первичныхъ глагольныхъ формъ. Существенное значеніе глагола заключается въ выраженіи сказуемаго, т.е. того что ска-

вается о чемъ либо, сказуемое же значеніе корня могло обозначаться въ языкѣ только тѣмъ, что указательный корень сталъ сливаться съ мѣстоименіемъ личнымъ, какъ указателемъ подлежащаго, напр. da-ma, da-ta (= дать я = я даю, дать онъ = онъ даетъ). Подобное соединеніе корней наз. предикативнымъ соединеніемъ; благодаря ему въ языкѣ впервые возникло предложеніе, первообразъ всѣхъ впослѣдствіи развившихся распространенныхъ предложеній. Предикативное соединеніе корней предшествовало въ языкахъ индоевропейской отрасли аттрибутивному соединенію корней, которое обязано своимъ происхожденіемъ образованію формъ тѣхъ именныхъ. Что образованіе глагольныхъ формъ предшествовало образованію формъ именныхъ, К. доказываетъ слѣдующимъ образомъ: онъ говоритъ, что 1) первичныя глагольныя формы не многочисленны. Строго говоря ихъ только 3 для трехъ лицъ ед. числа, т. что формы числа двойственнаго выдѣлились уже изъ формъ числа множественнаго, а эти послѣднія образовались изъ тѣхъ же основныхъ элементовъ, изъ которыхъ образовались и формы единст. числа, только въ соединеніи между собой. Притомъ эта прозрачность или пластичность (формъ) и опредѣлительность значеній формъ способствуетъ къ ясному пониманію ихъ ранняго происхожденія. 2) Еслибы именныя формы предшествовали по своему образованію формамъ глагольнымъ, то въ этихъ послѣднихъ всюду проявлялись бы слѣды первыхъ, между тѣмъ этого явленія мы не замѣчаемъ въ языкахъ индоевропейской отрасли; напротивъ, мы видимъ такія глагольныя формы, которыя явно носятъ на себѣ несомнѣнную печать древняго образованія, какъ-то формы aimi = греч. εἶ-μι, ср. i-mas = греч. ἴ-μες. 3) Глагольныя формы

удерживаются въ языкахъ индоевропейской отрасли твердо, чѣмъ всякія другія формы (что формъ видно, напр, и въ слав. языкахъ — несмь, вѣмь, дамь, ѣмь,-) а явленіе это можетъ быть понятно только подъ тѣмъ условіемъ, если мы въ образованіи первичныхъ глагольныхъ формъ будемъ видѣть проявленіе специфическихъ свойствъ флексивнаго строенія языковъ индоевропейской отрасли. 4) Если даже образованіе именныхъ темъ до глагольныхъ представляется невѣроятнымъ, то образованіе падежей въ такое раннее время представляется совершенно немыслимымъ: необходимость падежей можетъ являться только въ предложеніи, предложеніе же безъ глагола существовать не можетъ; иначе это былъ бы простой наборъ словъ.

Итакъ къ 3-му періоду относится первое начало образованія глаголовъ, первичныхъ по формамъ. Тогда, по мнѣнію К., образовалась форма настоящаго времени дѣйств. и средняго значенія и формы простыхъ прошедшихъ временъ тѣхъ же значеній при помощи усиленія корней, измѣненія ихъ или безъ усиленія, безъ измѣненія помощью лишь соединенія ихъ съ мѣстоименіями личными. Въ это время именное значеніе корня уже не обозначилось ничѣмъ въ языкѣ и ничѣмъ не отличалось отъ глагольнаго значенія корня, который начиналъ уже измѣняться или соединяться съ другими корнями.

Четвертый періодъ есть періодъ образованія темъ (Periode der Themenbildung) именныхъ. Образованіе темъ началось съ того, что къ знаменательнымъ корнямъ стали присоединяться сначала основные первоначальные гласные звуки a, i, u, потомъ простые звуковые элементы as, ta, ma, an; съ теченіемъ времени эти простые звуковые элементы начинаютъ соединяться между собой и образуютъ болѣе

сложные суффиксы, которые могли сокращаться, такъ напр., два самыхъ употребительныхъ при образованіи именныхъ темъ въ языкахъ индоевропейской отрасли суффикса -ant и -tar образуются изъ соединенія болѣе простыхъ звуковыхъ элементовъ an и ta, ta и ra т.е. суф. -ant образовался изъ болѣе древней формы -anta, а суф. -tar изъ -tara, причемъ звукъ a въ концѣ исчезъ. Темы именныя, входя въ систему развитія глагольныхъ измѣненій, способствовали къ болѣе разнообразному образованію глагольныхъ временъ, а черезъ нихъ и къ образованію склоненій. —

Пятый періодъ есть періодъ образованія сложныхъ глагольныхъ формъ (Periode der zusammengesetzten Verbalformen)

Сложность глагольныхъ формъ состоитъ въ соединеніи знаменательнаго глагола съ вспомогательнымъ. Первоначально вспомогательный глаголъ не имѣлъ этого назначенія. Вспомогательный глаголъ относился къ знаменательному такъ, какъ членъ къ мѣстоименію. Какъ членъ представляетъ собой какъ бы послѣднее ~~глагола знаменательнаго~~ мѣстоименіе, точно также вспомогательный глаголъ представляетъ собой какъ бы послѣдній глаголъ знаменательнаго значенія. Много должно было пройти времени прежде чѣмъ глаголъ as (дышать), имѣвшій первоначально чувственное значеніе, утратилъ это значеніе и сталъ означать отвлеченное понятіе существованія. Много также должно было пройти времени послѣ того, какъ глаголъ as, получивъ значеніе отвлеченнаго понятія о бытіи, сталъ употребляться, какъ связка съ другимъ глаголомъ. Наконецъ много также должно было пройти времени, прежде чѣмъ этотъ глаголъ, сдѣлавшись связкою, поступилъ къ образованію сложныхъ глагольныхъ формъ. Тогда то и явился новый типъ предложенія, состоявшій уже изъ 3 элементовъ: изъ знаменательнаго глагола

изъ вспомогательнаго глагола, который сделался связкой, и личнаго местоименія. Первоначальное значеніе сказуемаго въ языкѣ выражалось одною постановкою рядомъ двухъ корней, теперь между этими двумя корнями появилась третья часть - глаголъ вспомогательный as. Этимъ типомъ предложенія языкъ уже отличилъ строеніе предикативнаго соединенія корней, какъ собственно предикативное, отъ другаго соединенія - аттрибутивнаго. Понятно, что когда въ языкѣ стали развиваться именныя темы, характеризуясь различными суффиксами и вслѣдствіе этого мало по малу стало появляться различіе между именными темами прилагательнаго значенія, тогда могло явиться въ языкѣ желаніе означить соединеніе темы прилагательнаго съ темой существительнаго значенія отъ соединенія темы глагольной съ местоименіемъ личнымъ; и такимъ образомъ возникло различіе между предикативнымъ и аттрибутивнымъ соединеніемъ (Простое соединеніе двухъ темъ осталось надолго аттрибутивнымъ соединеніемъ, а соединеніе двухъ темъ помощью вспомогательнаго глагола или связки, стало собственно соединеніемъ предикативнымъ).

Къ этому періоду относятся такимъ образомъ уже сложныя темы изъ нѣсколькихъ простыхъ звуковыхъ элементовъ, вслѣдствіе чего въ этотъ періодъ вполнѣ развились всѣ сложныя формы спряженія глагола за исключеніемъ одной только формы неопред. наклоненія, которая образовалась позднѣе, уже въ тотъ періодъ, когда изъ основнаго праязыка стали отделяться другіе различные языки индоевропейской отрасли. Всѣ сложныя формы въ спряженіи глаголовъ образовались въ этотъ періодъ времени изъ именныхъ темъ какъ первичнаго образованія (корней), такъ и изъ именныхъ

темъ вторичнаго образованія, т.е. собственно темъ именныхъ. Первичныя именныя темы К. называетъ ungeformte Nominalstaemme, а вторичныя - geformte Nominalstaemme.

Шестой періодъ есть періодъ образованія падежей (Periode der Casusbildung). Когда закончилось образованіе глагольныхъ формъ, языкъ началъ (возможно) въ себѣ средства къ развитію формъ именныхъ. Существеннымъ характеромъ ихъ развитія служитъ образованіе падежей. Эта часть нашей науки до сихъ поръ представляетъ самую темную область.

Седьмой періодъ есть періодъ образованія нарѣчій (Adverbialperiode). Это тотъ періодъ, въ который замѣчается уже появленіе разныхъ частицъ - предлоговъ, союзовъ, нарѣчій, т.е. такихъ словъ, которыя носятъ на своихъ звуковыхъ формахъ следы образованія различныхъ періодовъ въ развитіи языка.

Соображая все сказанное о первоначальномъ развитіи основнаго праязыка, мы видимъ, что существенно различными моментами въ образованіи словъ языковъ индоевропейской отрасли были 1) моментъ образованія корней 2) моментъ образованія основъ или темъ и 3) моментъ образованія словъ, вследствіе чего и морфологія можетъ быть раздѣлена на три отдѣла: 1) ученіе о корняхъ, 2) ученіе объ основахъ или темахъ и 3) ученіе о словахъ. ✕

Относительно того предположенія, что корни во арійскомъ праязыкѣ первоначально были словами, т.е. имели реальное значеніе существуетъ 2 противоположныхъ мнѣнія. Одни ученые полагаютъ, что, если всѣ нынѣ извѣстные флексивные языки, свидѣтельствуя о своемъ несомнѣнномъ сродствѣ между собою, произошли изъ существовавшаго нѣкогда общаго имъ праязыка; если этотъ предполагаемый праязыкъ

достигъ до того морфологическаго состоянія, съ котораго
началось образованіе отдѣльныхъ языковъ путемъ
органическаго процесса, продолжавшагося, можетъ
быть, многія тысячелѣтія: если, наконецъ, этотъ
процессъ начался съ образованія простѣйшихъ зву-
ковыхъ элементовъ, выражавшихъ содержаніе духов-
ной дѣятельности первобытнаго арійца, и, разви-
вая постепенно ихъ звуковую форму, сообразно съ
развитіемъ самой духовной дѣятельности, закон-
чился образованіемъ такой формы словъ, которою
вполнѣ охарактеризовались специфическія свой-
ства флексивнаго строенія языка: то необходимо при-
знать, что въ концѣ концовъ былъ такой періодъ вре-
мени, когда языкъ состоялъ изъ однихъ простѣйшихъ
звуковыхъ элементовъ, называемыхъ корнями и что
эти корни были, дѣйствительно, словами. На осно-
ваніи этого мнѣнія нѣкоторые ученые, добравшись пу-
темъ сравнительнаго анализа до звуковой формы
корня, лежащаго въ основѣ множества словъ, при-
надлежащихъ разнымъ языкамъ индоевропейской
отрасли, приписываютъ ему нѣкоторыя основ-
ныя значенія и возводятъ его на степень <u>первооб-
разнаго</u> слова, употреблявшагося въ праязыкѣ.
Такъ напр., сравнивая слова: слав. <u>ok-o</u>, лит. <u>ak-is</u>,
латинск. <u>ocul-us</u>, греч. <u>ὄσσε</u> (вм. <u>οκ-jε</u>), гомер. <u>ὄσσομαι</u> изъ
<u>οκ-jομαι</u>, др. инд. <u>ak-shi</u> (кор. <u>ik-sh</u> = смотрѣть), зендск.
<u>a-shi</u>, мы видимъ, что въ основѣ какъ этихъ словъ,
такъ и многихъ другихъ, имѣющихъ съ ними
этимологическое сродство, лежитъ корень <u>ak-</u>, ко-
торому придается значеніе „<u>видѣть</u>". Но въ виду другой
группы словъ, имѣющихъ иное значеніе, какъ напр.,
слово <u>ос-тръ</u>, лит. <u>ast-rus</u>, лат. <u>ac-us</u>, <u>ac-uo</u>, греч.
<u>ἀκ-ωκή</u>, <u>ἀκ-αχμένος</u> (заостренный), зендск. ср. <u>ak-a</u> (остріе),
др. инд. глаг. <u>aç-</u> (проникать), въ основѣ которыхъ

лежитъ также корень ак. Этому корню приписывается значеніе новое, соответствующее значенію этихъ словъ, именно: „быть острымъ, проникать".
Приводя оба эти значенія корня къ одному знаменателю, приписываютъ корню ак 2 значенія: „видеть" и „проникать", соответствующихъ значеніямъ техъ двухъ группъ словъ, изъ которыхъ онъ добытъ путемъ сравнительнаго анализа, и возводятъ его на степень первообразнаго слова въ арійскомъ праязыке. Представителемъ этого мненія былъ Августъ Шлейхеръ. Другіе ученые, допуская доисторическое существованіе основнаго общаго для всехъ индоевропейскихъ языковъ праязыка, отрицаютъ въ немъ то развитіе, которое представляетъ теорія Курціуса, и полагаютъ, что въ немъ первоначально были лишь основныя формы глаголовъ (Бенфей) или именъ ([illegible]).

Действительно, Бенфей въ своемъ изследованіи подъ заглавіемъ „Корни-ли, или глаголы-основа индоевропейскихъ языковъ", помещенномъ въ IX книге „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung", изд. Куномъ, доказываетъ, что все грамматическія категоріи, даже местоименія, за исключеніемъ междометій, образовались изъ глаголовъ. Но отвергая существованіе корней, Бенфей не определяетъ, что следуетъ разуметь подъ этими глаголами, изъ которыхъ, по его мненію, образовались все другія категоріи индоевропейскихъ языковъ. Не находя этого определенія въ его изследованіи, Курціусъ говоритъ, что Бенфей собственно заменяетъ только названіе корней названіемъ глаголовъ, но не опровергаетъ въ сущности теоріи существованія корней.
Но это не совсемъ такъ. Действительно, Бенфей доказываетъ, что названіе корней, какъ основныхъ звуковыхъ началъ, должно быть устранено изъ науки

~~и замѣнено~~ и замѣнено названіемъ первичныхъ глаголовъ и ихъ замѣнителей, но сущность дѣла заключается въ той главной его мысли, которую Б. два раза формулируетъ въ своемъ изслѣдованіи. Такъ онъ говоритъ: „вопросъ, который я здѣсь разсматриваю, слѣдующій: грамматическія ли категоріи индоевропейскихъ языковъ независимо (coordinirt) одна отъ другой изъ лежащихъ въ основѣ ихъ и добываемыхъ путемъ сравнительнаго анализа звуковыхъ комплексовъ — и въ такомъ случаѣ эти звуковые комплексы заслуживаютъ названія корней — или онѣ, т.е. грамматическія категоріи произошли послѣдовательно въ зависимости (subordinirt) одна отъ другой; — въ такомъ случаѣ эти звуковые комплексы сами представляютъ категорію въ праязыкѣ? Въ другой разъ онъ говоритъ: „Корни ли основа для безконечнаго множества явленій въ языкахъ индоевропейской отрасли, или глаголы?" Изслѣдуя этотъ вопросъ, онъ доказываетъ, что грамматическія категоріи образуются въ зависимости одна отъ другой, постепенно, а именно: отъ глаголовъ происходятъ причастныя формы, причастныя формы переходятъ въ имена (прилагательныя и существительныя), отъ измѣненія именъ по падежамъ образуются съ теченіемъ времени нарѣчія и др. части рѣчи. Мѣстоименія были, по его мнѣнію, также именами, но впослѣдствіи утратили свое значеніе знаменательное; самые же звуковые комплексы, отъ которыхъ образуются всѣ слова, по его мнѣнію, представляются большею частью или производными или сборными. Такихъ простыхъ звуковыхъ комплексовъ, какъ да или дха, весьма немного, а потому ихъ и нельзя считать корнями, т.к. эти комплексы представляются остатками отъ крушенія болѣе первичныхъ формъ, слѣдовательно, могли быть подвержены разложенію

(Такъ Бенфей опровергаетъ мнѣнiе о существованiи Корней). Подобнаго-же мнѣнiя о Корняхъ держится и Асколи, привлекая къ сравненiю съ Корнями индоевропейскихъ языковъ корни семитическихъ. Помощью этого сравненiя онъ находитъ средство тѣ звуковые комплексы, кои считаются основными въ языкахъ индоевропейской отрасли, подвергать новому разложенiю. Изъ формъ же болѣе развитыхъ отъ этихъ звуковыхъ комплексовъ, онъ считаетъ болѣе древнею форму имени, т. е. отдаетъ предпочтенiе относительно старшинства образованiя имени, а не глаголу.

Такимъ образомъ, оба эти ученые, отвергая одинаково существованiе корней, въ сущности противоречатъ другъ другу, п. ч. то, что у одного является предшествующимъ, то у другаго оказывается послѣдующимъ.

Курцiусъ справедливо замѣчаетъ, что Бенфей и Асколи, хотя далеко расходятся между собой въ ученiяхъ, однако представляютъ большое сходство относительно средствъ. Для обоихъ, говоритъ онъ, не существуетъ ни малѣйшаго сомнѣнiя въ томъ, что тѣ звуковыя искаженiя, уклоненiя отъ нормальнаго образованiя и пр., кои могли быть, дѣйствительно, указаны въ позднѣйшихъ раз- перiодахъ развитiя языковъ, были также свойственны языку и въ первоначальный перiодъ его развитiя: оба они стараются объяснить звуковые комплексы языка, какъ остатки отъ крушенiя болѣе сложныхъ основныхъ формъ.

Курцiусъ здѣсь иронически замѣчаетъ: всякiй можетъ же подумать, что этотъ прiемъ, по отношенiю къ ранней молодости языка, отличается тою же вѣроятностью, какую напр., можетъ имѣть послѣдовость мальчика или беззубость юноши?

Между этими двумя противоположными мнѣ-

мнѣніями для насъ представляется болѣе вѣроятнымъ мнѣніе Курціуса. Въ самомъ дѣлѣ, если Бенфей допускаетъ историческое существованіе основнаго праязыка, если онъ даже доказываетъ, что этотъ праязыкъ долгій періодъ времени могъ обходиться безъ всякихъ грамматическихъ категорій, кромѣ глагола, то гораздо правдоподобнѣе гипотеза Курціуса о первоначальномъ существованіи такихъ звуковыхъ элементовъ, т.е. корней, кои въ началѣ не имѣли опредѣленнаго значенія имени или глагола, мало по малу развились въ глагольныя формы, а потомъ въ именныя и т.д.

Принимая гипотезу Курціуса о существованіи корней, мы вмѣстѣ съ тѣмъ принимаемъ и его положеніе о реальности корней, т.е. что корни въ моментъ своего образованія были дѣйствительными словами въ арійскомъ праязыкѣ или прасловами.

Но понятіе о первичномъ словѣ не должно быть смѣшиваемо съ понятіемъ о словѣ въ томъ его видѣ, въ какомъ оно намъ представляется въ историческую пору развитія флексивныхъ языковъ. Первобытное слово (Urwort), вѣроятно, было звуковымъ знакомъ живаго впечатлѣнія, произведеннаго на человѣка какимъ либо явленіемъ окружающей его природы. Значеніе его было, по всей вѣроятности, конкретнымъ, т.е. соотвѣтствующимъ совокупности всѣхъ тѣхъ признаковъ какого либо явленія, кое произвело на человѣка извѣстное впечатлѣніе и вызвало въ немъ тѣ или другіе звуки для своего обозначенія. Эта первоначальная конкретность значенія съ теченіемъ времени могла и должна была замѣниться отвлеченностью, потому мы не можемъ представить

ни одного примѣра для объясненія первобытнаго значенія слова. Тѣ значенія, кои приписываются основнымъ корнямъ въ сравнительныхъ словаряхъ не могутъ считаться вполнѣ не соотвѣтствующими тому истинному значенію корня, кое онъ имѣетъ въ моментъ своего образованія. Примѣромъ приблизительно объясняющимъ значеніе первообразнаго слова въ настоящее время можетъ служить какое либо восклицаніе, вырвавшееся изъ души вслѣдствіе какого либо внезапно озарившаго ее чувства. Представимъ себѣ, что вдругъ неожиданно предстало передъ нами лицо, появленіе коего было бы для насъ пріятно, и мы подъ вліяніемъ впечатлѣнія воскликнули бы: ба!, сопровождая это восклицаніе той мимикой, коя соотвѣтствовала бы скорости нашего чувства радости. Понятно, что восклицаніе вырвалось изъ глубины души подъ вліяніемъ впечатлѣнія, кое произвело на насъ появленіе извѣстнаго лица; само же впечатлѣніе есть внезапное отраженіе въ душѣ нашей всѣхъ тѣхъ признаковъ, коими обусловливается данное явленіе; слѣдовательно, въ значеніи этого восклицанія ба! заключается совокупность всѣхъ тѣхъ признаковъ, кои произвели извѣстное впечатлѣніе и вызвали изъ души нашей это восклицаніе. Ясно, что значеніе этого восклицанія ба! вполнѣ конкретно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно неопредѣленно, такъ что, если бы мы спросили, что значитъ это ба!, то намъ пришлось бы или отказаться отъ отвѣта на этотъ вопросъ, или прибѣгать къ описанію его значенія. Подобное значеніе, вѣроятно, принадлежитъ и первообразному слову арійца.

Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ слово въ эпоху историческаго развитія флексивныхъ языковъ: какъ бы ни было конкретно оно, все-таки въ немъ заключается въ себѣ и много отвлеченнаго, такъ напр., слово „книга“ можетъ заключать въ себѣ въ одно и тоже время

Рус. Лит. Невскій 10б

Конкретное значеніе, состоящее въ представленіи какой либо извѣстной опредѣленности книги, и отвлеченное, состоящее въ понятіи о книгѣ, какъ объ извѣстномъ родѣ предметовъ.

Но кромѣ того, что первослово отличается отъ слова и по внутреннему своему содержанію, оно еще отличается и по внѣшней своей звуковой формѣ. Если первообразное слово есть звуковой знакъ впечатлѣнія, если сила впечатлѣнія, способная вызвать въ человѣкѣ извѣстные звуки, принадлежитъ лишь первому моменту, то понятно, что и слово по своей звуковой формѣ должно соотвѣтствовать этой моментальности силы впечатлѣнія. Моментальность же въ звуковомъ выраженіи не можетъ быть обозначена ничѣмъ инымъ, какъ односложностью т.е. такимъ сочетаніемъ двухъ или нѣсколькихъ звуковъ, кот. можетъ быть произнесено въ одинъ пріемъ голоса. Отсюда понятно, что корни или первообразныя слова должны быть односложными, тогда какъ въ языкахъ флексивныхъ представляются намъ и односложными и многосложными. Но признавая реальность корней въ томъ смыслѣ, что они до развитія изъ нихъ грамматическихъ категорій въ праязыкѣ, были въ немъ дѣйствительными словами и что впослѣдствіи они являлись реальною основою для образованія изъ нихъ множества словъ и категорій въ языкахъ флексивныхъ, мы однако не думаемъ, что на основаніи добытыхъ нами посредствомъ сравнительнаго анализа корней индоевропейскихъ языковъ, возможно было возстановленіе арійскаго праязыка. Мы не можемъ положительно утверждать, что добытые нами корни звучали одинаково во весь періодъ развитія арійскаго праязыка. Такъ напр., положимъ, что изъ формъ γυνή (жена) γί-γν-ομαι (рождаюсь), прош. вр. γέ-γον-α арх. γε-γά-ως, существ. γέν-ος (родъ) лат. gigno genus, gens; готск. kein-an (рождать), kun-i (родъ), лит. gem-u (рождаюсь), gam-inti (рождать), gimtis (родъ), лат. и слав. жен-а и т.д. путемъ сравнительнаго анализа мы добыли общій имъ всѣмъ звуковой комплексъ въ формѣ gan, gâ. Спраши-

вается: всегда-ли этотъ звуковой комплексъ (въ формѣ ǵan, ǵā), лежащій въ основѣ всѣхъ вышеозначенныхъ формъ, звучалъ одинаково въ арійскомъ праязыкѣ? Едва-ли; потому-что мы извлекли его изъ разныхъ формъ языковъ, уже достигшихъ своего полнаго развитія въ звуковомъ строеніи; значитъ, эту форму звуковаго комплекса мы можемъ еще признать основною для той поры арійскаго праязыка, когда была близка къ періоду выдѣленія изъ него другихъ языковъ индоевропейской отрасли. Но звучалъ-ли этотъ основной звуковой комплексъ также въ моментъ своего образованія въ арійскомъ праязыкѣ, этого мы утверждать не можемъ; т. к. мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія утверждать, что фонетика арійскаго праязыка никогда не подвергалась измѣненію. Точно-также, если на основаніи значеній вышеприведенныхъ словъ мы приписываемъ этому корню значеніе „рождать", то слѣдуетъ-ли отсюда, что онъ имѣлъ и первоначально тоже самое значеніе? Едва-ли; т. к. есть другія группы словъ, кои имѣютъ въ основѣ своей туже звуковую форму корня, но иное значеніе; слѣдовательно, и корни, лежащіе въ основѣ ихъ, должны имѣть также другое значеніе. Такъ въ словарѣ Фикка корень ǵan, ǵā имѣетъ 3 значенія: 1) рождать (въ среднемъ значеніи „происходить", 2) „знать" и 3) „быть свѣтлымъ", „блестѣть".

Спрашивается, какое же изъ этихъ трехъ значеній должно считать первоначальнымъ, т. е. тѣмъ, кое было присуще корню въ моментъ его образованія? Очевидно, что отъ отвѣта на этотъ вопросъ мы должны отказаться, а также и отъ того утвержденія, что этотъ корень звучалъ одинаково во всѣ періоды развитія основнаго арійскаго праязыка. Поэтому стремленіе по добытымъ изъ языковъ индоевропейской отрасли корнямъ возсоздавать основный арійскій праязыкъ есть уже увлеченіе въ наукѣ за предѣлы возможнаго.

Сравнительный анализъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что каждый корень арійскаго праязыка въ своемъ реальномъ существованіи по различнымъ языкамъ индоевропейской отрасли подвергался различнымъ звуковымъ видоизмѣненіямъ. Такъ напр., мы видимъ, что основной корень ǵan ǵā принимаетъ въ др. инд. яз. форму ǵan, ǵā, въ греч. γεν въ лат. gen, въ слав. ген. Это показываетъ, что корнямъ отдѣльныхъ языковъ индоевропейской отрасли свойственны особыя звуковыя формы; кромѣ того это свойство видоизмѣняться въ своей звуковой формѣ, присущее основнымъ корнямъ, принадлежитъ также и корнямъ отдѣльныхъ языковъ. Такъ напр., если мы возьмемъ греч. корень γεν то увидимъ, что въ различныхъ категоріяхъ онъ принимаетъ различныя формы; въ ф. наст. вр. γι-γν-ομαι онъ имѣетъ ф. γν, въ категоріи прош. вр. (γε-γον(α)) ф. γον, въ катег. причаст. (γε-γα-(ως)) ф. γα. Тоже самое мы видимъ и въ слав. языкѣ. Корень им- (воз-им-ѫ) измѣняется въ категоріи неопред. наклоненія въ форму я (вз-я-ти) и въ сложныхъ глаголахъ въ ф. им, напр. прин-им-ати. Корень бъ принимаетъ ф. бы- въ неопред. наклоненіи (бы-ти), форму бѫ въ категоріи настоящ. времени бѫ-дѫ и наконецъ ф. бу въ категоріи буд. времени русскаго глагола бу-ду.

Отсюда слѣдуетъ, что 1) звуковое измѣненіе формы корней есть существенное свойство языковъ флексивныхъ и 2) что всѣ корни по отношенію къ языкамъ индоевропейской отрасли могутъ быть раздѣлены на общіе и частные. Подъ общими разумѣются тѣ корни, кои лежатъ въ основѣ образованія множества словъ, принадлежащихъ различнымъ языкамъ индоевропейской отрасли или одной какой нибудь группѣ языковъ, связанныхъ между собой ближайшимъ племеннымъ родствомъ, — потому есть корни славянскіе, германскіе, грекоиталійскіе, кельтскіе и др. Отношеніе между общими и частными корнями таково, что весьма рѣдко звуковая форма общихъ корней совпадаетъ со звуковой формой частныхъ корней — такихъ корней

какъ кор. да-, кръй есть и общій, и частный, весьма немного; большая же часть общихъ корней не совпадаетъ съ частными. Это различіе общихъ корней отъ частныхъ зависитъ, конечно, отъ того различія звуковыхъ особенностей, кръя присущи каждому отдѣльному языку, почему при сравнительномъ анализѣ для отысканія общихъ корней необходимо обращать строгое вниманіе на взаимное отношеніе звуковъ между собой въ частныхъ корняхъ, п. ч. нерѣдко бываютъ случаи, кръе по-видимому указываютъ на совпаденіе общихъ корней съ частными, между тѣмъ какъ въ сущности подъ этимъ сходствомъ скрывается большое различіе въ ихъ образованіи. Такъ напр., мы не должны приравнивать форму слав. корня и (и-ти) къ ср. древнеинд. к. і, п. что слав. звукъ и образовался уже послѣ того, какъ основной звукъ і подвергся подъему. До сихъ поръ мы выражали тѣ мысли, кръя служили къ подтвержденію мнѣнія о реальности корней, - теперь перейдемъ къ самому изученію корней, какъ реальныхъ звуковыхъ началамъ въ образованіи словъ индоевропейской отрасли.

Прежде всего является вопросъ, что такое корень? Максъ Мюллеръ въ своихъ лекціяхъ „по наукѣ о языкѣ" опредѣляетъ корень такимъ образомъ. „Корнемъ или радикаломъ", говоритъ онъ, „мы называемъ все то, что въ словахъ какого либо языка или семьи языковъ не можетъ быть выведено къ болѣе простой, къ болѣе первоначальной формѣ". Это опредѣленіе впрочемъ онъ самъ считаетъ неудовлетворительнымъ, п. что 1) оно даетъ намъ болѣе отрицательное, чѣмъ положительное понятіе о корнѣ и 2) даетъ поводъ заключить, что корень не имѣетъ реальнаго значенія, п. что по данному опредѣленію онъ представляется отвлеченіемъ (abstractio) отъ реальнаго, т. е. отъ словъ.
Отвергая этотъ выводъ и доказывая несомнѣнную реальность корней, М. Мюллеръ приводитъ къ другому

опредѣленію корня. Онъ говоритъ: „для насъ, говорящихъ на флективныхъ въ высшей степени выработанныхъ языкахъ, корни суть прежде всего то, что остается, какъ послѣдній остатокъ послѣ полнаго анализа родныхъ нашихъ нарѣчій или всѣхъ языковъ, кот. вмѣстѣ образуютъ одну великую арійскую массу рѣчи."

Какъ ни справедливо это опредѣленіе, однако оно не представляетъ такого яснаго, такого, такъ сказать, обязательнаго для ума понятія о корнѣ, какъ о послѣднемъ остаткѣ анализа, какое представляетъ опредѣленіе корня, предложенное Курціусомъ въ его сочиненіи: „Grundzüge der griechischen Etymologie". Онъ опредѣляетъ корень такъ: „Корень есть такой звуковой комплексъ знаменательнаго значенія, кот. остается послѣ выдѣленія отъ данной формы слова всего формальнаго." Подъ формальнымъ онъ разумѣетъ всѣ тѣ звуковые элементы, входящіе въ составъ слова, кот. ми опредѣляется его грамматическое значеніе. Такъ напр., возьмемъ форму <u>читаеши</u> и отдѣлимъ первоначально всѣ формальные звуковые элементы. Они будутъ слѣдующіе:

1) окончаніе <u>ши</u>, п. что имъ какъ и во многихъ другихъ словахъ одинаковаго грамматическаго строенія, обозначается форма 2го лица.

2) звукъ <u>е</u>, кот. здѣсь, какъ и въ другихъ глагольныхъ формахъ обозначаетъ форму личной глагольной темы.

3) звукъ <u>а</u>, кот. при сравненіи формы <u>читаеши</u> съ ф. <u>чтеши</u> оказывается также не принадлежащимъ къ корню, т. к. форму темы грамматической категоріи неопр. (времени) наклоненія состав. 4) <u>чит</u>-. Въ этомъ остаткѣ мы видимъ гласный зв. <u>и</u>, кот. является не вездѣ; если сравнимъ формы <u>чьт-у</u> и <u>читаю</u>, то увидимъ, что звукъ <u>и</u> есть усиленіе н. <u>ь</u>, кое, какъ извѣстно, появляется въ корняхъ во многихъ случаяхъ, когда изъ нихъ образуются темы помощью звука <u>а</u>.

Стало быть, отдѣливши всѣ формальные звуковые

элементы, мы получимъ ф. чит, общую какъ для слав, такъ и для русскаго глагола читать; древнѣйшее значеніе корня чит- будетъ: „собирать", „считать", „собирать буквы" и позднѣе (т. к. въ древнѣйшія времена читали преимущественно духовныя книги) сюда же присоединилось понятіе, соединенное съ почтеніемъ, и глаголъ этотъ сталъ употребляться также въ значеніи „почитать".

Такимъ образомъ мы могли бы опредѣлить корень еще слѣдующимъ образомъ: Корень есть такой реально существующій въ языкѣ первообразный слогъ знаменательного значенія, изъ к-раго образуется множество словъ, помощью соединяющихся съ нимъ а нерѣдко видоизмѣняющихъ его звуковыхъ элементовъ формальнаго значенія.

Что касается до способа извлеченія корней изъ данныхъ формъ, то онъ можетъ быть различенъ смотря по тому, какой корень извлекается или отыскивается - частный или общій.

Если мы хотимъ извлечь частный корень, то необходимо 1) имѣть въ виду большую часть тѣхъ формъ, к-рыя по своему грамматическому строенію были бы одинаковы съ даннымъ словомъ. Далѣе, сравнивая эти формы, нужно отбросить всѣ тѣ звуковыя части, к-рыя оказываются общими у всѣхъ словъ, и продолжать это отбрасываніе общихъ звуковыхъ элементовъ до тѣхъ поръ, пока въ результатѣ не получится такая основная часть слова, к-рая связываетъ множество производныхъ словъ единствомъ своего основнаго значенія. 2) нерѣдко приходится оставшіяся основныя части слова возводить въ первообразную форму на основаніи историческихъ данныхъ языка.

Возьмемъ напр., слово ученикъ и будемъ извлекать изъ него частный корень.

Прежде всего мы должны сравнить эту форму со словами подобнаго же образованія, напр., мужикъ, ножикъ, пряникъ и т. д., въ к-рыхъ видимъ везде окончаніе -икъ, придающее слову уменьшительное значеніе - лицо,

что въ немъ не можетъ быть ни одного звука, принадлежащаго корню. Отнявши окончаніе -ікъ, мы имѣемъ, слѣдовательно, ф. учен-. Сравнивая съ формами подобнаго же значенія, напр. удручен-, вѣден-, мы видимъ, что звуки ен не принадлежатъ корню. Отбросивъ ен, получимъ уч. Эту форму и слѣдовало бы принять за корень; но по законамъ слав. фонетики звукъ ч не есть звукъ первообразный — онъ могъ явиться вслѣдствіе того, что основной, соотвѣтствующій ему к передъ гл. е принялъ форму звука ч. Поэтому вмѣсто формы корня уч мы должны поставить ф. ук. Сравнивая послѣднюю со словами неукъ, наука, научити, мы видимъ, что всѣ они имѣютъ одно общее основное значеніе; т. что за частный корень нужно признать ф. ук-, кая служитъ основою для образованія множества словъ, связанныхъ единствомъ основнаго значенія (навыкъ, обычай).

Если мы захотимъ отыскать общій корень, то необходимо прежде всего найти частные корни, лежащіе въ основѣ извѣстной группы словъ въ каждомъ языкѣ, а потомъ обратить вниманіе на отношеніе звуковъ одного частнаго корня къ звукамъ другихъ частныхъ корней. Напр., если мы возьмемъ русское слово жить, живъ, жизнь, то сравнивъ ихъ съ тѣми же словами во всѣхъ языкахъ славянскихъ, придемъ къ тому заключенію, что корень общій для всѣхъ славянскихъ языковъ долженъ имѣть форму жив-.

Далѣе для отысканія общаго корня обратимся къ грамматическимъ формамъ ближайшихъ родственныхъ слав. языковъ — прежде всего къ литовскому яз. Тамъ найдемъ такую форму корня, кая указываетъ на тоже значеніе, какое имѣетъ и русская, т. е. gyvenù = живу, обитаю, прилаг. ф. gyvas = живъ; слѣдовательно, общій для лит. и слав. формъ корень будетъ giv. Сравнивая слав. форму съ литовской, мы отдаемъ предпочтеніе относительно старшинства звуковъ литовскому языку, п. что въ слав. корнѣ является звукъ ж, кый въ немъ можетъ образоваться изъ звука г, но въ литовскомъ корнѣ giv звукъ і — долгій. Отсюда заключа-

ень, что и въ слав. корнѣ жив зв. *и* имѣлъ долготу. что доказывается и тѣмъ, что въ сербскомъ языкѣ въ этомъ корнѣ *и* есть звукъ долгій.

Далѣе обратимся къ греческ. и лат. соотвѣтствующимъ формамъ. Въ лат. языкѣ мы встрѣчаемъ формы: *vīv-o*, *vīv-ere*, прил. *vīv-us*, сущ. *vīta*. Изъ фонетики лат. языка извѣстно, что звукъ *v* въ началѣ словъ можетъ образоваться изъ основнаго *g*, кот. въ началѣ словъ принимаетъ форму *gv*, *gu*, слѣдовательно, форма *vīv-us* образовалась изъ *gvīvus*. Въ греч. языкѣ находимъ такія формы: *βίος* вм. *βίϜος*, стало быть вѣрно предположить и для этихъ формъ основной корень *giv* = *βiϜ*. Въ санскритскомъ яз. мы находимъ ф. *ǵīv-a-mi*, *ǵīv-as* и т. д., но мы знаемъ, что *ǵ* въ санскр-итскомъ языкѣ образуется изъ болѣе древняго звука *g*.

Изъ всего сказаннаго заключаемъ, что для всѣхъ вышеупомянутыхъ формъ вѣрно признать корнемъ форму *gīv*, но эта форма не можетъ быть въ строгомъ смыслѣ признана корнемъ, п. что она выводится не изъ глагольной первообразной формы, а изъ именной. Находя кромѣ того въ санскритскомъ языкѣ форму *ǵi-nvāmi*, съ *ĭ*, кот. произошла изъ ф. *ǵi-nōmi* и зная, что въ санск. *ǵ* произошло изъ основнаго звука *g*, мы должны признать за общій для всѣхъ языковъ индоевропейской отрасли корень *gi*, кот. имѣетъ значеніе „быть и дѣлаться живымъ".

Образованіе звуковой формы корней.

Мы уже сказали, что существенное свойство звуковой формы корней языковъ индоевропейской отрасли есть *односложность*, т. е. что корни должны быть непремѣнно односложны. Если же иногда приходится останавливаться на такихъ звуковыхъ основахъ словъ, кот. заключали бы въ себѣ болѣе одного слова, то это служитъ признакомъ того, что въ настоящее время мы не имѣемъ средствъ найти ихъ истинные корни и въ такомъ случаѣ они

считаются уже не корнями, а темами.

Въ слѣд. формахъ: слав. вечеръ, нарѣч. вчера, рус. вчера, лит. vakaras, нарѣч. vakara, греческ. ἕσπερα, прилаг. ἕσπερος, лат. vespera и vesper корень до сихъ поръ не отысканъ. Формы: слав. вечер-нъ и соотвѣтствующая ей греч. ἑσπέρ-ινος не позволяютъ отбросить звука р въ слав. яз. Боппъ и за нимъ Бенфей, одобрившій предположеніе перваго, думаютъ, что эта форма сложная и состоитъ изъ di/vas-para т. е. конецъ дня. Но подобное объясненіе нельзя допустить въ настоящее время въ виду того, что въ литовскихъ и славянскихъ формахъ участвуетъ звукъ К, а мы знаемъ изъ законовъ соотвѣтствія звуковъ, что звукъ р можетъ образоваться изъ К, но не наоборотъ; слѣдовательно, объясненіе Боппа и Бенфея нельзя признать вѣрнымъ. Курціусъ считаетъ основною индоевропейскою формою форму vaskara, признавая въ ней за основ. корень vas, отъ кот. произошла въ древнеинд. яз. форма vas-at-is (vas-окутывать), причемъ остальная часть слова оставляется безъ объясненія. Слѣдовательно, ф. vaskara до того сложна, что не можетъ быть признана за корень. Но и односложные корни въ своемъ образованіи представляютъ различныя степени. Максъ Мюллеръ дѣлитъ односложные по образованію корни на 3 разряда: 1) Корни первичнаго образованія, 2) Корни вторичнаго образованія и 3) Корни третичнаго образованія.

I. Корни первичнаго образованія состоятъ изъ:

1) одного гласн. звука (i)
2) гласн. + согл. (ad)
3) согл. + гласн. (da)

II. Корни вторичнаго образованія состоятъ изъ:

1) согласн. + гласн. + согласн. (tud-толкать)

Въ этихъ корняхъ первый или послѣдующій согласный могутъ подвергаться измѣненію

III. Корни третичнаго образованія состоятъ изъ

1) согласн. + согласн. + гласн. (plu)

2) гласн.+согласн.+согласн. (ard- вредить)
3) согласн.+согласн.+гласн.+согласн. (spas- видѣть)
4) согласн.+согласн.+гласн.+согласн.+согласн. (spand- дрожать)

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію системы корней въ языкахъ славянскихъ, мы должны рѣшить два вопроса: первый касается сочетанія звуковъ плавныхъ р и л съ глухими гласными ъ и ь, а второй — отношенія русск. полногласныхъ формъ къ славянскимъ неполногласнымъ. Оба эти вопроса настолько важны, что необходимо изложить о нихъ различныя мнѣнія ученыхъ въ ихъ исторической послѣдовательности.

Первымъ по порядку является мнѣніе аббата Іосифа Добровскаго. Въ своей книгѣ: „Institutiones linguae slavicae dialecti veteris", изданной въ 22 году, онъ говоритъ слѣдующее: „теперь для благозвучія вставляется гласный звукъ въ тѣхъ слогахъ, въ коихъ прежде онъ не писался; особенно часто эта вставка гласныхъ звуковъ встрѣчается въ памятникахъ русской (рѣчи) письменности, где передъ звуками плавными р и л вставляется звукъ о, напр. въ ср. волна вм. влна; иногда этотъ звукъ ставится и послѣ плавнаго л въ ср. плоть вм. плть. Форму влна края встрѣчается въ однихъ (хорвато-паннонскихъ) памятникахъ правильно, въ другихъ (сербо-паннонскихъ) рѣдко а въ третьихъ (словено-паннонскихъ). Въ заключеніе, Добровскій считаетъ болѣе древней формой, чѣмъ р. форму волна. Мнѣніе его не имѣетъ особой важности, и что онъ, очевидно, не принимаетъ въ расчетъ ф. вълна и вълна, также встрѣчающіяся въ памятникахъ письменности.

За мнѣніемъ Добровскаго слѣдуетъ мнѣніе Максимовича. Онъ какъ въ своемъ соч. Исторія древней русской словесности, такъ и въ „Начаткахъ Русской филологіи" (позднѣйшемъ своемъ сочиненіи) приводитъ эту новую

мысль, что русскій языкъ сохранилъ лучше равновѣсіе въ строеніи слоговъ, чѣмъ др. славянскіе языки; почему и отдаетъ предпочтеніе относительно древности формамъ русскимъ.

Катковъ въ своей книгѣ объ „Элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка" говоритъ, что встрѣчающіяся въ О. Евангеліи ф. млъмьниа древнѣе другихъ. Это сочиненіе Каткова относится къ 45 г.

Миклошичъ въ I т. своей „Сравнительной грамматики Славянскихъ языковъ", изд въ 52 г., держится того мнѣнія, что плавные звуки р и л въ слав. языкахъ суть звуки гласные. Позднѣе, уже въ 75 г., онъ, опираясь на ученіе индійскихъ грамматиковъ, доказываетъ, что корнями для формъ напр. брати, млѣти, мльзти, смрьдѣти слѣдуетъ считать такія сочетанія звуковъ: бр, мл, млз и смрд; но въ болѣе позднемъ своемъ сочиненіи (77 г.) онъ пришелъ къ тому заключенію, что для этихъ словъ слѣдуетъ признать корнями слѣд. сочетанія звуковъ: бер, мел, мелз и смерд, но оставаясь при прежнемъ мнѣніи относительно гласности звуковъ р и л. Онъ говоритъ, что для этихъ корней слѣдуетъ допустить передъ плавными р и л гласный е на томъ основаніи, что строеніе др. инд. формы mrta основано на болѣе древней ф. marta, слѣдовательно и въ словѣ съмрьть вм. съмрть есть мер = мar. Такъ какъ звуки р и л, по его мнѣнію, гласные, то такія формы, какъ пльнъ, чрънъ должны произноситься, какъ плнъ и чрнъ, а если онѣ такъ произносятся или произносились, то писать-ли ф. чрънъ, пльнъ со зв. ъ или чрьнъ, пльнъ со зв. ь — это безразлично.

Противъ гласности звуковъ р и л возражалъ Востоковъ. Относительно написанія формъ черезъ ъ и ь онъ не высказалъ опредѣленнаго мнѣнія, но видно, что онъ различалъ эти способы написанія, т. к. писалъ слово пръстъ черезъ ь, а пльнъ — черезъ ъ. Относительно того правила, что въ др. славянскомъ яз. глухіе гласные ъ и ь должны всегда слѣдовать послѣ плавныхъ, Восто-

ковъ выражалъ сомнѣніе, что видно изъ написанныхъ имъ же самимъ формъ влъкъ и вълкъ, влъшьба и вълшьба.

Мнѣніе Шлейхера весьма неопредѣленно. Онъ замѣчаетъ, что въ др. слав. яз. глухіе гласные, обыкновенно, ставятся послѣ плавныхъ р и л въ тѣхъ случаяхъ, когда въ родственныхъ языкахъ соотвѣтствующій глухому гласному гласный звукъ стоитъ передъ плавнымъ, напр., онъ сравниваетъ ф. плъкъ и ф. pulkas и замѣчаетъ при этомъ, что обыкновеніе ставить глухой гласный послѣ плавнаго, вѣроятно, позднѣйшее; т. что и же литовскій яз. не имѣетъ этой наклонности.

Что касается до мнѣнія профессора харьковскаго университета Потебни, то онъ сначала въ своемъ сочиненіи: „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка" былъ того мнѣнія, что русскія формы напр. мертвь, мернуть образовались изъ др. слав. формъ мрътвъ, мрънѫти. Отсюда мы видимъ, что постановку глухихъ гласныхъ послѣ плавныхъ онъ считалъ признакомъ большей древности, а русскія формы мертвь, мернуть — позднѣйшими. Впослѣдствіи въ своемъ сочиненіи „Къ исторіи звуковъ русскаго языка", онъ уже признаетъ ф. влъкъ вполнѣ правильной только для языка др. ц. славянскаго, какъ одного изъ слав. нарѣчій опредѣленнаго времени, но ф. вълкъ онъ считаетъ уже обще-славянскою. До этого заключенія онъ дошелъ путемъ сравненія русскихъ и др. ц. слав. формъ съ формами западно-славянскихъ нарѣчій (чешскаго, лужицкаго, полабскаго и др.). По его мнѣнію существующее различіе въ постановкѣ глухихъ гласныхъ твердыхъ (напр. бръвь, слъза) или мягкихъ послѣ плавныхъ р и л древнѣе безразличія, кромѣ того графически выражается посредствомъ послѣдовательнаго употребленія въ формахъ звука ъ или ь (въ полабскихъ чисто-сербскихъ послѣ плавныхъ зв. стоитъ всегда ь)

Наконецъ послѣдній его выводъ и самый важный состоитъ въ томъ, что за исключеніемъ такихъ слоговъ, какъ дрьвъ во всѣхъ другихъ словахъ русское правописаніе, т. е. постановка глухихъ гласныхъ передъ плавными древ-ние, [illegible] глухихъ гласныхъ.

За мнѣніемъ Потебни слѣдуетъ мнѣніе Гейтлера, который въ своемъ сочиненіи Starobulgarska fonologia думаетъ, что первоначально глухіе ъ и ь предшествовали плавнымъ, какъ это видимъ, говоритъ, изъ ср. Остром. Евангелія съмрьть, четврьта, погрѣбати, цръкъвнымъ, цръкы, но такъ какъ слав. яз. избѣгаетъ сочетаній плавныхъ р и л съ послѣдующими нѣмыми согласными, то вслѣдствіе этого появляется глухой гласный между плавнымъ и нѣмымъ согласнымъ, что видимъ напр. изъ ср. съмьрть, но такъ какъ второй ь могъ произноситься и какъ ь, и какъ ъ, то поэтому и въ О. Евангеліи часто попадаются формы, въ которыхъ звуки ъ и ь смѣшиваются (съмрътъ и съмрьть), причемъ глухіе гласные, появляющіеся вслѣдствіе вставки между плавными и нѣмыми, мало по малу вытѣсняютъ гласные звуки въ корнѣ, почему и являются такія формы, какъ скръбь, которая по его мнѣнію образовалась изъ ф. скрьбь черезъ посредствующую ф. скърьбь, въ которой глухой гласный ъ, явившійся какъ вставка, мало по малу вытѣснилъ коренной гласный ъ.

Относительно того, какіе глухіе гласные должны употребляться въ однихъ словахъ, и какіе въ другихъ, онъ говоритъ, что такъ какъ глухіе гласные въ корнѣ могутъ исчезнуть и т. к. формы съмрьть и съмръть могутъ быть признаны правильными, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы нельзя было рѣшить, который изъ этихъ звуковъ долженъ стоять въ корнѣ, т. к. форма съмрьть сохранила свой коренной гласный звукъ въ лит. яз. въ ф. mirtis, которая образовалась изъ ф. mertis, а эта послѣдняя изъ основной ф. martis, точно также

По мнѣнію Шмидта формы, въ которыхъ глухіе гласные ъ и ь предшествуютъ плавнымъ р и л между согласными, древнѣе тѣхъ, въ которыхъ глухіе гласные слѣдуютъ за согласными плавными въ словахъ, соотвѣтствующихъ русскимъ формамъ, имѣющимъ звукъ гласный передъ плавнымъ. Что касается до формъ, встрѣчаемыхъ въ Остр. Евангеліи и др. памятникахъ Кирилло-русскаго письма, имѣющихъ два глухихъ гласныхъ по бокамъ плавныхъ р и л, то Шмидтъ объясняетъ происхожденіе ихъ изъ формъ мълва, мълниа, дългъ, сълнцю, скърбь посредствомъ звука, появляющагося изъ плавныхъ р и л, который называется сварабхакти, т.е. такимъ, который выдѣлился изъ природы плавныхъ при встрѣчѣ ихъ съ какими нибудь согласными.

Ягичъ (въ своемъ „Archiv für slavische Philologie") отрицая всякое значеніе глухихъ звуковъ по бокамъ плавныхъ, какъ историческое, такъ и теоретическое, полагаетъ, что др. славянскій языкъ согласно съ другими югославянскими нарѣчіями, а также чешскимъ и въ особенности словацкимъ, въ которомъ до сихъ поръ существуетъ гласность р и л и количество ихъ, имѣлъ въ виду выражать посредствомъ (ихъ) начертанія ръ или рь, лъ или ль ничто другое, какъ только вокализацію звуковъ р и л, къ которому этимологически могъ вести двоякій путь: или черезъ слѣдующее сочетаніе звуковъ:

1) соглас. + глас. + плавн. + согл. или
2) соглас. + плавн. + глас. + согл.

Другими словами, по его мнѣнію тотъ краткій гласный звукъ, который мало по малу въ слав. языкѣ утратилъ свою силу при плавныхъ р и л слился съ ними въ одну слогообразовательную вибрацію голоса (т.е. звуки л и р стали черезъ это сами по себѣ способны образовать слогъ).

Само собой разумѣется, что съ этимологической точки зрѣнія это не безразлично, поэтому наука и

Ученіе древн. Кіе Кирил.

Миклош., Куропчанка, [illegible]

и имѣетъ право предложить вопросъ, въ какихъ случаяхъ, исходя отъ родственныхъ языковъ, должны глухіе гласные предшествовать или слѣдовать за плавными; но по выговору (т. е. съ физіологической точки зрѣнія) оба эти случая совпадаютъ между собой и теперь точно также какъ совпадали въ самую глубокую древность славянщины. Древніе словене, также и какъ нынѣшніе болгаре, сербы, хорваты и словенцы не дѣлали никакого различія въ выговорѣ между формами гръло и грьм (ѣти), между кръма, кръмъ и кръвь, хотя гръло, кръма, кръмъ черезъ горло, корма, кормъ а грьмѣти, кръвь черезъ гремѣти, кровь достигли когда-то въ слав. языкѣ особаго произношенія. Различіе ихъ уничтожилось вслѣдствіе той особенности др. слав. языка, по кот. онъ всю силу произношенія сосредоточилъ на плавныхъ л и р. Съ теоретической точки зрѣнія, конечно, эта фаза славянскаго языка представляется болѣе поздней, чѣмъ та, кот. лежитъ въ основѣ русскихъ формъ, въ кот. издревле, какъ и теперь, предполагается существованіе такой формы: горло, но не гръло = grlo. Другими словами, русскій языкъ никогда не доходилъ до такого полнаго сліянія глухихъ гласныхъ съ плавными, какъ это видимъ въ другихъ славянскихъ языкахъ, т. е. что въ немъ всегда различалось качество и мѣсто глухаго гласнаго звука. Очевидно, что на основаніи мнѣнія Ягича можно приблизительно сдѣлать такой выводъ, что др. слав. формы, кот. имѣютъ глухой гласный послѣ плавныхъ л и р между согласными, представляются болѣе древними, нежели всѣ другія формы.

Кочубинскій въ своемъ сочиненіи „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій" вообще доказываетъ то положеніе, что русскія формы во всѣхъ сочетаніяхъ гласныхъ съ плавными между согласными представляются болѣе древними

чѣмъ формы другихъ славянскихъ языковъ.

Миклошичъ въ своемъ изслѣдованіи „Ueber den Ursprung der Worte von der Form altslovenischen trъt" дѣлитъ всѣ слова на 2 разряда: одни, по его мнѣнію, произошли изъ соотвѣтствующихъ имъ формъ въ родственныхъ и праславянскихъ языкахъ, имѣющихъ въ основѣ своей сочетаніе звуковъ: trŭt, trĭt и отчасти trьt слѣдующимъ образомъ:

въ языкахъ I разряда (A): древне-словенскомъ, новословенскомъ, хорватскомъ, сербскомъ, чешскомъ гласный звукъ выпадаетъ, вслѣдствіе чего формулы trŭt и trĭt обращаются въ trt, а звуки л и р становятся гласными; въ новоболгарскомъ языкѣ иногда остается глухой гласный ъ имѣющій слогообразовательное значеніе, иногда выпадаетъ, т. что и онъ, стало быть, подходитъ подъ категорію языковъ съ основной формулой trt.

Въ языкахъ IIго р. (B) (т. е. въ русскомъ (съ его подраздѣленіями на малорусскій, бѣлорусскій и великорусскій) и въ языкахъ IIIго р. (C) т. е. въ польскомъ и лужицкомъ (съ его подраздѣленіями на в. и нижне-лужицкій) эта формула trŭt остается безъ измѣненія, т. н. слав. ф. брьв-, чешск. brv B) русск. ф. бровь, C) польск. brew.

Слова II разряда образовались изъ такихъ словъ, звуковое строеніе которыхъ имѣло въ основѣ своей формулу tert слѣдующимъ образомъ: въ языкахъ A ф. tert переходитъ въ trѣt, т. е. trt въ языкахъ же B и C гласные ~~звукы~~ звуки не мѣняютъ своего мѣста въ основной формулѣ, т. е. предшествуютъ плавнымъ, напр. др. ц. слав. чрѣпати; русск. черпать = польск. czerpać.

Мнѣніе Колосова не представляетъ ничего особеннаго. Онъ полагаетъ, что сочетаніе зв. ър есть исконное

для русскаго языка и что оно древнѣе сочетанія ърь. За основное же общеславянское сочетаніе онъ признаетъ форму ар или ал и ър или ъл въ тѣхъ формахъ, к[отор]ымъ въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ слова съ гласными, стоящими передъ плавными р и л.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ мнѣній относительно постановки глухихъ ъ и ь при плавныхъ р и л мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) что праславянскому языку было доступно какъ сочетаніе плавныхъ съ предшествующими глухими, такъ и сочетаніе плавныхъ съ послѣдующими глухими гласными звуками.

2) что сочетаніе втораго рода, обыкновенно, соотвѣтствовало тѣмъ словамъ русскаго языка, въ к[отор]ыхъ гласный предшествуетъ плавному въ корнѣ и наконецъ

3) что русское сочетаніе плавныхъ съ глухими ъ и ь, предшествующими плавнымъ, болѣе приближаются къ праславянскимъ формамъ, нежели формы всѣхъ другихъ слав. языковъ.

По мнѣнію проф. Некрасова за праславянскія формы въ тѣхъ случаяхъ, въ к[отор]ыхъ русскія формы имѣютъ гласный звукъ передъ плавнымъ, слѣдуетъ признавать ф. имѣющія слѣдующее сочетаніе звуковъ: ърь или ьрь и ълъ, хотя это сочетаніе другими учеными признаются за позднѣйшія.

Обратимся теперь къ изложенію мнѣній ученыхъ относительно вопроса о русскомъ полногласіи (оло, оро, еле, ере).

1. Начнемъ исторію этого вопроса, тѣсно связаннаго съ предыдущимъ, съ мнѣнія Добровскаго. Онъ полагаетъ, что русскія полногласныя формы, напр., колода, корова образовались изъ др. ц. слав. ф. клада, крава. Вставку звуковъ о или е напр., въ приставкѣ пере вм. прѣ онъ объясняетъ вліяніемъ яз. финскаго племени, т.е. что славяне, поселившись на сѣверъ, под-

чинилось влiянiю народовъ финскаго племени относительно образованiя формъ своего языка. Востоковъ возражалъ ему, но тоже предложилъ мнѣнiе, не выдерживающее критики, объясняя полногласiе русскихъ формъ влiянiемъ климата. 2

Оба эти мнѣнiя были легко опровергнуты Максимовичемъ, которому стоило только указать на тѣ формы южнорусскаго языка, гдѣ полногласiе встрѣчается едва-ли не больше, чѣмъ на сѣверѣ. Максимовичъ своей „Исторiи древней русской словесности" доказываетъ слѣдующiя положенiя:

1) то, что полногласiе слѣдуетъ считать скорѣе свойствомъ восточныхъ, нежели сѣверныхъ

2) что оно есть признакъ глубокой древности русскаго народнаго языка

3) что оно представляетъ исконную общеславянскую принадлежность рѣчи, которая прежде всего была утрачена западными славянами, а потомъ мало по малу убавилась и въ русскомъ языкѣ при новомъ образованiи подъ влiянiемъ книжнаго языка.

Катковъ говоритъ, что как полногласныя, такъ и неполногласныя формы „искони дружно бытуютъ въ русск. языкѣ". Формы съ двумя о по бокамъ плавнаго, по его мнѣнiю позднѣйшаго происхожденiя. Что касается до появленiя перваго или второго гласнаго при плавномъ, то оно происходитъ будто бы отъ особаго чутья плавныхъ звуковъ русскаго языка, которого не имѣютъ другiе слав. языки оттого что слав. языкъ издревле избѣгалъ какъ сочетанiя многихъ гласныхъ, такъ и согласныхъ между собой. Сравнивая формы русскаго языка съ формами чешскаго для объясненiя правилъ объ ударенiи, онъ приходитъ къ тому заключенiю, что второй гласный звукъ, т.е. тотъ, к-рый слѣдуетъ за плавнымъ, имѣетъ болѣе важное значенiе, чѣмъ первый на томъ основанiи, что

тѣ формы чешскаго языка имѣютъ долгій звукъ, кромѣ
соотвѣтствуютъ русскія формы съ удареніемъ на вто-
ромъ гласномъ звукѣ, напр., чешская ф. Kráva = слав. коро-
ва (hrad = городъ), hrách = горохъ (práh = порогъ).

Вопросъ о русскомъ полногласіи впервые подвергъ обстоя-
тельному изслѣдованію Лавровскій, который пришелъ къ
слѣдующему заключенію: „По отношенію къ родственнымъ
языкамъ русское полногласіе соотвѣтствуетъ одному глас-
ному передъ плавнымъ, отсутствіе же его въ словахъ съ
ра, ла, рѣ, лѣ послѣ согласной объясняется коренною проч-
ностью этихъ слоговъ, оставшихся въ томъ же видѣ и въ
соотвѣтствующихъ словахъ русскаго языка." 4
Этотъ выводъ съ теченіемъ времени получилъ значеніе
закона, такъ что на основаніи его объясняются явленія
полногласія въ русскомъ языкѣ. Изъ него мы видимъ меж-
ду прочимъ и то, что главное значеніе Лавровскій при-
писываетъ первому гласному, стоящему передъ плав-
нымъ, а второй гласный, стоящій послѣ плавнаго онъ
считаетъ явившимся уже позднѣе.
По поводу этого изслѣдованія Потебня написалъ отдѣль-
ное изслѣдованіе, въ которомъ доказываетъ, что русскія полно- 5.
гласныя формы образовались изъ слоговъ ра и ла вслѣдствіе
разложенія а и ѣ на звуки оо и ее точно также, какъ
въ сербскомъ языкѣ звукъ ѣ разложился на ије и ије. Что
же касается до образованія др. ц. слав. (формъ) сочетаній ра,
ла, то, по мнѣнію Потебни, они произошли черезъ пе-
рестановку изъ основныхъ сочетаній ar и al. Впослѣд-
ствіи онъ отказался отъ этого мнѣнія.
Ягичъ въ своемъ журналѣ „Archiv für slavische Philo-
logie" по поводу изслѣдованія Лавровскаго, доказыва- 5
етъ то положеніе, что для русскихъ полногласныхъ
формъ должно быть признано основнымъ то состояніе
сочетанія звуковъ, которое существуетъ и до нынѣ въ
большей части славянскихъ языковъ. Но какимъ

образомъ изъ формы градъ образовалась ф. городъ, это, говоритъ онъ, для насъ остается такою же тайною русскаго языка, какъ и перезвукъ а во о въ языкѣ польскомъ (gród) и лужицкомъ. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ полногласныхъ формахъ главное этимологическое значеніе принадлежитъ второму гласному звуку.

Гейтлеръ доказываетъ, что полногласныя формы русскаго языка древнѣе неполногласныхъ формъ др. ц. слав. языка. Это онъ выводитъ на основаніи того положенія, что въ древнеболгарскомъ языкѣ звукъ а, помимо сравненія съ русскимъ языкомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ представляетъ стяженіе двухъ о, а звукъ ѣ - стяженіе двухъ е. Онъ говоритъ, что въ санскр. ф. garbhas = греч. βρέφος = слав. жрѣбѧ нарушается полное соотвѣтствіе только звукамъ ѣ и суффиксамъ ѧ. Мы знаемъ, что ѣ могъ образоваться изъ основнаго ā или основнаго ē, а между тѣмъ здѣсь видимъ, что ѣ соотвѣтствуетъ ă или ĕ, чего быть не можетъ. Какимъ же образомъ объяснить появленіе ѣ? Гейтлеръ говоритъ объ этомъ такъ: тема garbh - βρεφ- жрѣб- могла перейти на слав. почвѣ прежде всего въ ф. герб* должна была обратиться въ ф. жерб. Далѣе, т. к. славянскій языкъ не терпитъ сочетанія плавнаго съ нѣмымъ согласнымъ, то между ними долженъ былъ явиться новый гласный звукъ по качеству равный коренному е - такъ получилась ф. жеребъ - которая сохранилась и до сихъ поръ въ русскомъ словѣ жеребенокъ. Эта послѣдняя форма по своему образованію древнѣе обычныхъ славянскихъ формъ. Далѣе изъ этихъ звуковъ ĕ посредствомъ стяженія образовался звукъ ѣ въ слав. ф. жрѣбѧ.

Точно также, говоритъ Гейтлеръ, посредствомъ стяженія образовался и звукъ а. Для доказательства онъ беретъ ф. слама и говоритъ, что она, по общему согласію всѣхъ родственныхъ яз. произносилась когда-то калам-, что видно изъ греч. ф. Καλαμος - лат.

* но такъ какъ въ слав. яз. звукъ г не можетъ соединяться непосредственно со звукомъ е, а образуется передъ нимъ въ ж, то ф. герб должна была обратиться въ ф. жерб.

calamus (тростникъ) верхненѣмецк. Kalam. Всѣ эти формы на слав. почвѣ могли измѣнить гласный а въ о или въ е; по переходѣ к въ с образовалась ф. солом-, кроя сохранилась и до нынѣ въ русск. словѣ солома, гдѣ крой посредствомъ стяженія двухъ о образовалась форма слама.

Точно также онъ объясняетъ и образованіе слова слатина (соленая вода) п.что оно имѣетъ несомнѣнную связь со словомъ соль и суф. -отина); на подобное сокращеніе о+о въ а указываетъ и сарацинъ = греч. ф. Σαρακηνός лат. Saracenus, крымъ должна бы соотвѣтствовать слав. ф. сорацинъ, отъ крой происходитъ сарацинъ.

Что же касается того, что о+о соединяются въ слав. языкѣ въ звукъ а, когда слѣдовало бы ожидать ō, то въ этомъ случаѣ слѣдуетъ признать только тотъ фактъ, что слав. яз. не знаетъ звука ō (крый остался въ литовскомъ), а замѣняетъ его звукомъ а. Изъ этого, очевидно, можно заключить, что русскія полногласныя формы древнѣе славянскихъ неполногласныхъ.

Шмидтъ говоритъ, еще рѣшительнѣе, что господствующее мнѣніе объ образованіи др. ц. слав. сочетаній рѣ, лѣ, изъ ере, еле во всѣхъ отношеніяхъ должно быть признано ложнымъ. По его мнѣнію слоги рѣ и лѣ съ предыдущими согласными образовались изъ основныхъ er, el, ar, al такимъ образомъ: тамъ, гдѣ стоялъ гласный передъ плавнымъ, въ слав. яз. между плавнымъ и слѣдующимъ нѣмымъ согласнымъ появился звукъ сварабхакти, крый по своему качеству долженъ былъ соотвѣтствовать звуку, находящемуся въ корнѣ. (по крайней мѣрѣ большинство случаевъ говоритъ въ пользу этого мнѣнія). Такимъ образомъ изъ до-слав. темы berg- (готск. bairg-) прежде всего въ слав. языкѣ могла образоваться форма бер(е)г, потомъ коренной звукъ е, проникая сквозь плавный р или л, слился со слѣдующимъ зв. сварабхакти въ одинъ долгій звукъ ѣ вслѣдствіе чего и получилась ф. брѣг. Такимъ обра-

зомъ ф. брѣг, по мнѣнію Шмидта, вышла изъ бреег, а эта послѣдняя изъ берег. Что касается до тѣхъ формъ, въ кіихъ удержался звукъ е въ краткомъ его значеніи, то онѣ образовались просто выпущеніемъ предыдущаго гласнаго е. Тоже самое Шмидтъ говоритъ и о тѣхъ формахъ, кіи имѣютъ въ др. ц. слав. яз. сочетаніе ра и ла, т. е. въ основной формѣ, напр., gard (готской и литовской) звука а въ славянскомъ языкѣ появляся въ видѣ о, потомъ изъ плавнаго зв. р выдѣлился такой же гласный для отдѣленія плавнаго звука р, л отъ согласнаго; затѣмъ коренной звукъ о проникъ черезъ плавный и соединился съ сварабхакти о въ долгій звукъ а, откуда ср. градъ; польская же ф. grod образовалась черезъ выпаденіе звука о въ корнѣ.

Противъ мнѣнія Шмидта Ягичъ написалъ въ своемъ журналѣ „Archiv für slavische Philologie" довольно пространную статью, въ кой высказывалъ прежнее мнѣніе, а именно, что русскія полногласныя формы суть формы позднѣйшаго образованія; что онѣ образовались изъ др. ц. слав. формъ съ сочетаніемъ ра, ла, а послѣдніи въ свою очередь изъ основныхъ ar или al посредствомъ перестановки, и что это перестановка есть исконное свойство, присущее вообще славянскимъ языкамъ; въ доказательство чего онъ приводитъ ср. kamy, образовавшееся изъ akman, ростъ отъ осн. к. ardh. Но на эти возраженія Шмидтъ отвѣчалъ въ XXIII книгѣ „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung" и значительно ослабилъ ихъ значеніе.

Потебня написалъ отдѣльное новое изслѣдованіе, въ коемъ, отказываясь отъ прежнихъ взглядовъ, говоритъ, что какъ полногласныя формы, такъ и неполногласныя со звуками ъ и ь передъ р и л образовались изъ основнаго сочетанія ar и al + muta. Основываясь на своемъ соображеніи, что слав. языкъ не во всѣхъ случаяхъ могъ руководиться стремленіемъ избѣгать сочетанія плавна-

го + согл. нѣмой, онъ представляетъ слѣдующую схему измѣненій въ слав. языкѣ сочетанія ар + ал + muta: „если гласный звукъ," говоритъ онъ, „передъ плавными по какимъ либо неизвѣстнымъ причинамъ ослаблялся на слав. почвѣ въ ъ, то онъ и оставался единственнымъ, и тогда не происходило полногласія (такъ напр. вълкъ = varkas), такъ какъ сочетанія ръ, лъ представляютъ уже позднѣйшее явленіе; если же почему либо гласный оставался чистымъ, то въ этомъ случаѣ послѣ плавныхъ появлялась уже новая неорганическая гласная, тогда являлось полногласіе.

Далѣе, говоритъ онъ, что между дославянскими сочетаніями ар или ал + muta и сочетаніемъ ra, la послѣ согласныхъ существуетъ переходная по времени средняя ступень въ сочетаніи звуковъ, состоящая въ слѣдующемъ порядкѣ: согл. + плавн. + гласн.; стало быть, полногласныя формы древнѣе неполногласныхъ.

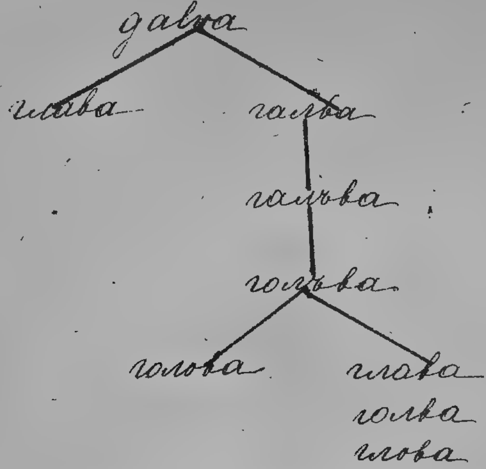
Оставалось ему только признать русскія полногласныя формы за болѣе древнія, чѣмъ формы др. ц. слав. языка, но этого онъ не дѣлаетъ, а, прибѣгая къ новому предположенію: „почему," говоритъ онъ, „не предположить, что сочетанія ра и ла въ слав. языкѣ, соотвѣтствующія русскимъ оло, оро образовались не изъ русскихъ, а изъ другихъ полногласныхъ сочетаній болѣе древнихъ, каковы напр., по его мнѣнію, сочетанія ара, ала?" (т. е. изъ гăлăва, гăрăдъ)". Дѣлая это предположеніе, онъ полагаетъ, что оно гораздо проще другихъ 1) потому, что не заставляетъ насъ на вѣру принимать соединеніе о+о въ а, 2) не заставляетъ предполагать непремѣнно въ звукѣ а слога ра (изъ оро) долготу, 3) освобождаетъ насъ отъ лишней гипотетической формы: горд, голва. Допускаетъ же онъ подобную (гăлава, гăрăдъ) праславянскую форму сочетанія звуковъ на томъ основаніи, что въ слав. яз. встрѣчаются случаи, въ которыхъ основной индо-славянскій звукъ а переходитъ на славянскую почву безъ измѣненія. Подобнымъ образомъ и сочетанія

рѣ и лѣ онъ старается объяснить не изъ русскихъ ере, еле, а изъ какихъ то болѣе древнихъ сочетаній, но ясно не опредѣляетъ, изъ какихъ именно. Судя по приводимымъ примѣрамъ видно, что онъ предпочелъ бы сочетаніе ерѣ, елѣ; по этимъ формамъ, онъ полагаетъ, мы бы не оказались въ недоумѣніи относительно происхожденія звука ѣ въ ср. брѣгъ.

Мнѣніе Колосова не имѣетъ особаго значенія, но мы приведемъ его для полноты. Онъ выражаетъ его посредствомъ слѣдующей пропорціи: ър: ърѣ = ор: оро смыслъ которой, по его словамъ, такой, что какъ сочетаніе ърѣ, какова бы ни была древность его, есть явленіе болѣе позднее, чѣмъ сочетаніе ър, такъ точно и сочетаніе оро позднѣе, чѣмъ ор. За основныя сочетанія онъ принимаетъ ар, ал; ър, ъл. Изъ этого онъ развиваетъ слѣдующую теорію: одни славянскіе языки стали переставлять гласный звукъ (тогда изъ gard образовалось ср. градъ), другіе же, оставляя коренной гласный на своемъ мѣстѣ, отдѣлили плавный отъ слѣдующаго согласнаго глухимъ ъ (гаръд). Вслѣдствіе появленія послѣдняго, основной гласный а сталъ ослабѣвать въ о — явилось ср. горъдъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи славянскихъ языковъ произошло раздвоеніе: въ однихъ глухой гласный сталъ уподобляться въ болѣе чистый гласный и принимать одинаковую форму со звукомъ, предшествующимъ плавному — откуда городъ; въ другихъ языкахъ этотъ глухой гласный выпалъ, и тогда опять появилось сочетаніе плавнаго съ согласнымъ, вслѣдствіе чего произошла перестановка плавнаго, откуда польск. gród.

Для наглядности онъ представляетъ таблицу (въ основѣ ея лежатъ 3 формы: гард, галва и дерво) такого рода, что отъ ср. galva, напр. образовались двѣ формы: глава и галва. Первая осталась безъ дальнѣйшаго видоизмѣненія, вторая допустила вставку глухого гласнаго; затѣмъ перешла въ ср. галъва (глас. зв.

ослабѣлъ. Вслѣдствіе раздвоенія въ дальнѣйшемъ развитіи слав. языковъ въ однихъ глухой гласный сталъ усиливаться (голова) въ болѣе чистый гласный и принимать одинаковую форму съ тѣмъ, к-рый предшествуетъ плавному; въ другихъ же языкахъ этотъ глухой гласный пропалъ, а для избѣжанія новаго сочетанія плавнаго звука съ нижнимъ согласнымъ произошла перестановка плавнаго звука и явилась głowa.



Миклошичъ въ своемъ изслѣдованіи „Ueber den Ursprung der Worte von der Form altslovenischen trět, trât" признаетъ необходимымъ раздѣлить слова, имѣющія въ др. ц. слав. языкѣ эту форму сочетанія trět, trat на 2 разряда: одни основываются на такихъ дославянскихъ формахъ, въ к-рыхъ гласный звукъ слѣдуетъ за плавнымъ, какъ напр., въ глаголѣ дрѣмати отъ основнаго корня drā, drajati; другія же въ основѣ своей имѣютъ такую дославянскую форму, въ к-рой гласный звукъ предшествуетъ плавному, какъ напр. въ ф. брѣмя = осн. barman. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слав. языки по звуковому строенію своихъ словъ отступаютъ отъ родственныхъ языковъ, потому что не терпятъ сочетанія плавнаго съ непосредственно слѣдующимъ за нимъ согласнымъ. Поэтому въ языкахъ I разряда (ново-словенскомъ, древнеславянскомъ, кроатскомъ, чешскомъ) основная дим

языковъ всѣхъ разрядовъ форма tert, tort измѣнилась въ ф. tret, trat посредствомъ перестановки плавнаго звука и протяженія гласнаго о въ а, е въ ѣ (градъ, брѣгъ).

Въ языкахъ II разряда строеніе словъ происходитъ посредствомъ вставки гласнаго звука между плавнымъ и нѣмымъ согласнымъ, т.е. образуется форма берегъ, городъ (teret, torot)

Въ языкахъ III-го разряда слова образуются посредствомъ простой перестановки плавнаго звука, т.е. образуются формы brzeg, gród (tret, trot).

Для доказательства справедливости своего объясненія Миклошичъ считаетъ необходимымъ представить положительные факты существованія въ слав. языкахъ такихъ сочетаній звуковъ, какія представляютъ формы tert, tort и доказать, что коренной гласный звукъ, передвигаясь черезъ плавныя, протягивается въ е въ ѣ, о въ а.

Дѣйствительно, онъ приводитъ нѣсколько примеровъ, кои, однакоже, по мнѣнію проф. Некрасова, не вполнѣ убѣдительны, такъ какъ они 1) заимствуются преимущественно изъ современнаго состоянія слав. языковъ; 2) изъ формъ, принадлежащихъ неславянскимъ языкамъ (литовскому, напр.) и наконецъ 3) приводятся въ такихъ формахъ, кои не встрѣчаются, напр., пелпелъ, голголъ, порпоръ. Притомъ Миклошичъ отрицаетъ важность полногласныхъ русскихъ формъ. Онъ говоритъ, что онѣ не имѣютъ того значенія, кое имъ вообще приписывается, и доказываетъ это тѣмъ, что во многихъ русскихъ словахъ появляется иногда второй гласный тамъ, гдѣ его не ожидаютъ, и наоборотъ, его иногда не бываетъ тамъ, гдѣ его ожидаютъ, какъ напр., въ формахъ доложно вм. древнеслав. ф. длъжно или русск. ф. болго, болого вм. др. ф. благо, деревено, дервено вм. др. слав. ф. дрѣвьно.

По мнѣнію проф. Некрасова эти формы показываютъ только то, что въ русскомъ языкѣ второй гла-

ной звукъ не имѣетъ такого важнаго значенія при образованіи полногласныхъ формъ, какое принадлежитъ первому, а вовсе не доказываетъ того, что русскія полногласныя формы не имѣютъ значенія въ исторіи развитія славянскихъ формъ.

Изъ всѣхъ изложенныхъ мнѣній относительно строенія словъ, кои образуются изъ корней, заключающихъ въ себѣ плавные р или л съ чистыми гласными между согласными можно вывести слѣдующее:

1) Что въ славянскихъ языкахъ [illegible] существуетъ 2 разряда словъ отъ корней плавныхъ. Къ I разряду относятся такія слова, въ коихъ порядокъ звуковъ удержался одинъ и тотъ же во всѣхъ славянскихъ языкахъ, какъ напр., брать, грудь. Ко II разряду относятся такія слова, коимъ въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ полногласныя формы, напр. градъ — городъ, брѣгъ — берегъ.

2) Что это различіе между этими двумя разрядами словъ по ихъ звуковому строенію обусловливается различіемъ строенія соотвѣтствующихъ имъ словъ въ родственныхъ языкахъ, т.е. что слова I разряда соотвѣтствуютъ тѣмъ словамъ родственныхъ языковъ, въ коихъ сочетаніе звуковъ такое:

согл. + плавн. + гласн. + согл.,

а словамъ II разряда соотвѣтствуютъ въ родственныхъ языкахъ такія, въ коихъ сочетаніе звуковъ слѣдующее:

согл. + гласн. + плавн. + согл.

Что касается до объясненія отношенія между этими различными формами словъ, то здѣсь уже начинается полное разногласіе между учеными. Одни признаютъ за основныя слав. формы слова съ сочетаніемъ ра, ла, рѣ, лѣ, т.е. не полногласныя; другіе же, наоборотъ, за праславянскія формы принимаютъ полногласныя формы. Наконецъ въ самомъ происхожденіи однихъ формъ изъ другихъ также является разногласіе. Одни ученые говорятъ, что полногласныя формы

образовались изъ неполногласныхъ посредствомъ разложе-нія гласныхъ звуковъ. (о = о+о, ѣ = е+е)
Другіе доказываютъ это образованіе перестановкою и вставкою звуковъ. Тѣ, кот.ые признаютъ русскія полногласныя формы основными,-или допускаютъ стяженіе о+о въ а или е+е въ ѣ, или признаютъ сліяніе черезъ плавные звуки. Однимъ словомъ вопросъ объ отношеніи полногласныхъ русскихъ формъ къ неполногласнымъ славянскимъ не рѣшонъ до сихъ поръ, поэтому при изложеніи различныхъ типовъ славянскихъ корней пока нужно признать необходимымъ допущеніе двухъ такихъ разрядовъ корней: I Корни славянскіе, въ кот.ыхъ сочетаніе звуковъ такое:

согласн. + плавн. + гласн. + согл.

II Корни русскіе, кот.ые могутъ быть раздѣлены на 2 вида: а) въ одномъ такое же сочетаніе звуковъ, какъ и въ славянскихъ корняхъ вообще, а въ другомъ корни переходятъ въ двухсложныя коренныя тела, сочетаніе звуковъ въ кот.ыхъ слѣдующее:

согл. + о, е + р, л + о, е + согл.

Но прежде нежели перейти къ изложенію типовъ славянскихъ корней, проф. Некрасовъ высказываетъ свои соображенія по вопросу объ отношеніи полногласныхъ и неполногласныхъ формъ въ славянскихъ языкахъ.
Согласно съ мнѣніемъ Максимовича, Гейтлера, Шмидта и Кочубинскаго, проф. Некрасовъ полагаетъ, что русскія полногласныя формы должны быть признаны основными или праславянскими на слѣдующихъ соображеніяхъ. Такъ какъ ни одна изъ предложенныхъ гипотетическихъ формъ праславянскаго строенія корней не облегчаетъ рѣшенія вопроса объ отношеніи полногласныхъ формъ къ неполногласнымъ, и такъ едва-ли какая бы то ни было гипотетическая форма можетъ быть признана (принята) за положительное основаніе для рѣшенія этого вопроса, то онъ считаетъ прежде всего необходимымъ отказаться отъ построенія всякаго рода гипотетическихъ праславянскихъ

формъ и довольствоваться только тѣми, кыя несомнѣнно предлагаются славянскими языками; формы же, предлагаемыя ими, какъ извѣстно, представляютъ два типа сочетанія звуковъ: 1) типъ выработался изъ такихъ до славянскихъ формъ, въ кыхъ гласный предшествовалъ плавному. Этотъ типъ дѣлится на 3 вида: а) русскія формы, кыя представляютъ такое сочетаніе звуковъ:

согласн. + о,е + р,л + о,е + согл.

в) древнеболгарскія или древнецерковнослав., кыя представляютъ слѣдующее сочетаніе звуковъ:

согласн. + плавн. + а, ѣ + согл.

с) польскія съ такимъ сочетаніемъ звуковъ:

согл. + пл. + о,е + согл.

Основною для этихъ типовъ дославянскою формою будетъ форма съ сочетаніемъ звуковъ въ слѣд. порядкѣ:

согл. + гл. + пл. + согл.

2) типъ выработался изъ такихъ дославянскихъ формъ, въ кыхъ гласный звукъ слѣдуетъ за плавнымъ, и представляетъ такое сочетаніе звуковъ:

согл. + плавн. + гл. + согл.

Основная форма для этого вида такая же.

Примѣрами для (этого) I типа могутъ служить формы

гор-о-дъ, гр-а-дъ, gr-ó-d
бер-е-гъ, бр-ѣ-гъ, brz-e-g.

Для II типа:

бр-а-тъ, гр-ѣ-дъ.

Разсматривая эти формы мы замѣчаемъ, что общій характеръ обоихъ типовъ словъ выразился во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ томъ, что между плавнымъ звукомъ и слѣдующимъ за нимъ согласнымъ нѣмымъ вездѣ является гласный звукъ. Отсюда мы имѣемъ полное право заключить, что и праславянская форма для перваго типа славянскихъ словъ должна была отличаться отъ дославянской присутствіемъ

гласнаго звука между плавнымъ и слѣдующимъ согласнымъ (поэтому трудно признать за праславянскія формы такія, какія предлагаетъ Миклошичъ: tert tort.

Трудно допустить, чтобы основная праславянская форма по своему звуковому строенію противорѣчила всѣмъ развившимся изъ нея впослѣдствіи славянскимъ формамъ, поэтому всѣ разсужденія относительно вопроса о томъ, допускалъ-ли когда либо славянскій языкъ непосредственное сочетаніе плавн.+ согл., или не допускалъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ) совершенно излишни въ данномъ случаѣ и безполезны. Проф. Некрасовъ признаетъ, что основная, праславянская форма, образуясь изъ основной дославянской формы, въ кот. допускалось сочетаніе плавн.+ нѣм. согл., прежде всего должна была отличиться отъ этой послѣдней тѣмъ, что въ ней появлялся гласный звукъ между плавнымъ и нѣмымъ согласнымъ. Поэтому, если мы предположимъ, напр., дославянскую форму gard, то праславянская форма должна отличиться вставкою гласнаго звука между плавнымъ и нѣмымъ согласнымъ, а коренной гласный долженъ измѣниться въ о или е, т. что изъ формы gard прежде всего должна была образоваться форма городъ.

Здѣсь также разсужденіе о томъ, могъ-ли перейти гласный дославянскій зв. а на славянскую почву безъ измѣненія, или не могъ, представляется совершенно неумѣстнымъ. Извѣстно, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ всякій дославянскій звукъ а на славянской почвѣ принимаетъ форму звука о или е. Стало быть, строить праславянскія формы на основаніи лишь рѣдкихъ случаевъ соотвѣтствія основнаго а славянскому звуку а

Литографія Кучкина, Невскій, 106.

значитъ только запутывать рѣшеніе вопроса безъ всякой пользы.

Далѣе, такъ какъ несомнѣнно то, что русскій языкъ одинъ изъ всѣхъ славянскихъ языковъ съ одной стороны удержалъ въ своихъ полногласныхъ формахъ коренной гласный звукъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ находился въ дославянское время, а съ другой стороны отличилъ славянское сочетаніе звуковъ отъ дославянскаго или не славянскаго вставкою гласнаго между плавнымъ и нѣмымъ согласными: то необходимо признать, что русскія полногласныя формы болѣе тянутъ къ древнѣйшему строенію славянскихъ словъ, непосредственно слѣдующему за дославянскимъ строеніемъ, чѣмъ всѣ другія слав. формы.

Это соображеніе подтверждается еще тѣмъ, что и между дославянскими формами тѣ изъ нихъ, кои представляютъ слѣдующее сочетаніе:

<u>Согл. + гл. + пл.</u>

и кои, по системѣ корней, предложенной М. Мюллеромъ, относятся къ корнямъ вторичнаго образованія, древнѣе тѣхъ, кои представляютъ такое сочетаніе звуковъ:

<u>Согл. + пл. + гласн.</u>

и кои по этой же системѣ корней относятся къ корнямъ первичнаго образованія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что форма <u>bhar</u> древнѣе ф. <u>bhra.</u>

Наконецъ, такъ какъ несомнѣнно то, что русскому языку было также не чуждо въ извѣстныхъ случаяхъ и неполногласное строеніе словъ (брать, градъ), кое въ другихъ славянскихъ языкахъ стало общимъ во всѣхъ случаяхъ: то необходимо признать, что въ русскомъ языкѣ точнѣе выражаясь и вѣрнѣе сохранилась непосредственная связь между дославянскимъ

строеніемъ словъ съ другой стороны, чѣмъ во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, проф. Некрасовъ полагаетъ, что изъ дославянскаго сочетанія звуковъ (согл.+ гл.+ пл.+ согл.) непосредственно образуется слѣдующее сочетаніе:

согл.+ о, е + р, л + о, е + согл.

изъ котораго формы градъ и gród могли образоваться слѣдующимъ образомъ: коренной звукъ о, исчезая, замѣнялся протяженіемъ вставочнаго о или е въ соотвѣтствующій долгій зв. а или ѣ, или просто исчезалъ, такимъ образомъ: городъ: градъ, gród; осн. берегъ: брѣгъ и brzeg.

Придавая русскимъ полногласнымъ формамъ значеніе праславянскихъ формъ или основныхъ, проф. Некрасовъ предпочитаетъ дѣйствительно существующія славянскія формы гипотетическимъ во 1) потому что изъ русскихъ полногласныхъ формъ, если не лучше, то и не хуже, чѣмъ изъ гипотетическихъ, предлагаемыхъ другими учеными, объясняются всѣ другія неполногласныя славянскія формы, а во 2) потому что предлагаемыя гипотетическія формы представляютъ столько сомнительнаго по своему строенію, что основывать на нихъ объясненіе образованія всѣхъ другихъ славянскихъ формъ представляется дѣломъ нѣсколько страннымъ.

Гипотетическія праславянскія формы, кои предлагаются учеными для объясненія вопроса объ отношеніи полногласныхъ русскихъ формъ къ неполногласнымъ славянскимъ суть слѣдующія:
1) горд-, голв-; 2) гард-; галв-; 3) гăрăдъ; гăлăва.

Что касается первыхъ, то, по мнѣнію проф. Некрасова, объ нихъ нельзя сказать, что онѣ праславянскія

или дославянскія. Праславянскими онѣ не могутъ быть признаны потому, что непосредственное сочетаніе звука плавнаго съ нѣмымъ согласнымъ противорѣчитъ общему звуковому строенію всѣхъ словъ слав. языка, имѣющихъ связь съ русскими полногласными формами. Дославянскими формами онѣ не могутъ быть признаны потому, что въ нихъ гласный звукъ не тотъ, который долженъ стоять въ дославянской формѣ (т.е. å)

Что касается до вторыхъ формъ, то онѣ не имѣютъ по своему звуковому строенію ничего общаго съ дославянскими формами. Не менѣе странны по своему звуковому строенію и остальныя формы, которыя, заключая въ себѣ полногласіе, вмѣстѣ съ тѣмъ основываются въ своемъ звуковомъ строеніи на рѣдкихъ случаяхъ соотвѣтствія дославянскаго <u>a</u> славянскому звуку <u>a</u>, т.е. на томъ, что не имѣетъ характера общаго.

Вотъ тѣ соображенія, которыя заставляютъ до нынѣ гипотетическія формы дѣйствительно существующими исконно полногласными формами русскаго языка.

На основаніи всего сказаннаго мы теперь приступимъ къ изложенію <u>системы корней слав. языка.</u>

Славянскіе корни дѣлятся на 2 разряда.

<u>Къ Iму разряду</u> относятся тѣ, въ строеніи которыхъ участвуютъ гласные и нѣмые согласные. Этотъ разрядъ можетъ считаться общимъ для всѣхъ языковъ слав. племени.

<u>Ко IIму</u> относятся тѣ, въ образованіи которыхъ участвуютъ плавные звуки <u>р</u> и <u>л</u>. Этотъ разрядъ во многихъ случаяхъ долженъ подраздѣляться

на 2 вида:
а) одинъ изъ нихъ мы называемъ славянскимъ, а
б) другой – славяно-русскимъ.

При разсмотрѣніи видовъ или типовъ славянскихъ корней мы постоянно будемъ имѣть въ виду отношеніе ихъ къ тѣмъ разрядамъ корней, кои установлены въ системѣ М. Мюллера, и извѣстны подъ обозначеніемъ первичныхъ, вторичныхъ и третичныхъ

А) Корни, въ коихъ участвуютъ глас. и согласные звуки.

I. Первичные корни.

Они имѣютъ 3 вида:
1) Корни, состоящіе изъ одного гласнаго звука, напр. и (и-ти), слав. оу, русск. у (обоути, разути)
2) Корни, состоящіе изъ гласн. + согл., напр. ис (ис-мь), ок (ок-о), оук (наоук-ъ), яд (ясти вм. яд-ти)
3) Корни, состоящіе изъ согл. + гласн., напр. да-, (да-ти), ба (ба-яти), баснь), бы (бы-ти), чоу (чоу-ти)

II. Вторичные корни.

Они имѣютъ 1 видъ:
1) Корни, состоящіе изъ согл. + гласн. + согл. напр. бѣд (бѣд-ръ) доб- (доб-ро), двиг (двѣти – двинути), вед (вести вм. вед-ти), гыб- (гинути вм. гыбнути) тяг (тянути вм. тяг-нути)

III. Третичные корни.

Они имѣютъ 4 вида:
1) Корни, состоящіе изъ: 2 согл. + гл., напр. ста (ста-ти) спи (спать-тися)
2) Корни, состоящіе изъ: гласн. + 2 согл., напр. иск- (искати)

3) Корни ... изъ 2 согл.+ гласн.+ согл. напр. [illegible] (несвет... [illegible]) вез (везти)

(искати)

2) Корни, состоящіе изъ 2 согласныхъ + гл. + 2 согл. напр., свист (свист-ьти) гнѣзд (гнѣзд-о).

2 В) Отдѣлъ корней, въ которыхъ участвуютъ звуки р, л.

I. Первичн. корни.

Они имѣютъ 3 вида:

1) Корни, состоящіе изъ гласн.+плавн. р, л. напр. ор (ор-ѣ) ор-ении, ор-ати), ил (ил-ень)

2) Корни, состоящіе изъ плавн.+гласн. глух. напр. рь- (рь-ти, ровъ)

3) Корни, состоящіе изъ плавн.+гласн. чист., напр. ра (ра-ръ), ла-(ла-яти), ри (ри-нѫти)

II. Вторичные корни.

1) Корни, состоящіе изъ плавн.+глухой гласн. + согл., напр. рьд (рьд-ѣти), рьп (рьп-ьть) льг (льг-ати, льгота) льп (ль(п)нѫти)

2) Корни, состоящіе изъ плавн.+гласн. чист.+ согласн. напр., лад (лад-ия), лак-(лак-ати), лет (лет-ѣти) мак (мак-о), лиз (лиз-ти), раб (робъ)

3) Корни, состоящіе изъ согл.+гласн.+е+плавн. напр., бер (бр-ати) зер (зер-но), мер (с-мерть)

3) Третичные корни.

1) Корни, состоящіе изъ гл.+плавн.+ согл. напр., алк- (алк-ати) алд (алд-ия), алн-(алн-ии).

Относительно этихъ корней слѣдуетъ замѣтить, что въ словахъ отъ нихъ производныхъ между плавн. и нынынѣ вставляется часто глухой ъ напр., алкати и алъкати.

2) Корни, состоящіе изъ согл.+ плавн.+ глух. гласн., напр. [illegible] ти и плоути), слъ- (слоути), тръ (трьти и [illegible] ти, т. е. корнить, откуда трава)

3) Корни, состоящіе изъ согл. нѣм. + плавн. + глух. гл. + + согл.

- Это сочетаніе звуковъ принадлежитъ корнямъ слав. языка, а въ русскомъ яз., и, вѣроятно, въ праславянскія времена это сочетаніе представляло собственно коренныя, двусложныя темы, состоящія изъ: согл. + глух. гласн. + плавн. + глух. гл. + согл., напр.: слав. ф. брьз (брьз-нѫти), р. бързъ; праслав. ф. должна быть также бързъ.

Для нихъ основная дославянская ф. имѣла слѣдующ.

согл. + гласн. + плавн. + согл.

4) Корни, общіе для всѣхъ слав. языковъ, звуковое сочетаніе которыхъ слѣдующее:

согл. + плавн. + глух. гл. + согл., напр., бръв- (бровь) глъх- (глъх-нѫти), гръм (гръм-ѣти)

5) Корни, состоящіе изъ 2 согл. + гласн. е + плавн., напр., стер и стел (для обоихъ осн. ster) (стрѣти и стлати)

6) Корни славянскіе состоящіе изъ 2 согл. + пл. + глух. гл. + согл. (въ русск. ф.: 2 согл. + глух. гл. + плавн. + глух. гл. + + согл.) Праславянскія и русскія двусложныя темы.

Основныя дослав. формы, соотвѣтствующія имъ имѣютъ гласный звукъ передъ плавнымъ, какъ напр. скърб, смърд (лит. smird), скъръб-, смъръд-

7) Корни, имѣющіе такое же звуковое сочетаніе, какое имѣютъ и корни 6-го вида, но общіе для всѣхъ слав. языковъ, напр., стрьг (стрьгати), стрьм (прилаг. стрьмъ, наклонный (declivis)

8) Корни состоящіе изъ: согл. + плавн. + ѣ, а, + согл., напр. срѣд-, млѣз-.

Праславянскія и русскія формы представляютъ здѣсь двусложную коренную тему, сочетаніе звуковъ въ которой слѣдующее: согл. + гласн. + плавн. + гл. + согл., напр., серед-, молоз-

Основныя формы имѣютъ слѣдующее сочета-

ніе звуковъ:

<u>согл. + гласн. + плавн. + согл.</u>

9) Корни, имѣющіе такое же сочетаніе звуковъ, какъ и корни 8-го вида славянскіе и являющіеся общими для всѣхъ славянскихъ языковъ, напр., <u>хлѣб-</u>, <u>прос-</u>, <u>граб-</u>, <u>глад</u> (глад-ъкъ)

10) Корни, сочетаніе звуковъ к-рыхъ въ слав. яз. слѣдующее: <u>2 согл. + плавн. + ъ + согл.</u>, напр., <u>стрыг-</u> (стрыг-, стрыгити

11) Корни, имѣющіе такое же звуковое сочетаніе, какъ и корни 10-го вида, но общіе для всѣхъ славянскихъ языковъ, напр., <u>стрѣх</u> (стрѣх-а); <u>страд</u> (страд-ати)

12) сюда можно отнести тѣ корни, число согласныхъ звуковъ к-рыхъ увеличено, напр., <u>брызг</u> и <u>блеск</u> (одного происхожденія, обозначающія слово развить), <u>праск-</u> (праск-а = персиковое дерево).

Какъ видимъ изъ этого дѣленія корней по ихъ звуковой формѣ и образованію, первичные корни древнѣе вторичныхъ и третичныхъ; въ послѣднихъ звуки согласный могъ принадлежать другому корню первичнаго образованія. Сложность строенія корней особенно наблюдаемъ въ корняхъ третичнаго образованія; напр., если мы разберемъ кор. <u>влад-</u> то увидимъ, что онъ образовался изъ соединенія 2 или нѣсколькихъ корней. Слав. <u>влад</u> = досл. ф. <u>wld</u>, нѣм. <u>valdh</u>, русск. <u>волод</u>. Русская ф. ясно показываетъ, что это сложный корень, состоящій изъ к. <u>val</u> (= осн. <u>var</u> - хотѣть) + зв. <u>d</u> (отъ корня <u>дѣ</u> = осн. <u>dha</u>). Слѣдовательно, кор. <u>влад</u> - означаетъ проявленіе воли надъ чѣмъ нибудь.

Въ образованіи корня <u>стрыг-</u> входятъ еще второстепенные звуки, к-рые вставляются по требованію благозвучія. Звукъ <u>т</u> есть, очевидно, такой вставочный звукъ; на это указываетъ лит. корень <u>serg</u>

въ ф. serg-и или болѣе древней serg-mi = слав. стрѣг-х. Стало быть, въ слав. корнѣ этотъ звукъ т явился позднѣе, но что кор. стрѣг - есть сложный, мы это видимъ изъ того, что ф. серг сложная изъ ser+g, т. к. въ лат. яз. существуетъ глаг. servare быть может изъ sergvare.

Другое доказательство сложности корня serg состоитъ въ томъ, что есть соотвѣтствующій формѣ ser кор. sar (хранить), сохранившійся въ русскомъ языкѣ въ ф. хор (хоронить - прятать), а звукъ g можетъ быть отнесенъ къ корню га (гнади, gen-x) означающему движеніе.

Такимъ образомъ корни третичные суть сложные по образованію и происходятъ или

а) через слiяніе звуковыхъ элементовъ различныхъ корней, или

в) через вставку другихъ звуковъ.

Досихъ поръ мы говорили о корняхъ по образованію, теперь скажемъ о корняхъ по значенію. Они дѣлятся на 2 разряда: отъ 1) однихъ происходятъ глаголы и имена, отъ 2) другихъ мѣстоименія и первообразныя мѣстоименныя части рѣчи (нарѣчіе, предлогъ, союзъ). Поэтому Боппъ называетъ первичные корни глагольными, а вторичные - мѣстоименными.

Другіе ученые даютъ обоимъ разрядамъ корней другія названія: такъ В. Гумбольдтъ наз. первичные корни объективными (т.е. такими, к-рые служатъ для обозначенія объективнаго предметнаго, а вторичные субъективными, т.что въ нихъ выражается нѣчто исходящее отъ субъекта, т.е. лицо говорящаго и желающаго на что либо указать

Штейнталь называетъ одни корни качественными, т.что ими обозначаются предметы и вообще явленія природы по качеству, а другіе - указательными т.е. указывающими на что либо.

Шлейхеръ, оставляя за корнями названія, данныя имъ Боппомъ, кромѣ того называетъ одни корни Begriffswurzeln (т.е. корни, обозначающіе какое либо понятіе или представленіе), а другіе - Beziehungswurzeln (т.е. корни, посредствомъ коихъ выражаются отношенія.

Курціусъ называетъ одни корни называющими - Nennende Wurzeln, а другіе указующими - Deutende Wurzeln.

Мы будемъ называть ихъ 1) глагольными или знаменательными и 2) мѣстоименными или служебными.

Ученіе объ основахъ.

Въ морфологіи языка основа или тема имѣетъ два значенія: общее и частное. Въ первомъ (общемъ) значеніи она понимается, какъ посредствующее звено между корнемъ и словомъ т.е. какъ такая конечная фаза звуковаго развитія корня, коая непосредственно переходитъ въ слово.

Во второмъ значеніи (частномъ) основа понимается, какъ извѣстный моментъ звуковаго преобразованія корня въ такую звуковую форму, изъ коей образуются грамматическія категоріи имени и глагола.

На этомъ основаніи основы раздѣляются по значенію на 2 разряда: 1) основы словъ и 2) основы грамматическихъ категорій. Основы словъ, по опредѣленію Шлейхера, суть то, что остается отъ слова по отдѣленіи отъ него окончаній спряженія и склоненія. Такъ напр., слова, заключающіяся въ предложеніи: „и тогда паки глаголааху архіерей и старцы людскіе

отвѣщаваше" имѣютъ слѣдующія основы: и, нѣдана, и или ь, глаголахо-, архиереи, и, старьць, ничь, отъвѣщаваше.
Въ словѣ глаголаахѫ по отнятіи суффикса 3го л. множ. числа ѫть, ѫ долженъ разложиться на свои звуковые элементы он, изъ к-рыхъ н отойдетъ къ суффиксу (нть), а о къ основѣ.
Въ словѣ архиереи основа - архиереи, п. что такова форма основы именит. пад. единств. числа безъ суффикса падежа s.
Въ словѣ старьци основа - старьць
Въ словѣ ничьсоже основа ничь, п. что со (вм. го) есть суффиксъ родительнаго падежа даннаго мѣстоименія
Въ словѣ отвѣщаваше(тъ) основа отвѣщаваше п. что тъ есть окончаніе 3го л. ед. числа.
Далѣе этого анализъ для отысканія основъ данныхъ словъ не идетъ.
Основы грамматическихъ категорій суть такія звуковыя части словъ, изъ к-рыхъ образуются грамматическія категоріи имени и глагола посредствомъ присоединенія суффиксовъ. Въ ф. глаголаахъ(тъ) тема слова глаголаахо- получаетъ значеніе основы формы грамматической категоріи 3го л. множ. числа прошедшаго продолженнаго времени; звукъ о есть соединительный гласный между формой времени и суффиксомъ лица. Отбросивъ его, получимъ форму грамматической категоріи извѣстнаго времени, суффиксомъ к-рой служитъ ах. Отбросавъ этотъ суффиксъ ах, получимъ звуковую форму глагола, к-рая служитъ основою какъ для вышеразобранной формы грамматической категоріи, такъ и для другихъ категорій, между ними и для категоріи неопредѣленнаго наклоненія глагола. - Форма глагола-

есть придныхъ основъ глагольнаго значенія; потому что а есть глагольная примѣта. Отбросивъ ее, получимъ редупликацію корня гол, заменяя ее какимъ нибудь суффиксомъ имени, напр. ъ, мы получаемъ именную тему и слово глаголъ; полная ф. слова была бы глаголъе. Такимъ образомъ изъ корня гол прежде всего образовалась посредствомъ редупликаціи и присоединенія именнаго суффикса именная тема и вмѣстѣ съ тѣмъ слово, а отъ нея уже произошла глагольная тема, отъ кот. образуются указанныя выше грамматическія категоріи глагольныхъ формъ.

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, какое различіе заключается между основой слова и основой грамматической категоріи.

По образованію основы дѣлятся также на 2 разряда:

1) основы первичнаго образованія или первообразныя
2) основы вторичнаго образованія или производныя.

Первыя суть такія звуковыя формы, кот. образуются непосредственно изъ корней; тѣ же, кот. образуются изъ основъ, наз. производными.

Такъ изъ корня вед- можетъ образоваться глагольная первообразная основа посредствомъ суф. е веде- или именная- посредствомъ суф. ъ, причемъ е возвышается въ о водъ въ ф. заводъ, приводъ, разводъ и т.д.

Если же мы къ основѣ имени прибавимъ, положимъ, глагольную примѣту и, то получимъ основу производную води-

Такимъ образомъ мы видимъ, что корень можетъ переходить въ основу словъ и основу грамматическихъ категорій, но въ однихъ случаяхъ онъ рѣдко удерживаетъ свою звуковую форму. Если онъ переходитъ въ основу словъ, то въ славянскихъ языкахъ

вообще мы имеемъ только примѣръ, въ кромъ корень и основа тождественны — это кор. нес (=осн. as) въ глаг. нес-мь. Указываютъ, впрочемъ, и на другіе примѣры подобнаго рода совпаденія основы и корня, напр., кор. ѣад, дад и вѣд въ глаголахъ ѣамь, дамь и вѣмь, кры полагаютъ образовавшимися изъ корней ѣад, дад, вѣд, но это не вѣрно, потому что дад, изъ кр. объясняютъ образованіе формы дамь, не есть простой корень, а есть уже редупликація, что же касается ф. ѣад и вѣд, то если принять въ соображеніе всѣ личныя формы этихъ глаголовъ и обратить особое вниманіе на форму 3-го л. множ. числа вѣдѧть и дадѧть и сравнить ихъ съ формою 3-го же лица множ. числа сѫть отъ темы на согласный звукъ (нес), какъ и дад, ѣад, вѣд, то увидимъ, что личныя формы не удержали тематическаго звука и, такъ какъ подобное же окончаніе 3 л. множ. числа — съ ѧ. мы встрѣчаемъ во всѣхъ глаголахъ съ темою въ настоящемъ времени на и, что видно изъ сравненія ф. вѣдѧть и видѧть. Обѣ происходятъ отъ одного и того же основнаго корня vid; но форма видѧть имѣетъ основу на и: види, а не вид-; поэтому и для формы вѣдѧть слѣдуетъ предположить также основу вѣди а не вѣд. Слѣдовательно и формы дадѧть и ѣадѧть предполагаютъ также основы на и: дади, ѣади, а не дад, ѣад. Словомъ, въ глаг. дамь, ѣамь, вѣмь нельзя видѣть того непосредственнаго перехода корней дд, ѣад, вѣд въ слова, кры представляетъ глаголъ или слово несмь.

Далѣе, если корень переходитъ въ иного граммат. категорій, то и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ только единственный случай, въ кромъ основа тождественна съ корнемъ — это формы неопред. наклоненія глаголовъ I разряда, кры образуютъ основу грамматической категоріи неопредѣленнаго наклоненія, не допуская присоединенія новыхъ элементовъ (вед-ти = вести, нес-ти

и пр.)

Фонетическія измѣненія, которымъ подвергаются корни при образованіи изъ нихъ основъ состоятъ 1) въ редупликаціи 2) въ усиленіи коренныхъ гласныхъ звуковъ и 3) наращеніи корней новыми звуковыми элементами.

Всѣ эти способы преобразованія корней въ основы въ языкахъ индоевропейской отрасли могутъ проявляться отдѣльно или во взаимной связи между собой. Въ языкахъ славянскихъ всѣ эти фонетическія измѣненія происходятъ преимущественно во взаимной связи между собой. Самымъ древнимъ фонетическимъ измѣненіемъ корня въ основу считается редупликація корня, кая состоитъ или въ повтореніи полнаго корня, или въ повтореніи начальныхъ звуковъ корня въ томъ же или измѣненномъ видѣ. Въ славянскихъ языкахъ мы имѣемъ только 2 темы глаголовъ, образующихся посредствомъ редупликаціи: дади- и дежде-. Тема даді произошла изъ дада+dhi, а dhi изъ основнаго dha. Впослѣдствіи конечный звукъ а въ ф. дада отпалъ, и образовалась ф. даddhi. Но такъ какъ славянскій языкъ не имѣетъ придыхательныхъ звуковъ, то на славянской почвѣ должна была образоваться тема дадди, а отсюда дади, п.что славянскій языкъ не терпитъ сочетанія одинаковыхъ согласныхъ.

Тема дежде образовалась изъ корня дѣ посредствомъ редупликаціи - дедѣ: дежде - изъ дедѣје - по выпущеніи звука ѣ: дедје = дежде. Звукъ е передъ мѣстоименіемъ лица м усиливается въ о: дедје+м = дедјо+м = дедјѫ = деждѫ.

Шафарикъ къ числу глагольныхъ темъ, образующихся посредствомъ редупликаціи относитъ тему [illegible] глагола греміти, гремѫ, съ чѣмъ трудно

согласиться, потому что здѣсь звукъ ж образовался не изъ г (какъ онъ думаетъ), а есть элементъ отъ жд, такъ какъ жегъ вм. жегъ (подобная ф. встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности). Стало быть основной звукъ здѣсь не g, а d; слѣдовательно жегъ вм. джегъ, кор. дег соотвѣтствуетъ основной ф. корня dagh (жечь), откуда р. дёготь вм. дёготь.

Второй способъ преобразованія корня въ основу, какъ мы уже сказали, заключается въ усиленіи коренныхъ гласныхъ звуковъ. Усиленіе это въ славянскихъ формахъ всегда сопровождается наращеніемъ корня какимъ нибудь звуковымъ элементомъ, поэтому наблюдать усиленіе коренныхъ гласныхъ звуковъ можно только въ основахъ и притомъ не только въ однихъ первообразныхъ, но и производныхъ.

Чтобы легче было видѣть послѣдовательность видоизмѣненія коренныхъ гласныхъ звуковъ въ основахъ первичнаго и вторичнаго образованія, мы должны начинать наше наблюденіе съ такихъ корней, въ которыхъ гласные коренные соотвѣтствовали бы основнымъ первоначальнымъ краткимъ гласнымъ.

Мы уже знаемъ, что основныхъ первоначальныхъ краткихъ звуковъ 3: a = сл. е, i = слав. ь, u = сл. ъ. Далѣе, извѣстно, что усиленіе гласныхъ происходитъ или посредствомъ протяженія или посредствомъ подъема, слѣдовательно, звуки е, ь, ъ могутъ подвергаться измѣненію двоякаго рода. Такъ н. е посредствомъ подъема усиливается въ о, а посредствомъ протяженія въ ѣ.

Звукъ ь усиливается посредствомъ подъема въ ѣ передъ согласными, ой передъ гласными

и потомъ въ ай посредствомъ протяженія въ и.
Звукъ ъ посредствомъ подъема переходитъ въ оу передъ согласными и въ ов передъ гласными (1й степени); а по перестановкѣ въ ва, потомъ ов въ ав посредствомъ протяженія онъ переходитъ въ ы.

Кромѣ этихъ степеней усиленія гласныхъ звуковъ есть еще посредствующія измѣненія, характеризуемыя отношеніемъ подъема къ протяженію. Насколько звукъ образовавшійся посредствомъ подъема сильнѣе звука, образовавшагося посредствомъ протяженія; настолько а сильнѣе ѣ, ѣ сильнѣе и; оу сильнѣе ы. Если указанные нами звуки усиливаются посредствомъ согласныхъ носовыхъ м и н, то получимъ отношеніе между ѧ и ѫ. Такимъ образомъ послѣдовательность усиленія коренныхъ звуковъ можетъ быть представлена въ слѣдующей таблицѣ

I. подъемъ	II подъемъ	Протяж:	проз: подъем
I. е – о	о – а;	е – ѣ	ѣ – а
II. ь – ѣ, ой	ои – аи;	ь – и	и – ѣ
III. ъ – оу, ов (ва)	ов – ав;	ъ – ы	ы – оу.
IV. ѧ – ѫ			

Примѣры:

I. е – о: бер – бор(ъ); вез – воз(ъ); нес – нос(ъ); мер – мор(ъ)

II. о – а: носити – нашати (р. нашивати)

др. у. просити – въпрашати, (р. спрашивать).

ложити – полагати

бости (вм. бодти) – набадати.

Прот. зр: е – ѣ: лет – лѣтѣти, лѣтати (польск. latać, чешск. lítati) е = ѣ.

проз: подъем: ѣ – а: лѣзти – лазити, р. лазить и лизать.

ь – ѣ: свьт – свѣтъ отсюда свѣтити

ь – ой: бь – бой

Ср. разр. к. прогр. Литографія Лисочкина, Невскій 106.

вь - вой;
пь - пой

ьй - ий : (основы глагольныя) почити - (на)пачати;
почити; покоити - упокаяти;

ь — и : цвьсти (про)цвитати;
пьстрь - писати

и — ѣ : видѣти - вѣдѣти;
висѣти - вѣсъ, вѣсити.

III. ъ — оу : гъб - (с)гроубъ;
дъх - доухъ;
Кръ - Кровъ; (откуда возможна форма Кровити, т. к. существуетъ слово (по)Кровитель)

ъ - ов: слъ - слово (словити, благословити).

оу - ов: слоу- словѣ (Этотъ же корень, будучи усиленъ новымъ болѣе сильнымъ суффиксомъ, переходитъ въ ф. слав- (слава) откуда славити, прославляти).

тръ — тровѣ, троути, тровъ (Глагольная тема троу-, будучи усилена новымъ суффиксомъ, даетъ ф. трав(ити), откуда трава, (о)трава

ъ — ы : гъб- гыбати;
дъх - дых-ати;
Кръ - Кры-ти; кровъ;
Къс- Кыснѫти; Квасъ (= Коуасъ)

Относительно глагола звати нужно замѣтить, что онъ происходитъ отъ корня зъ, причемъ прежде отъ него образуется именная тема зовъ, отсюда уже форма зовѣ и неопредѣленное наклоненіе звати по перестановкѣ звуковъ ов въ ва.

Кромѣ этого есть еще другая форма этого глагола въ

Литографія Кудрявцина, Невскій, 106. Съ разр. г. проф.

др. ц. слав. языкѣ, а именно зъ-в-ати (такимъ образомъ разлагаетъ ея звуковое строеніе Миклошичъ), отсюда уже зывати.

Можно объяснить происхожденіе -ъв- въ глаголѣ зъвати такимъ образомъ: такъ какъ мы знаемъ, что передъ звукомъ а коренной звукъ ъ протягивается въ ы, то и здѣсь коренной звукъ ъ протянулся въ ы, а ы передъ а разлагается на ъ-ъ, причемъ второй звукъ ъ переходитъ въ в передъ гласнымъ.

IV. ѧ — ѫ : грѧз-(грѧзнѫти) - грѫзъ, форма, края, впрочемъ, существуетъ только въ русскомъ языкѣ въ формѣ грузъ.

звѧк- звѧкъ - тема, удерживающая тотъ же коренной звукъ и соотвѣтствующая польской ф. dźwięk

звѫкъ

зѧб- зѧб-с-ти,
зѧб-ѫ (разрываю)
зѧбнѫти
(про)зѧбати (прорастать)

(Кор. зѧб- имѣетъ также зн. холода)

зѫбъ. Отъ корня зѧб- въ глаголѣ зѧбити (чувствовать холодъ) образуется русское слово ознобъ, откуда глаголъ знобить.

Образованіе этихъ формъ изъ корня зѧб = земб объясняется тѣмъ, что звукъ м по перестановкѣ обращается въ зубной н, такъ какъ носовой согласный въ этомъ случаѣ соединяется съ предыдущимъ зубнымъ з, а е усиливается въ о.

По всей вѣроятности корень зѧб имѣетъ связь съ основной формой ghima = русск. зима, откуда прилагательное зимній (т. е. холодный).

Отъ корня *лѧк-* образуется глаг. *(на)лѧцати*, который употребляется въ значеніи „гнуть": отъ него же образуется именная тема съ усиленіемъ *ѧ* въ *ѫ* - *лѫкъ* (=arcus). Эта же форма *лѫкъ* (=лат. sinus), заключая въ себѣ понятіе о кривизнѣ, имѣетъ значеніе „мыса". Она употребляется также въ значеніи прилагательнаго „кривой", т.е. лукавый. Др.-ц.-слав. ф. *лѫкы* означаетъ хитрость, „кривизну". Сюда же слѣдуетъ отнести и слово *лукоморье*.

Отъ к. *щѧд-* образуется глагольная тема *щѧдѣ(ти)* и именная *скѫдъ* (слишкомъ бережливый, скудный - inops). Отсюда русское прилагательное *скудный* отъ основнаго корня *skend*.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что динамическое движеніе кореннаго гласнаго звука связывается въ языкѣ съ измѣненіемъ значенія словъ какъ въ лексическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи. Сравнивая первообразные глагольные и именные темы, мы замѣчаемъ, что усиленіе кореннаго гласнаго звука въ образованіи первыхъ совершается преимущественно посредствомъ протяженія, а усиленіе гласнаго кореннаго звука при образованіи вторыхъ совершается преимущественно посредствомъ подъема. Ясно, что языкъ старался отличить представленіе о дѣйствіи отъ представленія о предметѣ. *Протяженіемъ языкъ символически обозначаетъ движеніе во времени*, подъ условіемъ котораго мыслится дѣйствіе; *подъемомъ же языкъ символически обозначаетъ косность чего-либо, пребывающаго въ пространствѣ*, подъ условіемъ котораго мыслится предметъ. Эти общія представленія о чемъ-либо, какъ о дѣйствіи и предметѣ, въ свою очередь могутъ опредѣляться другими обстоятельственными отношеніями лица, говорящаго къ выражаемому имъ представленію или понятію посредствомъ присоединенія новыхъ элементовъ.

Изъ этихъ же примѣровъ мы видимъ, что динамическое движеніе кореннаго гласнаго звука связывается съ нарощеніемъ корня новыми звуковыми элементами. Эти новые звуковые элементы могутъ появляться при корнѣ или въ *началѣ*, или *внутри* или въ *концѣ*.

смотря по тому, какое мѣсто занимаютъ относительно кор-
ня, они носятъ различныя названія: тѣ звуковые элементы, к-рые
служатъ къ наращенію корня, появляясь въ началѣ его, наз.
префиксами; тѣ, к-рые служатъ къ наращенію корня, появля-
ясь внутри его — инфиксами и наконецъ тѣ, к-рые присоединяют-
ся къ нему въ концѣ — наз. суффиксами (наставками). Эти послѣд-
ніе имѣютъ самое важное значеніе въ строеніи словъ въ языкахъ
индоевропейской отрасли: Корень + суффиксъ есть общій типъ
строенія арійскаго слова; поэтому суффиксы и называются
въ отличіе отъ префиксовъ и инфиксовъ еще образующими
окончаніями.

Всѣ эти звуковые элементы имѣютъ или имѣли прежде
свое самостоятельное значеніе; напр., префиксъ въ посредствомъ
к-раго образуются въ др. славянскомъ и русскомъ языкахъ слож-
ныя имена и глаголы (входъ, входить) и досихъ употребляется
въ языкѣ, какъ отдѣльная часть рѣчи (книга лежитъ въ
столѣ; книгу положить въ столъ) Но к-рые изъ этихъ префик-
совъ, входя въ тѣсную связь съ именами или глаголами, при-
нимаютъ иную форму, какъ напр., слав. префиксъ вънъ = русск.
вонъ, принимаетъ въ соединеніи съ глаголами въ русскомъ яз.
форму вы. Въ языкахъ санскритскомъ и греческомъ былъ еще
префиксъ, к-рый имѣлъ особое названіе и служилъ для образо-
ванія прошедшихъ временъ — въ санскритѣ онъ имѣлъ форму
звука а, а въ греч. яз. ε, такъ напр., отъ глагола τύπτω (бью) обра-
зуется при помощи ε imperfectum ἔ-τυπτον. Этотъ пре-
фиксъ наз. аугментомъ, т.е. приращеніемъ. Повидимому,
этотъ звукъ не имѣетъ никакого значенія; однакоже Боппъ
на основаніи сравнительнаго анализа, найдя тожество
этого префикса съ отрицательной частицей а, пришелъ
къ тому заключенію, что этотъ аугментъ образуется
изъ самостоятельнаго мѣстоименнаго корня а, к-рый употреб-
лялся въ языкѣ отдѣльно и въ данномъ случаѣ выражаетъ
отрицаніе настоящаго момента дѣйствія.

Шлейхеръ говоритъ, что этотъ звукъ, служащій лу-

ментомъ, имъ мъ первоначально самостоятельное значеніе и точно также, какъ нарѣчіе или предлогъ, соединялся съ глаголомъ. Это видно изъ того, что на немъ какъ въ санскритѣ, такъ и въ греческомъ находится ударение.

Приставки или префиксы, присоединяясь къ корню, служатъ для обозначенія различныхъ оттѣнковъ того общаго значенія, кое заключается въ корнѣ (сравн. слова: ходъ, сходъ, выходъ, находка, весть, известь, вывесть, завесть, довесть и пр.)

Къ инфиксамъ или вставкамъ въ строгомъ смыслѣ можно отнести въ др. слав. языкѣ одинъ только звукъ н, но такъ какъ для образованія тѣхъ же первообразныхъ основъ глагольныхъ, кои образуются посредствомъ вставка*) н, служатъ еще въ сл. языкѣ звуки д и т, кои ставятся позади корня и потому должны бы считаться детерминативами, то и они могутъ быть причислены къ числу вставковъ.

Такимъ образомъ между вставками обращаютъ на себя вниманіе звуки н, д, т. Изъ нихъ звукъ н служитъ къ образованію четырехъ слѣдующихъ основъ:

1) бѫ (де) изъ корня бъ + вставокъ н, т. е. бън = бѫ.

2) лѧже отъ корня лег + вставокъ н (послѣ звука е) т. е. лен = лѧг, откуда тема лѧже, т. к. звукъ г передъ е переходитъ въ ж.

3) рѧште изъ корня рет + вставокъ н, т. е. рент = рѧт, откуда 1е лиц. (н)рѧштѫ.

4) сѧде отъ корня сед + вставокъ н, т. е. сенд = сѧд, откуда 1е л. сѧдѫ.

Помощью вставка д образуется три глагольныхъ темы

1) бѫде

2) иде

3) ѣде.

---

*) Проф. Некрасовъ отличаетъ слово „вставка" какъ дѣйствіе отъ слова „вставокъ", какъ самый звукъ, посредствомъ коего совершается наращеніе корня.

Вставокъ т является въ одной темѣ расте- отъ глагола расти вм. расти, откуда должна бы быть тема рас-, а не расте; основной корень этого глагола ardh по перестановкѣ въ слав. языкѣ — rad-.

Звуки, входящіе въ образованіе основъ, какъ инфиксы и суффиксы, принадлежатъ отдѣльнымъ корнямъ, имѣющимъ самостоятельное значеніе: инфиксъ д есть согласный элементъ корня dha; н и т суть согласные элементы мѣстоименныхъ темъ na и ta, употреблявшихся самостоятельно. Мѣстоименная тема na сохранилась въ полной формѣ и въ слав. языкѣ въ формѣ мънogъ. Что въ словѣ мънogъ слогъ но есть инфиксъ, видно изъ сличенія ея съ готской формой ma-na-ga, тема кот. есть ma-na-ga-, значеніе ея тожественно со славянской формой: отъ этой формы происходитъ нѣмецкая - manch, звукъ h указываетъ, что основной формой должна быть ma-na-gha. Эту форму Шлейхеръ возводитъ къ основному корню magh, что значитъ рости; форму, въ кот. корень этотъ остался безъ расширенія инфиксомъ, представляетъ намъ латинскій языкъ въ словѣ magnus, кр. предполагаетъ основную форму - ma-gha-na.

Если сопоставить славянскую форму и готскую съ латинской, то увидимъ, что отношеніе ихъ такое: темы готская и славянская относятся къ латинской такъ же, какъ санскритская форма ki-na-dmi относится къ греческой: σχιδ-νη-μι. Отсюда видно, что тѣ звуки, кот. въ латинскомъ яз. служатъ суффиксами, въ славянскомъ и готскомъ языкахъ являются инфиксами.

Отсюда является вопросъ: кот. формы древнѣе - тѣ-ли, гдѣ na суффиксъ, или тѣ, гдѣ онъ инфиксъ? или другими словами: суффиксъ-ли образовался изъ инфикса, или наоборотъ? Шлейхеръ держится того мнѣнія, что древнѣйшее образованіе принадлежитъ тѣмъ формамъ, гдѣ na - суффиксъ на томъ основаніи, что характеръ строенія арійскихъ словъ заключается въ соединеніи корня съ суффиксомъ, а не въ расширеніи корня инфиксомъ.

Если таково строеніе арійскихъ словъ, то можно только согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что есть другое мнѣніе, к-рое утверждаетъ, что формы съ инфиксами не абсолютно несовмѣстимы съ обыкновеннымъ строеніемъ арійскихъ словъ, основываясь на томъ, что динамическое движеніе кореннаго гласнаго звука при образованіи темъ есть ничто иное, какъ вставка звука <u>а</u>, на к-рый, слѣдовательно, можно смотрѣть, какъ на инфиксъ. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, т. к. что расширеніе корня посредствомъ инфикса не имѣетъ того характера, какой намъ представляетъ динамическое движеніе кореннаго гласнаго звука, такъ какъ форма инфикса остается постоянною, а динамическое движеніе кореннаго гласнаго звука можетъ выражаться въ различныхъ звуковыхъ измѣненіяхъ.

Отсюда видимъ, что существеннымъ принципомъ образованія основъ служитъ развитіе корня посредствомъ суффиксовъ; поэтому ученіе объ основахъ переходитъ въ ученіе о суффиксахъ. Намъ извѣстно уже, что основы дѣлятся на глагольныя и именныя; извѣстно также, что языкъ при образованіи ихъ проводитъ различіе между ними, примѣняя различные способы усиленія кореннаго гласнаго звука. Но это усиленіе въ свою очередь находится въ тѣсной связи, даже въ зависимости отъ тѣхъ суффиксовъ, к-рые присоединяются къ корню: напр., если взять какой нибудь корень и прибавить къ нему глагольный суффиксъ <u>а</u>, то коренной гласный звукъ усиливается посредствомъ протяженія; если же къ корню прибавить именной суффиксъ <u>а</u> или <u>ъ</u>, то коренной гласный усиливается посредствомъ подъема:

<u>слъх</u> - <u>слыха̂ти</u>, <u>слоухъ</u>.

<u>свьт</u> - <u>свит+а+ти</u>, <u>свѣт+ъ</u>.

Слѣдовательно, значеніе основы зависитъ не только отъ способа усиленія кореннаго гласнаго звука, но и отъ суффикса, к-рый прибавленъ къ корню.

Какъ основы бываютъ именныя и глагольныя, такъ и…

суффиксы должны быть и глагольные, и именные.

Далее известно, что основы бываютъ первичныя и вторичныя, такъ и суффиксы бываютъ или первичные или вторичные. Первичные — тѣ, помощью которыхъ образуются темы первичнаго образованія, а вторичные — которыми образуются вторичныя темы; но тѣ и другіе суффиксы могутъ быть тождественны по своей формѣ. Такъ ъ именной суффиксъ, можетъ быть и первичнымъ и вторичнымъ: воз+ъ, бег+ъ, нов+ъ — въ этихъ словахъ ъ первичный суффиксъ, т. что приставленъ прямо къ корню; а напр., въ словѣ был-о-рѫк-ъ — ъ вторичный суффиксъ, т. что при образованіи этого слова а въ словѣ рѫк-а исчело передъ ъ. Къ первичнымъ суффиксамъ относятся еще тѣ, посредствомъ которыхъ образуется именная тема отъ темы глагольной, первичной или производной, т. к. въ этомъ случаѣ глагольная тема разсматривается, какъ корень: такъ въ темѣ вод-и корень вед, — вод — именная тема; води — глагольная тема; прибавляя къ послѣдней основѣ именной суффиксъ ъ, получаемъ: води+ъ = водјъ = вождь. Здѣсь ъ имѣетъ значеніе первичнаго суффикса.

При образованіи именныхъ темъ отъ глагольныхъ первичные суффиксы остаются первичными, хотя темы могутъ быть и вторичныя.

Кромѣ суффиксовъ, образующихъ основы въ языкахъ индоевропейской отрасли, есть суффиксы, посредствомъ которыхъ изъ корней непосредственно образуются слова; таковы въ славянскомъ языкѣ личные суффиксы: ми, си, ть въ славянскомъ глаголѣ несмь. Въ другихъ языкахъ есть даже имена, которыя образованы непосредственно отъ корня помощью суффиксовъ, напр., въ латинскомъ слова:

дис+s = дих; рас+s = рах; leg+s = lex. Подобныя же слова есть и въ греческомъ.

Что же это за суффиксы, посредствомъ которыхъ образуются прямо слова? Они — или показатели лица или падежа. Отсюда слѣдуетъ, что полное развитіе слова, какъ имени, такъ и глагола, зависитъ отъ суффиксовъ, обозначающихъ лицо

или падежъ.

Слѣдовательно, суффиксы по своему морфологическому значенію въ свою очередь дѣлятся на 2 разряда: 1) суффиксы основъ и 2) суффиксы словъ (падежные и личные).

Между суффиксомъ лица или падежа и корнемъ могутъ быть многіе другіе суффиксы, кот. показываютъ оттѣнокъ значенія корня, но они должны быть отнесены къ I-му разряду. Таковы: суффиксы степеней сравненія, суффиксы, кот. показываютъ величину предмета, отношеніе къ нему лица говорящаго, времени, залога, вида, наклоненія и др.

Такимъ образомъ ученіе объ образованіи основъ и словъ сводится на ученіе о суффиксахъ. Въ изложеніи ученія о суффиксахъ мы будемъ держаться той системы, кот. характеризуется ходомъ развитія корня въ слово. Послѣдовательность изложенія будетъ слѣдующая:

Глава I. Ученіе объ образованіи основъ, заключ. въ себѣ:

a) Ученіе о суффиксахъ глагольныхъ основъ

b) Ученіе о суффиксахъ именныхъ основъ.

Глава II. Образованіе словъ.

a) Ученіе о суффиксахъ спрягаемыхъ словъ, или о личныхъ суффиксахъ.

b) Ученіе о суффиксахъ склоняемыхъ словъ, или о падежныхъ суффиксахъ.

Дальнѣйшее развитіе словъ въ языкахъ индоевропейской отрасли заключается въ соединеніи нѣсколькихъ самостоятельныхъ основъ въ одну, или нѣсколькихъ словъ въ одно. Примѣры соединенія перваго рода: водопадъ, богопознаніе, землетрясеніе. Примѣры соединенія втораго рода: домовладыка, двоюродный. Сюда же относятся и цѣлыя выраженія, кот. мы употребляемъ для названія предмета: не-тронь-меня, перека-поле, мать-и-мачиха и др.

I. Образованіе основъ глагольныхъ.

Каждый глаголъ въ др. ц. слав. и русскомъ языкѣ имѣетъ большее или меньшее количество грамматическихъ формъ, к[оторы]я употребляются или употреблялись въ рѣчи. Это относительное различіе глаголовъ по богатству формъ зависитъ - кромѣ историческихъ причинъ - отъ внѣшняго звукового строенія глаголовъ и отъ внутренняго, лексическаго ихъ значенія; такъ напр. отъ глагола ведѫ употреблялись въ др. ц. славянскомъ яз. двѣ формы аориста сложнаго: вѣсъ и ведохъ и кромѣ того форма простаго аориста ведъ. Отъ глагола двигнѫти - также двѣ формы аориста сложнаго: двигнѫхъ и двигохъ и при нихъ форма простаго аориста двигъ. Глаголъ же идѫ имѣетъ только по одной формѣ того и другого аориста: идохъ и идъ. Точно также есть глаголы, отъ к[оторы]хъ употребляются двѣ формы одного и того же значенія: сѫдивъ и сѫждь; родивъ и рождь, крьчивъ и крьмль и т. п.

Такое явленіе объясняется фонетическимъ строеніемъ самихъ глаголовъ. Извѣстно, что аористъ второй можетъ образоваться только отъ такихъ первообразныхъ глаголовъ, к[оторы]е сами образуются отъ корней, заканчивающихся согласнымъ звукомъ, слѣдовательно отъ другихъ корней такой формы нѣтъ.

Съ другой стороны напр. при глаголахъ сѣдѫ, сѣсти употребляются формы сѣдаѫ, сѣдати; притекѫ, притещи, притѣкаѫ, притѣкати; при формахъ кынѫ (вм. кыднѫ), кынѫти, кыдаѫ, кыдати; тогда какъ отъ глагола ведѫ не употребляются аналогичныя вышеуказаннымъ формы вѣдаѫ, или отъ глагола рыдати, рыдаѫ также не употребляется форма рынѫти, рынѫ вм. рыднѫ, рыднѫти. Этотъ фактъ мы можемъ объяснить уже не фонетическимъ строеніемъ, но внутреннимъ значеніемъ дѣйствія, выражаемаго глаголомъ. Глаголъ несмь употребляется только въ личныхъ формахъ настоящаго времени и, слѣдовательно, не имѣетъ многихъ формъ, принадлежащихъ другимъ глаголамъ.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что одинъ глаголъ можетъ

имѣть меньшее, другой - большее количество формъ. Но хотя количество грамматическихъ формъ въ славянскихъ глаголахъ не одинаково, тѣмъ не менѣе у каждаго оно весьма значительно. Если мы будемъ считать только тѣ формы, кои могутъ имѣть каждый глаголъ по наклоненіямъ, временамъ, лицамъ и числамъ дѣйствительнаго залога и въ одномъ именительномъ падежѣ, то увидимъ, что число грамматическихъ формъ каждаго глагола простирается до 70ти. Если же мы примемъ въ соображеніе всѣ глагольныя формы аористовъ простыхъ, прошедшаго продолженнаго, всѣ причастія по косвеннымъ падежамъ (дѣйств. и страд. залоговъ), то увидимъ, что число грамматическихъ формъ славянскихъ глаголовъ будетъ заключать въ себѣ нѣсколько сотенъ.

Такое разнообразіе грамматическихъ формъ славянскихъ глаголовъ, само собой разумѣется, обусловливается разнообразіемъ самыхъ основъ, изъ коихъ они образуются съ помощью суффиксовъ. Несмотря на это разнообразіе, наука путемъ сравнительнаго анализа находитъ связь между глагольными основами и морфологическую послѣдовательность въ ихъ развитіи. Исходнымъ пунктомъ образованія всѣхъ глагольныхъ формъ признаются двѣ главныя основы: 1) основа настоящаго времени и 2) основа неопредѣленнаго наклоненія. Отъ первой ведутъ свое начало основы повелительнаго наклоненія, причастій настоящаго времени дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ и отчасти прошедшаго продолженнаго времени; отъ второй - основы аористовъ, прошедшихъ причастій обоихъ залоговъ и также отчасти - прошедшаго продолженнаго времени.

Относительно этой второй основы необходимо замѣтить слѣдующее: такъ какъ вторая основа по звуковымъ формамъ нерѣдко совпадаетъ съ формою аористовъ и такъ какъ соотвѣтствующія этимъ послѣднимъ формы въ индоевропейскихъ языкахъ представляются образовавшимися раньше, чѣмъ формы неопредѣленнаго наклоненія, то слѣдовало бы приписывать главное значеніе не основамъ неопредѣленнаго наклоненія, а основамъ аористовъ. Но принимая во вниманіе 1) что нѣкоторые глаголы въ

славянскомъ языкѣ смѣшиваютъ въ употребленіи формы аориста сложнаго съ формами прошедшаго продолженнаго времени (*бѣше* и *бѣ*; *вѣдѣаше* и *вѣдѣхъ* и т.п.); 2) что нѣкоторые глаголы допускаютъ двоякое образованіе аориста (*оуидохъ* и *оусподъ*); 3) что въ славянскомъ языкѣ трудно доказать, которая изъ формъ (т.е. неопред. наклоненіе или аористъ) должна считаться болѣе древнею; мы считаемъ болѣе удобнымъ для объясненія образованія грамматическихъ формъ славянскаго языка поставить форму неопредѣленнаго наклоненія на мѣсто формы аориста. Но между двумя вышеназванными главными основами - основой неопредѣленнаго наклоненія и основой настоящаго времени главное мѣсто принадлежитъ основѣ *настоящаго времени*, несмотря на то, что она въ одномъ только случаѣ, а именно въ личныхъ формахъ глагола *есмь* совпадаетъ съ корнемъ, тогда какъ другая основа (именно основа неопредѣленнаго наклоненія) представляетъ гораздо большее число случаевъ своего совпаденія съ корнемъ. Это послѣднее обстоятельство и подало поводъ къ тому, что нѣкоторые ученые считаютъ основу неопредѣленнаго наклоненія главною основою для глаголовъ. Такъ Добровскій въ своихъ „*Institutiones linguae slavicae dialecti veteris*", считая чистый глагольный корень за основу глагола и замѣтивъ, что первообразные глаголы, образующіеся изъ корней, которые заканчиваются гласнымъ звукомъ, имѣютъ форму 3-го лица аориста совпадающаго съ корнемъ, въ глаголахъ же первообразныхъ, образующихся отъ корней, заканчивающихся согласнымъ звукомъ, это совпаденіе существуетъ между склоняемой формой причастія прошедшаго времени муж. р. и корнемъ, призналъ за основную форму славянскихъ глаголовъ *аористъ* или *неопредѣленное наклоненіе*

По той же причинѣ и Павскій въ своихъ „*Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка*" признаетъ форму неопредѣленнаго наклоненія за основную. Онъ говоритъ, что чистая основная форма глагола не является никогда открытой: ее надо выискать также, какъ выискиваемъ мы основу именную. Такъ напр., чтобы узнать основу формы *смотрю* мы

должны отбросить ю, какъ знакъ 1-го лица, и оставшійся слогъ смотр- будетъ основною формою глагола, изъ кот. образуются формы смотрю, смотрѣлъ и т. д. Не имѣя въ виду чистаго корня, мы можемъ каждую производную форму принять за основную и наблюдать, какія отъ нея идутъ отрасли. „Поэтому," говоритъ онъ, „я поставлю главной основой форму неопредѣленнаго наклоненія, но и то послѣ разложенія ея на составныя части и указанія отношеній этихъ частей къ корню."

Миклошичъ въ 3-мъ томѣ своей „Сравнительной Грамматики," носящемъ особое заглавіе „Vergleichende Formenlehre der slavischen Sprachen" 1856 г. также считаетъ форму неопредѣленнаго наклоненія основною, - по поводу классификаціи глаголовъ. - Замѣтивъ, что однѣ глагольныя формы образуются отъ основы неопредѣленнаго наклоненія, другія - отъ основы настоящаго времени, онъ спрашиваетъ: „Какую же изъ этихъ основъ нужно считать основною?" Отвѣтъ получается у него слѣдующій: „съ точки зрѣнія логики - это безразлично, но съ точки зрѣнія грамматики я считаю необходимымъ рѣшить вопросъ въ пользу неопредѣленнаго наклоненія, такъ какъ во многихъ случаяхъ основа его являются первоначальные, чѣмъ основа настоящаго времени."

Раньше во 2-мъ томѣ своей „Сравнительной Грамматики", носящемъ спеціальное заглавіе: „Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen" 1875, онъ признаетъ уже какъ бы равноправность между обѣими основами. Онъ говоритъ такъ: „всѣ глагольныя основы распадаются на двѣ группы: одна имѣетъ тѣсную связь съ основою неопредѣленнаго наклоненія, другая - съ основою настоящаго времени. Поэтому и ученіе объ основахъ глагольныхъ распадается на ученіе объ основахъ, имѣющихъ связь съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, и ученіе объ основахъ, имѣющихъ связь съ настоящимъ временемъ. Здѣсь онъ уже не говоритъ о томъ, какая изъ этихъ основъ первоначальнѣе, хотя все же ставитъ неопредѣленное наклоненіе прежде настоящаго времени. Это объясняется, какъ кажется, слѣдующимъ мѣстомъ въ его

сочиненіи: „Корень выкъ-", говоритъ Миклошичъ, „одинаково близко стоитъ и къ имени, и къ глаголу, такъ какъ языкъ одинаково проявляется въ глаголахъ и именахъ. Чтобы придать корню извѣстное значеніе, мы должны придвинуть или къ имени, или къ глаголу. Мы предпочитаемъ для этого форму глагольную, но такую, кран ближе всего подходитъ къ именной, т. е. форму infinitiv'а — и говоритъ — корень оук- или вык- значитъ „учиться, „пріучаться" Въ этомъ можно, дѣйствительно, видѣть нѣкрое основаніе для его предпочтенія основы неопредѣленнаго наклоненія передъ основою настоящаго времени.

Такъ какъ изъ приведенныхъ словъ видно, что основа неопредѣленнаго наклоненія по значенію ближе подходитъ къ корню; а такъ какъ въ ученіи объ основахъ основа разсматривается безъ суффикса, то и въ этомъ отношеніи основа неопредѣленнаго наклоненія (если отбросить суффиксъ <u>ти</u>) является ближе подходящей къ корню по своей звуковой формѣ.

Имѣя это въ виду нельзя не согласиться съ Миклошичемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что, ставя неопредѣленное наклоненіе на первое мѣсто въ классификаціи глаголовъ, мы собственно говоримъ не о глаголѣ, какъ о словѣ, обозначающемъ дѣйствіе, а (только) объ одной изъ его формъ, которою обозначается названіе дѣйствія.

Шлейхеръ въ своемъ сочиненіи „Die Formenlehre der Kirchenslavischen Sprache," 1852 первый указывалъ, на большее важное значеніе основы настоящаго времени для классификаціи глаголовъ. Онъ говоритъ, что какъ въ индогерманскихъ языкахъ, такъ и въ славянскомъ языкѣ существуетъ рѣшительное различіе въ образованіи настоящаго времени и другихъ глагольныхъ формъ; послѣднія представляютъ въ образованіи своемъ общее сходство, но основы настоящаго времени имѣютъ совершенно особое образованіе, несмотря на то, что личные суффиксы остаются тѣ-же. Поэтому, сколько основъ настоящаго времени, столько, по его мнѣнію, должно быть и классовъ славянскихъ глаголовъ.

Мысль эта разъяснена подробнѣе въ изслѣдованіи Лавров-

скаго: „Значеніе настоящаго времени въ классификаціи глаголовъ и образованіе его сравнительно съ родственными языками". Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 Январь.

Въ этомъ изслѣдованіи Лавровскій опровергаетъ принципъ Миклошича, доказывая, что онъ несостоятеленъ не только въ строго научномъ, но и въ практическомъ отношеніи; затѣмъ онъ опровергаетъ мысль, что основу неопредѣленнаго наклоненія должно считать болѣе древнею, чѣмъ основу настоящаго времени; наконецъ приводитъ 6 способовъ образованія основъ настоящаго времени и въ заключеніе говоритъ: „въ концѣ концовъ необходимо признать, что съ такъ называемой основой неопредѣленнаго наклоненія мы должны разстаться и не должны считать ее исходной точкой для образованія глаголовъ, каковою она быть не можетъ. Съ другой стороны мы должны признать, что всѣ измѣненія въ спряженіи глаголовъ находятся въ зависимости отъ основы настоящаго времени".

Изъ всѣхъ этихъ мнѣній трудно сдѣлать положительное заключеніе, которая изъ основъ имѣетъ болѣе важное значеніе въ славянскомъ глаголѣ, т.к. что образованіе обѣихъ основъ разсматривается въ нихъ не по отношенію къ тому значенію, кое онѣ имѣютъ въ глаголѣ, какъ въ словѣ, а только по тому значенію, кое каждая изъ нихъ имѣетъ по отношенію къ классификаціи глаголовъ. Правда, разсматривая формы славянскаго глагола сравнительно съ формами глаголовъ другихъ языковъ индоевропейской отрасли, можно придти къ заключенію, что основы настоящаго времени разнообразнѣе и древнѣе; но становясь на положительную почву славянскихъ памятниковъ, трудно придти къ точному заключенію, такъ какъ въ самыхъ древнихъ памятникахъ славянской письменности равно употребительны формы настоящаго времени и формы неопредѣленнаго наклоненія.

Принимая во вниманіе основу неопредѣленнаго наклоненія, какъ такую часть глагола, кая остается по отнятіи суффикса-ти, мы видимъ, что въ славянскихъ глаголахъ основа эта

представляетъ болѣе соотвѣтствія съ корнемъ, чѣмъ основа настоящаго времени; поэтому, оставаясь на славянской почвѣ, мы должны сказать, что послѣдняя основа по образованію своему древнѣе первой. Такъ, если сравнить основы настоящаго времени: бѫде-, тече-, може-, дьрже- съ основами неопредѣленнаго наклоненія бы-, тек-, мог-, дрь-, то весьма трудно будетъ придти къ обратному заключенію, т.е. сказать, что первыя основы (наст. времени) будутъ древнѣе послѣднихъ. Не говоря уже о томъ, что въ глаголахъ производныхъ весьма часто тема неопредѣленнаго наклоненія входитъ въ тему настоящаго времени.

Но существенное различіе основы наст. времени и основы неопред. наклоненія заключается въ томъ, что первая является основою глагола, какъ слова, обозначающаго дѣйствіе, тогда какъ вторая является основою такой грамматической формы глагола, к-рая имѣетъ значеніе не дѣйствія въ собственномъ смыслѣ, а только имени дѣйствія.

Основа настоящаго времени, соединяясь съ личными суффиксами, непосредственно переходитъ въ слово, обозначающее дѣйствіе въ строгомъ смыслѣ; основа же неопредѣленнаго наклоненія только черезъ посредство другихъ суффиксовъ можетъ стать глагольной основой, способной соединяться съ личными суффиксами и такимъ образомъ дѣлаться словомъ.

Поэтому корень въ основѣ т. наз. настоящаго времени впервые получаетъ опредѣленное, ясное глагольное значеніе; оставаясь же основой неопредѣленнаго наклоненія, онъ удерживаетъ въ себѣ прежнее безразличное, неопредѣленное значеніе. Такъ, корень вед самъ по себѣ не имѣетъ опредѣленнаго значенія, т.е. имъ не обозначается ни дѣйствіе, ни предметъ; такимъ онъ и остается, входя въ основу неопредѣленнаго наклоненія, тогда какъ основа наст. вр. веде- непосредственно соединяясь съ показателями лица (м, ши, ть) имѣетъ опредѣленное глагольное значеніе и непосредственно дѣлается словомъ.

Корень вед не можетъ непосредственно соединяться ни съ личными, ни съ падежными суффиксами. Отсюда очевидно болѣе

важное значеніе основы настоящаго времени сравнительно съ основой неопредѣленнаго наклоненія. Какъ основы ~~н. нак.~~ наст. вр. такъ и основы неопр. накл. дѣлятся на 2 разряда: первообразныя и производныя. Первообразными основами наст. вр. называются такія основы, которыя или совпадаютъ съ корнемъ (напр. несть) или же образуются непосредственно отъ корня помощью суф. е. Корень, соединяясь съ суф. е, можетъ или удерживать свою первоначальную звуковую форму, или видоизмѣнять ее.

Такъ напр. кор. вед, переходя въ основу наст. вр. веде, удерживаетъ свою звуковую форму; корень же сед, соединяясь со звукомъ е, измѣняетъ свою форму и вмѣсто седе является саде; кор. дѣ въ соединеніи съ ѥ измѣняется въ дежде (дѣ у(ѣ) ѥ = дед+ѥ = дежде).

Производными основами наст. вр. называются такія основы, которыя образуются изъ корней и темъ при помощи новыхъ суффиксовъ, предшествующихъ суф. е. Эти новые суффиксы, соединяясь съ корнемъ или темой и образуя, такъ сказать, основу для основы наст. вр., могутъ въ свою очередь или удерживаться или исчезать. Они удерживаются преимущественно въ томъ случаѣ, когда находятъ себѣ поддержку въ суф. е, который не допускается личными суф. первичнаго образованія (мь, си, ть). Исчезаютъ же эти суф. въ томъ случаѣ, когда не имѣютъ за собой суф. е. (Особенно это замѣтно въ глаголахъ съ суф. первичными) Для примѣра возьмемъ форму ꙗмь. Повидимому кажется, что это глаголъ первообразный, и данная форма также первообразная, но ближайшее разсмотрѣніе ея покажетъ совершенно противоположное.

Форма ꙗмь образовалась изъ слав. корня ꙗд = рус. ѣд слѣдующимъ образомъ: ꙗд+мь – ꙗммь (ассимиляція) ꙗмь (опущеніе звука). Стало быть, для этой формы мы должны признать основной кор. ꙗд, на что уполномочиваетъ насъ форма 3 л. ед. ч. наст. ꙗсть, гдѣ с есть видоизмѣненіе осн. зв. д.

Но принимая въ соображеніе форму 3 л. мн. ч. ꙗдѧть

мы видимъ, что это основа не первообразная. Звукъ ѧ убѣждаетъ насъ въ томъ, что послѣ д былъ когда то звукъ и. Доказательство этому видимъ мы въ образованіи аналогичной формы 3го л. видѧть, основа которой есть види. Слѣдовательно, и въ основѣ формы ядѧтъ должны мы предполагать зв. и, который въ нѣкоторыхъ формахъ выпалъ, а въ 3 л. мн. ч. заявляетъ о своемъ существованіи въ ѧ. Кромѣ того формы повел. накл. ядите, видите, сѣдите и т. п. не могли бы образоваться если бы въ основѣ наст. вр. не заключался зв. и. Такимъ образомъ въ формѣ ямь мы видимъ не только утрату тематическаго и, но и кореннаго. То же самое относится и къ вѣмь (изъ вѣдмь), дамь (изъ дадмь), гдѣ фор. 3го л. мн. ч. видѧть, дадѧть, также указываетъ на выпаденіе зв. и. И такъ предъ личными суф. и выпадаетъ. Оно остается только въ 3мъ л. мн. ч., въ повел. накл. и отчасти можетъ быть въ прошедшемъ продолженномъ времени. Поэтому необходимо отнести вышеназванные глаголы къ разряду производныхъ, а не первообразныхъ (т. е. образовавшихся изъ корня + суффиксъ.)

Что касается другихъ производныхъ основъ, то примѣровъ для нихъ можно найти множество. Такъ движе, вѣд-и (вм. вѣд-и-е), что доказывается формой вѣщи- (вм. вѣщи-е), такъ какъ спрягается вѣщеши, вѣщеть и т. п. Слѣдуетъ замѣтить, что эта форма, которую Миклошичъ предполагаетъ образовавшеюся изъ готскаго, въ сущности столь же принадлежитъ готскому, сколько и слав. языку: корень ея долженъ быть вѣк, гдѣ зв. щ образовался изъ к; форма вѣк = лат. voc-s (vox). Глаголъ этотъ важенъ потому, что онъ сохраняется въ слав. яз. какъ единственный, имѣющій формы вѣщеши, вѣщетъ и т. д., всѣ же остальные глаголы соединяютъ зв. и и е въ одинъ. Далѣе можно привести гл. бум+ѣ+е, форму пис+а+е, дыхо+а+е, имен-у-е и т. п.

Обратимся теперь къ основѣ неопредѣленнаго наклоненія. Первообразною основою неопредѣленнаго наклоненія называется такая основа, которая совпадаетъ съ корнемъ. Корень,

соединяясь съ суф. ти неопр. накл., можетъ удерживать и видоизменять свою звуковую форму. (Примеры будутъ указаны, когда будетъ говориться объ образованіи основъ.)

Производною основой неопределеннаго наклоненія называется такая основа, которая образуется помощью новыхъ суф., къ которымъ присоединяется суф. неопр. накл. ти. Эти новые звуковые элементы, которые въ грамматикахъ носятъ обыкновенно названіе глагольныхъ примѣтъ, представляютъ следующіе 4 вида: нѫ, ѣ, и, а. (двигнѫти, горѣти, сѣдити, писати)

По основамъ наст. вр. и сами глаголы дѣлятся на первообразные и производные: если основа глагола въ наст. вр. первообразная, то и глаголъ принадлежитъ къ разряду первообразныхъ, если основа производная — и глаголъ считается производнымъ.

Образованіе основъ настоящаго времени въ глаголахъ первообразныхъ.

Основы наст. вр. какъ въ первообразныхъ, такъ и въ производныхъ глаголахъ образуются изъ корня также какъ и изъ темы посредствомъ суф. е. Исключеніе составляютъ только 4 глагола: есмь, вѣмь, дамь, ямь; къ нимъ присоединяютъ еще глаголъ имамь, но онъ по своему образованію позднѣйшій и не можетъ быть причисленъ къ 4-мъ первымъ. Изъ нихъ одинъ только глаголъ есмь — первообразный; остальные производные. Эти 4 глагола составляютъ исключеніе изъ того способа образованія основъ наст. вр., о которомъ было упомянуто выше.

Что же такое этотъ суф. е, который участвуетъ въ образованіи основъ наст. вр.?

Сравнивая основы славянскихъ глаголовъ съ основами глаголовъ другихъ родственныхъ языковъ и восходя до основъ первоначальныхъ, праарійскихъ, мы должны придти къ тому заключенію, что сл. е соотвѣтствуетъ основному зв. а; такъ сл. форма бер+е = осн. bhar+a. Что же такое этотъ основной зв. а?

Въ другихъ родственныхъ языкахъ ученые обозначаютъ это <u>а</u> слѣдующими названіями: <u>Stammbildungssuffix</u>, т.е. звукъ образующій именныя и глагольныя основы; <u>Stammbildungselement</u>, или наконецъ <u>Stammauslaut</u> — звукъ, заканчивающій собою основы.

Кромѣ того ученые не могли сказать ничего, основываясь на изученіи первоначальной формы зв. <u>а</u>, участвующаго въ образованіи какъ глагольныхъ, такъ и именныхъ основъ. На основаніи того, что онъ одинаково участвуетъ въ образованіи тѣхъ и другихъ основъ, дѣйствительно можно сказать, что это есть <u>Stammbildungselement</u>. И Шлейхеръ, и Боппъ, и Миклошичъ одинаково полагаютъ, что этотъ зв. <u>а</u> есть мѣстоименный кор. указательнаго значенія. Но это заключеніе подлежитъ сомнѣнію на слѣдующихъ основаніяхъ.

Основная тема <u>bhar+a</u> будетъ одинаковою какъ въ глаголѣ, такъ и въ имени; славянская же тема, соотвѣтствующая этой основной, имѣетъ особыя формы для глагола и имени; такъ глагольная тема <u>бер+е</u> не соотвѣтствуетъ именной слав. темѣ <u>бор+ъ</u>. Шлейхеръ говоритъ, что осн. <u>а</u> участвуетъ въ образованіи глагольныхъ и именныхъ темъ и въ древне-болгарскомъ (слав.) языкѣ и имѣетъ въ обоихъ случаяхъ первоначальное мѣстоименное значеніе. Что оба слав. зв. <u>е</u> и <u>ъ</u> могли образоваться изъ осн. <u>а</u>, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но чтобы зв. <u>е</u> въ темѣ <u>бере</u>, образовавшійся изъ зв. <u>а</u> имѣлъ такое же значеніе въ данномъ случаѣ въ темѣ <u>боръ</u>, какъ зв. <u>ъ</u> — съ этимъ согласиться невозможно. Если же они имѣютъ различное значеніе, то и осн. зв. <u>а</u>, изъ котораго они образовались, долженъ былъ имѣть различное значеніе.

<u>Зв. а</u>, дѣлаясь зв. <u>е</u> въ слав. яз., сообщаетъ корню, къ которому онъ присоединяется, глагольное значеніе. Осн. <u>а</u>, дѣлаясь зв. <u>ъ</u> и присоединяясь къ корню, не только сообщаетъ ему именное значеніе, но и требуетъ измѣненія корня въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Спрашивается, почему осн. зв. а, переходя на слав. почву, долженъ принимать форму зв. е для образованія основъ глагольныхъ и форму зв. ъ для образованія именныхъ основъ?

Всѣ эти вопросы остались бы безъ отвѣта, если бы мы согласились, что осн. зв. а имѣетъ въ обоихъ случаяхъ одно и то же мѣстоименное указат. значеніе; тогда какъ тогда невозможно было бы пояснить, почему изъ одного осн. зв. а образовались на слав. почвѣ два суф. совершенно различныя по значенію.

Объяснить появленіе зв. о въ немъ боръ — ассимиляціей также невозможно, такъ какъ мы знаемъ, что тотъ же зв. ъ = ā основ., присоединяясь къ глаголу и образуя форму аориста простаго ведъ, везъ, несъ и пр., оставляетъ безъ измѣненія глагольный корень. Гораздо вѣроятнѣе будетъ предположить, что зв. е, посредствомъ котораго образуются глагольныя основы наст. вр., есть нѣчто иное, какъ гласный элементъ глагольнаго корня рес = осн. as. Стало быть и осн. зв. а въ глаголахъ есть гласный элементъ глаг. корня as, въ именахъ же мѣстоименный корень указательнаго значенія.

Послѣ такого толкованія становится ясно, почему зв. е, присоединяясь къ корню, сообщаетъ ему глагольное значеніе, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ играетъ совершенно ту же роль, какъ въ предложеніи связка, соединяющая подлежащее со сказуемымъ. Смотр. стран. 96. ×

Звуки, входящіе въ образованіе основъ, какъ инфиксы такъ и суффиксы принадлежатъ отдѣльнымъ корнямъ, имѣющимъ самостоятельное значеніе: инфиксъ д есть согласный элементъ корня дѣ = dhā; н, т суть согласные элементы мѣстоименныхъ темъ na, ta, употреблявшихся самостоятельно. Мѣстоименная тема na сохранилась въ полной формѣ и въ слав. яз. въ словѣ мъногъ. Что въ словѣ мъногъ слогъ но есть инфиксъ, видно изъ сличенія его съ готской формой ma-na-gs, тема которой есть ma-na-ga; значеніе ея тожественно со славянской формой; отъ этой формы происходитъ нѣмецкая manch, зв. н указываетъ, что основной формой должна

быть mana-gha. Эту форму Шлейхеръ возводитъ къ основному корню magh, что значитъ рости; форму, въ которой корень этотъ остался безъ расширенія инфиксомъ, представляетъ намъ латинскій языкъ въ словѣ magnus, кот. предполагаетъ основную форму — ma-gha-nas.

Если сопоставить славянскую форму и готскую съ латинской, то увидимъ, что отношеніе ихъ такое: тѣмъ готская и славянская относятся къ латинской такъ же, какъ санскритская форма mana-gha: ma-gha-na ÷ ki-na-d-mi ÷ bkib-va-mki; отсюда видимъ, что тѣ звуки, которые въ латинскомъ служатъ суффиксами, въ славянскомъ и готскомъ являются инфиксами.

Отсюда является вопросъ: которыя формы древнѣе, тѣ ли гдѣ na суффиксъ, или тѣ, гдѣ онъ инфиксъ? или другими словами: суффиксъ ли образовался изъ инфикса, или наоборотъ?

Шлейхеръ держится того мнѣнія, что древнѣйшее образованіе принадлежитъ тѣмъ формамъ, гдѣ na — суффиксъ, на томъ основаніи, что характеръ строенія арійскихъ словъ заключается въ соединеніи корня съ суф., а не въ расширеніи корня инфиксомъ. Если таково строеніе арійскихъ словъ, то можно только согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что есть другое мнѣніе, которое утверждаетъ, что формы съ инфиксами не абсолютно несовмѣстимы съ обыкновеннымъ строеніемъ арійскихъ словъ; основываясь на томъ, что динамическое движеніе коренного гласнаго звука; при образованіи темъ есть ничто иное, какъ вставка звука a, на который, слѣдовательно, можно смотрѣть, какъ на инфиксъ. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, потому что расширеніе корня посредствомъ инфикса не имѣетъ того характера, какой намъ представляетъ динамическое движеніе коренного гласнаго зв., такъ какъ форма инфикса остается постоянною, а динамическое движеніе коренного гласнаго зв. можетъ выражаться въ различныхъ звуковыхъ измѣненіяхъ.

Отсюда видимъ, что существеннымъ принципомъ образованія основъ служитъ развитіе корня посредствомъ суффиксовъ; поэтому ученіе объ основахъ переходитъ въ ученіе о суффиксахъ. Намъ извѣстно уже, что основы дѣлятся на глагольныя и именныя; извѣстно также, что языкъ при образованіи ихъ проводитъ различіе между ними, примѣняя различные способы усиленія кореннаго гласнаго звука. Но это усиленіе въ свою очередь находится въ тѣсной связи, даже въ зависимости, отъ тѣхъ суффиксовъ, которые присоединяются къ корню: напр. если взять какой нибудь корень и прибавить къ нему глагольный суф. а, то коренной гласный зв. усиливается посредствомъ протяженія, если же къ корню прибавить именной суф. а или ъ, то коренной гласный усиливается посредствомъ подъема:

слъх – слых+а+ти, слоух+ъ

свѣт – свит+а+ти, свѣт+ъ

Слѣдовательно, значеніе основы зависитъ отъ способа усиленія кореннаго гласнаго звука, но и отъ суф., который прибавленъ корню.

Какъ основы бываютъ именныя и глагольныя, темы и суф. должны быть глагольные и именные.

Далѣе извѣстно, что основы бываютъ первичныя и вторичныя, такъ и суф. бываютъ или первичные или вторичные: первичные тѣ, помощью которыхъ образуются темы первичнаго образованія, а вторичные – которыми образуются вторичныя темы; но тѣ и другіе суф. могутъ быть тождественны по своей форме; такъ ъ именной суф., можетъ быть и первичнымъ и вторичнымъ: воз+ъ, бог+ъ, нов+ъ, въ этихъ словахъ ъ – первичный суф., потому что приставленъ прямо къ корню; а напр. въ словѣ быв+а+ъ – вторичный суф., потому что при образованіи этого слова а въ словѣ рѫка нечѣмъ передъ ъ. Къ первичнымъ суф. относятся еще тѣ, посредствомъ которыхъ образуется именная тема отъ темы глагольной, первичной или производной, потому что въ этомъ случаѣ глагольная тема разсматривается, какъ корень

въ тамъ вод-и корень вед, водъ — именная тема; води — глагольная тема; прибавляя къ последней основѣ именной суф. ъ получаемъ води-ъ = водj+ъ = вождь, здесь ъ имеетъ значение первичнаго суф. При образовании именныхъ темъ отъ глагольныхъ первичные суф. остаются первичными, хотя темы могутъ быть и вторичныя. Кромѣ суф., образующихъ основы въ языкахъ индо-европейской отрасли, есть суф., посредствомъ которыхъ изъ корней непосредственно образуются слова; таковы въ славянскомъ языкѣ личные суф.: мь, си, ть, въ славянскомъ глаголѣ есмь; въ другихъ языкахъ есть даже имена, которыя образовались непосредственно отъ корня, помощью суф., напр. въ латинскомъ:

duc+s = dux, pac+s = pax, leg+s = lex,

подобныя же слова есть и въ греческомъ. Что же это за суффиксы, посредствомъ которыхъ образуются прямо слова? Они — или показатели лица или падежа; отсюда следуетъ, что полное развитие слова, какъ имени, такъ и глагола, зависитъ отъ суф., обозначающихъ лицо или падежъ.

Следовательно суф. по своему морфологическому значению въ свою очередь делятся на 2 разряда: 1) — суф. основъ; 2) — суф. словъ (падежные и личные)

Между суф. лица или падежа и корнемъ могутъ быть многие другие суф., которые показываютъ оттенокъ значения корня, но они должны быть отнесены къ 1-му разряду; таковы: суф. степеней сравнения, суф., которые показываютъ величину предмета, отношение къ нему лица говорящаго, времени, залога, вида, наклонения и др.

Такимъ образомъ учение объ образовании основъ и словъ сводится на учение о суф. Въ изложении учения о суф. мы будемъ держаться той системы, которая характеризуется ходомъ развития корня въ слово. Последовательность изложения будетъ следующая.

Глава I. Объ образовании основъ. Сюда войдетъ: 1) учение о суф. глагольныхъ основъ; 2) именныхъ основъ.

Глава II. Образование словъ. Въ ней будетъ заключаться: 1) учение о суф. глагольныхъ словъ, или о личныхъ суф.; 2) учение о суф. склоне-

ныхъ словъ или о падежныхъ суф.

Дальнѣйшее развитіе словъ въ языкахъ индо-европейской отрасли заключается въ соединеніи нѣсколькихъ самостоятельныхъ основъ въ одну, или нѣсколькихъ словъ въ одно; примѣры 1го рода водопадъ, богопознаніе, землетрясеніе; примѣры 2го рода: домовладыка, двоюродный, сюда же относятся и цѣлыя выраженія, которыя мы употребляемъ для названія предмета: не-тронь-меня, перекати-поле, мать-и-мачиха и т. п. ✕✕

Основы т. наз. настоящаго времени глаголовъ производныхъ образуются точно также, какъ въ глаголахъ первообразныхъ, а именно помощью глагольнаго суф. е. Исключеніе составляютъ только 3 глагола архаическаго спряженія: вѣмь, дамь, ямь. Древнѣйшая звуковая форма основы наст. вр. этихъ глаголовъ отличалась присутствіемъ и, которая исчезла въ доисторическое время, оставивъ по себѣ лишь едва замѣтные слѣды въ немногихъ формахъ: въ 3^мъ^ л. множ. чис. наст. вр., въ повел. нак. и, можетъ быть, въ формахъ прошедшаго продолженнаго. Стоитъ для этого сравнить формы повел. накл. 2 л. ед. ч. вѣждь при вѣждь съ фор. веди, 2 л. мн. ч. вѣдите при видите съ ф. ведыти и, быть можетъ, формы прош. продолженнаго: вѣдѣахъ, вѣдѣаше при видѣахъ, видѣаше. Но основы производныхъ глаголовъ отличаются отъ первообразныхъ присутствіемъ особыхъ суф., присоединяемыхъ къ корню или къ глагольной темѣ передъ суф. е. Эти особые суф. могутъ быть охарактеризованы слѣдующими звуками: н, ѣ, и и а, какъ напр. въ формахъ двине-, владѣе-, проси- (вм. просие) и читае-.

Такимъ образомъ ученіе объ образованіи основъ наст. врем. производныхъ глаголовъ сводится собственно на ученіе о суффик., которыми эти основы характеризуются, но т. к. тѣже самые суф. входятъ, видоизмѣняя иногда свою форму, и въ образованіе основы т. н. неопредѣленнаго, то поэтому будемъ разсматривать ихъ какъ по отношенію къ наст. вр. такъ и по отношенію къ неопредѣленному накл. вмѣстѣ. Случаи измѣненія суф. представляются только въ тѣхъ изъ нихъ, которые характеризуются звуками н и и; такъ зв. н въ неопр. накл. принимаетъ ф. нѫ: двинѫ

двигнѫ; а и принимаетъ форму ѣ: види — видѣ. Примѣта и можетъ оставаться и безъ измѣненія въ общихъ темахъ. Всѣ эти суф. въ отличіе отъ тѣхъ суф., помощью которыхъ образуются многія другія глагольныя формы, наз. глагольными примѣтами.

О суффиксѣ н. Примѣта, характеризуемая звукомъ н, преимущественно передъ всѣми другими способна присоединятся къ глагольному корню въ его первоначальной формѣ. Это видно изъ такихъ глаголовъ, которые образуются изъ корней съ глухими гласными, напр. отъ корня гъб тема наст. вр. гънє вм. гъбнє, отъ корня мьн — мьнє вм. мьннє — отъ мък — мъкнє, отъ корня сън — (оу)сънє вм. (оу)съннє. При этомъ надо помнить, что суф. неопр. нак. этихъ глаголовъ есть нѫ.

Сравнивая основы т. н. наст. вр. съ основами неоп. накл., мы видимъ, что примѣта, характеризуемая зв. н, принимаетъ различныя формы: а именно: въ наст. вр. форму зв. н, въ неопр. нак. она имѣетъ ф. нѫ; но кромѣ того въ причастіяхъ прош. врем. стр. зал. она является въ ф. ноу, которая передъ соединительнымъ гласнымъ е переходитъ въ нов, напр. дръзнѫ — дръзнов-е-нъ вм. дръзноу-е-нъ.

Соображая всѣ эти формы примѣты (н, ноу и нѫ), которая характеризуется зв. н, необходимо признать, что основная общая для всѣхъ вышеуказанныхъ формъ будетъ нъ; потому что только изъ этой формы могутъ быть объяснены всѣ вышеуказанныя формы примѣты. А именно слѣдующимъ образомъ: осн. ф. нъ принимаетъ

1) въ наст. вр. фор. зв. н вслѣдствіе видоизмѣненія ъ передъ е въ зв. в и его выпаденія, напр.: дръзне - вм. дръзнве — изъ дръзнъ+е.

Что такой ходъ образованія фор. дръзне — возможенъ, въ этомъ мы убѣждаемся существованіемъ въ др. ц. слав. яз. формы медьнъ, которая образовалась изъ медъ+ьнъ, причемъ зв. ъ передъ ь перешелъ въ в — медв-ьнъ (какъ фор. медьнъ такъ и ф. медвьнъ существуютъ въ памятникахъ письменности).

2) въ неопр. накл. нъ принимаетъ ф. нѫ, т. е. ъ усиливается носовымъ согласнымъ элементомъ и обращается въ носовой звукъ

какъ это видимъ напр. изъ образованія бѣдѫ отъ кор. бѣ.

3) Въ причастіяхъ прош. вр. стр. зал. нѫ принимаетъ фор. ноу, которая передъ гласными переходитъ въ ф. новъ. Припомнимъ формы: сынов+е вм. сыноу+е отъ сынъ. Но желательно знать происхожденіе и значеніе этого суф. нѫ. Боппъ сопоставляетъ глаголы съ примѣтой нѫ съ санскритскими глаголами IX класса, которые вставляютъ передъ слабыми*) суффиксами примѣту na, а передъ сильными nī**), какъ напр., junāti и junītás и говоритъ, что суф. na можетъ ослабляться передъ сильными суф. въ nī, но кромѣ того и ā суф. nā можетъ ослабляться и въ ă, что видимъ въ древнѣйшихъ формахъ памятниковъ эпическаго содержанія (mad-nā-d'vam — трясетесь). Онъ полагаетъ, что въ древнѣйшихъ славянскихъ глаголахъ гласный элементъ суф. нѫ передъ носовымъ элементомъ въ 1-мъ л. ед.ч. и 3-мъ мн. измѣнился въ оу, а во всѣхъ прочихъ въ е, т.е. что е принадлежитъ самому суф. (между тѣмъ какъ мы его считаемъ особымъ глагольнымъ суф.) На основаніи такого своего воззрѣнія онъ не соглашается съ мнѣніемъ Миклошича, который полагаетъ, что ф. двигнѫ произошла черезъ двигнѣѫ.

Шлейхеръ прежде объяснялъ образованіе этого суф. также какъ и Миклошичъ и сравнивалъ славянскіе глаголы, характеризуемые суф. нѫ, съ санскритскими глаголами V класса, которые имѣютъ также примѣту nu. Но впослѣдствіи онъ отступился отъ этого мнѣнія и сравнивалъ ихъ, подобно Боппу съ санскритскими глаголами IX класса, которые имѣютъ примѣту nā = греч. να. Что же касается до глаголовъ V разряда съ примѣтою nu, то онъ, не считая ихъ соотвѣтствующими славянскимъ глаголамъ замѣчаетъ, между прочимъ слѣдующее: „причастная фор. прош. вр. стр. зал. съ суф. ноу (или нов) указываетъ и на то, что въ основахъ наст. вр. слав. глаголы, соотвѣтствовали санскритскимъ глаголамъ V кл.,

---

*) Слабыми суф. онъ называетъ суф. ед.ч. mi, ti, si.

**) Сильными — суф. множ. и двойст. числа: mas, tas или thas и т.д.

потому что только изъ этой основы (нѫ = nu, греч. νυ) можно объяснить происхожденіе формы суф. ноу- въ причастіи прош. врем. стр. залога. (Такимъ образомъ мнѣніе весьма неопредѣленно).

Миклошичъ говоритъ: „я предполагаю, что слав. суф. нѫ соотвѣтствуетъ санскритскому суф. nu = греч. νυ и держусь того мнѣнія, что ѫ въ слав. яз. — позднѣйшаго происхожденія и образовался изъ болѣе древняго зв. ъ. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ то обстоятельство, что какъ ѫ такъ и ъ передъ гласными звуками равно могутъ принимать форму ов или оу, какъ напр. коснѫ — косновенъ, плинѫ — плиновенъ, откуда существительныя: косновеніе, плиновеніе. Относительно ф. 3л. наст. вр. двигнѫ онъ говоритъ, что она, по его убѣжденію, образовалась черезъ ф. двигновѫ: доказательствомъ чего могутъ служить причастныя фор. страд. зал., прошед. врем., встрѣчающіяся въ памятникахъ, правда, позднѣйшей поры: коснѣнъ и оусѣкненъ, которыя, очевидно, образовались черезъ формы: коснвенъ и оусѣкновенъ. Къ этому онъ прибавляетъ: эти воззрѣнія были высказаны много десятковъ лѣтъ тому назадъ, и отъ нихъ я не отказываюсь и теперь несмотря на всякія возраженія, которыя высказаны противъ нихъ."

Такимъ образомъ мы видимъ, что Миклошичъ сопоставляетъ славянскіе глаголы съ примѣтою нѫ съ санскритскими глаголами V класса.

Относительно значенія и происхожденія суф. нѫ Боппъ выражается такимъ образомъ: „едва ли можно сказать что-либо положительное относительно происхожденія и значенія вообще примѣты". По его мнѣнію всего вѣрнѣе, кажется, что многія глагольныя примѣты суть мѣстоименія, которыя сообщаютъ дѣйствію, выражаемому въ корнѣ in abstracto, значеніе конкретности. Исходя изъ этой точки зрѣнія можно полагать, что слав. суф. нѫ, соотвѣтствующій санскритскому na, есть ничто иное, какъ протяженіе или удлиненіе мѣстоименной темы na указательнаго значенія, формы же ni и nu суть ослабленія формы na. Подобныя измѣненія видимъ въ такихъ вопросит. мѣстоименія ka — въ формахъ ея ki, ku.

Шмитеръ, насколько не сомнѣваясь, принимаетъ, что слав. примѣта нѫ - образовалась изъ мѣстоименной темы указательнаго значенія.

Миклошичъ однако далекъ отъ увѣренности въ такомъ происхожденіи и значеніи данной примѣты. Онъ говоритъ: „примѣта нѫ есть суф., слѣдовательно, она не безъ значенія. А какое значеніе она имѣла первоначально, это для насъ неизвѣстно. Въ современномъ состояніи славянскихъ языковъ она служитъ для обозначенія совершительности (zur Perfectivirung) и страдательности (zur Passivirung), хотя не всѣ глаголы съ нѫ имѣютъ страдательное значеніе; значеніе совершительности исключительно принадлежитъ слав. языкамъ, а значеніе страдательности — общее съ готскимъ языкомъ." Далѣе онъ говоритъ слѣдующее: „древне-индійская примѣта ну напоминаетъ первоначальное окончаніе прилагат. именъ, какъ это видно изъ ф. trasnu (страшный) и dhršnu (мужественный)." „Кто говоритъ онъ, „думаетъ, что глагольный суф. ну тожественъ съ суф. прилагательнымъ нъ, тотъ, конечно, долженъ смотрѣть на слав. глаголы съ этимъ суф., какъ на глаголы отъименные".

Слѣдовательно, Миклошичъ оставляетъ подъ сильнымъ сомнѣніемъ мѣстоименное производство и значеніе суф. нѫ. Проф. Некрасовъ вполнѣ раздѣляетъ это сомнѣніе относительно происхожденія и значенія суф. нѫ. Онъ говоритъ, что едва ли можно положительно утверждать, что глагольныя темы какъ напр. гънѫ и др. обязаны своимъ происхожденіемъ темамъ именнымъ и едва ли есть какое либо другое основаніе признавать глаголы съ суф. нѫ - глаголами отъименными, кромѣ одного предположенія, что суф. нъ имѣетъ мѣстоименное указательное происхожденіе и значеніе. Поэтому проф. Некрасовъ высказываетъ такія предположенія.

Суф. нѫ имѣетъ глагольное происхожденіе и значеніе и находится въ связи съ тѣмъ корнемъ, изъ котораго образуется употребляемый во всѣхъ слав. яз. глаголъ нѫдити или ноудити, серб. нудити, чеш. нutiti, польск. nęcić (при фор. nędza = слав. нѫжда) серболужиц.: nucić, хорут. nuditi. Послѣдняя форма важна для насъ въ томъ отношеніи, что въ хорут. яз. всегда на мѣстѣ слав. ѫ стоитъ ô между тѣмъ

какъ ф. nūditi мы видимъ зв. ū что доказываетъ, что первоначальный зв. корня скорѣе соотвѣтствовалъ краткому ŭ, чѣмъ краткому ă. Частица „ну" точно также какъ и суф. нѫ, имѣетъ глагольное значеніе, соединяясь съ личнымъ суф. те (нуте).

Глаголъ нѫдити, который пишется въ др.-цер.-сл. яз. двояко, есть глаголъ отыменный, т.е. образуется отъ имени (ноудь, нужда), откуда нарѣчіе отънѫдь, отъноудь, ноудома и др.) посредствомъ извѣстнаго суф. или примѣты и. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что глаголъ нѫдити, имѣющій несомнѣнное соотвѣтствіе съ готскимъ глаголомъ nauthjan (отъ существительнаго nauths = нѣм. Noth) корнемъ своимъ имѣетъ санскритск. фор. nadh, такъ какъ отъ этого корня встрѣчаются имена, имѣющія подобное же значеніе (напр. nadhamana — просящій, nadhita — находящійся въ нуждѣ) съ которыми глаг. нѫдити имѣетъ несомнѣнное сродство. Но въ корнѣ nadh останавливаетъ на себѣ вниманіе зв. ā, который, какъ намъ извѣстно, можетъ иногда образоваться изъ ān. (Шмидтъ и говоритъ, что кор. nadh образовался изъ nandh.

Еслибы мы пожелали узнать, что такое nandh, то, конечно, другаго производства и нельзя допустить, какъ то, что nandh сложился изъ двухъ корней: nam и dh; первый изъ которыхъ имѣетъ значеніе „гнуть" и „гнуться", а второй — „дѣйствовать" (нѣм. machen). Если это вѣрно, то глаголъ нѫдити слѣдуетъ разлагать не такъ: нѫдити, а такъ: нѫ-ди-ти (заставлять гнуться въ смыслѣ нравственномъ.)

Другое производство глагола нѫдити отъ осн. кор. nud (толкать, побуждать). Противъ этого производства возражаютъ, что отъ фор. к. nud нельзя дойти ни до слав. ф. нѫд, ни до готскаго nauthjan, и что гласный зв. корня не соотвѣтствуетъ въ слав. яз. ѫ-су, а согл. зв. d не соотвѣтствуетъ готскому th. Но проф. Некрасовъ думаетъ 1), что при к. nud долженъ былъ существовать другой детерминативъ dh отъ dha; въ такомъ случаѣ кор. въ слав. яз. принялъ бы форму нъдд, вслѣдствіе стеченія двухъ одинаковыхъ согласныхъ одинъ изъ нихъ необходимо выпадаетъ, а глас. кор. ъ уширяется въ оу; или въ слав. яз. зв. д замѣняется зв. н т. что кор. нъдд принимаетъ фор. нънд, изъ

которой образовалась ф. нѫд. Но какъ бы то ни было, примемъ ли мы производство глагола нѫдити отъ к. nam или отъ к. nid, мы во всякомъ случаѣ придемъ къ тому что въ качествѣ суф. онъ можетъ отбросить конечный согласный зв. т или д и явиться въ ф. нѫ.

Этимъ суффиксомъ нѫ, входящимъ въ образованіе шестаго разряда глаголовъ, сообщается дѣйствію, заключающемуся въ корнѣ, значеніе побуждаемости къ проявленію. Эта побуждаемость представляется нашему сознанію или постоянною, или моментальною, поэтому и глаголы съ суф. нѫ дѣлятся на 2 разряда: 1) такіе, въ которыхъ проявляется дѣйствіе вслѣдствіе постояннаго побужденія, напр. съхнѫ и др. 2) такіе, въ которыхъ проявляется дѣйствіе подъ вліяніемъ моментальнаго побужденія, напр. ринѫ, кинѫ и др.

И такъ, обобщая все сказанное о суф. нѫ приходимъ къ такому заключенію 1) суф. нѫ имѣетъ происхожденіе и значеніе глагольное; 2) онъ находится въ связи съ тѣми корнями, отъ которыхъ образуется слав. глаг. нѫдити; 3) онъ выражаетъ побуждаемость дѣйствія, моментальную или постоянную.

О примѣтахъ ѣ, и, а. Глагольныя примѣты ѣ, и, а, по мнѣнію ученыхъ, ведутъ свое происхожденіе отъ характера aja санскр. глаголовъ X класса. Посредствомъ этой примѣты aja въ санскритѣ образуются глаголы отыменные и т. н. винословные. По мнѣнію Бопп характеръ aja состоитъ изъ двухъ частей: aj+a. Послѣдній зв. a, по его мнѣнію, есть характеръ глаголовъ I разряда. Первая же часть характера — aj образовалась или изъ корня i (идти) или изъ корня ī (желать) посредствомъ подъема (гуна) ī звукомъ a. Характеръ aja въ полной своей формѣ появляется только въ т. наз. специальныхъ*) формахъ глаголовъ санскрит. языка, въ общихъ**) же формахъ онъ является въ фор

*) praesens, 2 futuri и одно perfectum, кот. образуется посредствомъ редупликаціи корня. По отношенію къ слав. яз. специальнымъ формамъ санскр. глаг. соотвѣтствуютъ тѣ, кот. образуются въ слав. яз. изъ основы наст. вр.

**) общимъ формамъ санск. глаг. въ слав. языкѣ соотвѣтствуютъ тѣ, которыя образуются изъ основы неопред. наклоненія.

мы aj. Глаголы съ основнымъ характеромъ aja, по мнѣнію Боппа, распались въ слав. яз. на 5 группъ глаголовъ. Во главѣ онъ ставитъ 1) глаголы въ которыхъ приставка aja въ др.-ц.-сл. яз. принимаютъ форму ае въ специальныхъ формахъ, (напр. дѣла-ае-ть) и форму а въ общихъ (напр. дѣлалъ) 2) Ко второй группѣ относятся глаголы, въ которыхъ приставка aja является въ слав. глаг., въ формѣ ѣе въ специальныхъ формахъ (зелѣн-ѣе-ть) и въ ф. ѣ = ф. aj въ общихъ (зелѣнѣлъ). 3) Къ третьей группѣ относятся глаголы, въ которыхъ приставка aja принимаетъ ф. и въ специальныхъ формахъ (гор-и-ть) и ф. ѣ въ общихъ: горѣлъ. 4) Къ четвертой группѣ относятся глаголы, въ которыхъ приставка aja стягивается въ и въ специальныхъ формахъ (хвал-и-ть) и въ общихъ (хвал-и-лъ). 5) Къ пятому разряду относятся тѣ глаголы, въ которыхъ приставка aja принимаетъ форму е въ спец. формахъ (ор-е-ть) и ф. а въ общихъ (ор-а-лъ).

И такъ мы видимъ, что, по мнѣнію Боппа, характеръ санскр. глаголовъ X класса aja является главнымъ образомъ въ слѣдующихъ видахъ въ слав. языкѣ: 1) ае, 2) ѣе, 3) и, 4) е. Само это разнообразіе суф. въ слав. яз. заставляетъ сомнѣваться въ томъ, что всѣ они могли образоваться изъ одного и того же осн. суф. aja, особенно, если принять во вниманіе значеніе слав. глаг. напр. съ приметою ае и и (бросаеть и брос-и-ть). Кромѣ того есть еще болѣе важное основаніе, которое, дѣйствительно, оправдываетъ наши сомнѣнія. Такъ если мы приравняемъ осн. характеръ aja къ слав. суф. ае или что все равно, aje, то здѣсь обратитъ на себя вниманіе зв. а, который едва ли въ этомъ случаѣ можетъ соотвѣтствовать санск. а, т. к. случаи соотвѣтствія осн. ă слав. зв. а весьма рѣдки. Боппъ, въ оправданіе этого соотвѣтствія, беретъ для сравненія санскритскія, слав. и литов. формы слѣдующаго глагола:

санскритская	славянская	литовская
rôd-aja-mi	рыд-ajoy-ѫ*	raud-óju
rôd-aja-si	рыд-aje-ши	raud-óji
rôd-aja-ti	рыд-aje-ть	raud-ója

* Хот. онъ изображаетъ собственно такъ: рыд-ajѫ-ѫ, употребляя вм. слав. зв. оу — зв. ŭ, а вм. слав. ѫ — зв. ũ. Зв. же ѫ, по его мнѣнію образ. изъ указ. 1 л. м(ъ)

причемъ говоритъ, что первый зв. a въ характерѣ aja въ лит. яз. удлиняется въ ф. ō, а потому лит. зв. ō въ слав. яз. правильно соотвѣтствуетъ слав. a. Далѣе же онъ говоритъ, что въ санск. яз. встрѣчаются глаголы съ суф. aja, въ которыхъ первый зв. a становится долгимъ, если эти глаголы происходятъ отъ именныхъ темъ, заканчивающихся гласнымъ звукомъ. Изъ этого можно вывести то, что Боппъ, вѣроятно намекаетъ на образованіе лит. глаг. vaudóju отъ именной темы (vauda-вода) но въ этомъ случаѣ слѣдовало бы лит. глаг. сопоставлять съ такимъ санск., который также происходитъ отъ именной темы на гласный, иначе соотвѣтствіе представляется неточнымъ, если мы не находимъ соотвѣтствія между санскритск. формою глагола и литовскою, то тѣмъ менѣе оно можетъ имѣть мѣсто между санскрит. и славянскою формами. Еще страннѣе приравниваніе санск. примѣты aja славян. ѣже, т.к. слав. зв. ѣ не можетъ никоимъ образомъ соотвѣтствовать основному ā.

За мнѣніемъ Боппа слѣдуетъ мнѣніе Каткова, который также говоритъ, что наши глаголы III, IV, V и VI формы показываютъ очевидное соотвѣтствіе съ характеромъ X класса санск. глаг. aja; но соотвѣтствіе между характеромъ aja и славян. примѣтою ā онъ объясняетъ иначе, нежели Боппъ, такъ онъ говоритъ, что она образовалась изъ стяженія aja по выпаденіи j, противъ чего нельзя возражать, т.к. въ слав. яз. встрѣчается множество примѣровъ указывающихъ на то, что зв. a можетъ образоваться изъ сложенія двухъ a въ самомъ слав. яз., такъ напр. имамъ изъ имаамъ, добраго изъ добраало.

(Далѣе слѣдуетъ лекція, которая должна быть помѣщена на стр. 84, ст. 20 — стр 88, ст. 7 (мѣсто начинающейся словами: „Звуки входящіе въ образованіе основъ и т.д. помѣщенной во второй разъ).

Если суф. е есть гласный элементъ глагольнаго корня ес-as то имъ опредѣляется только глагольное значеніе корня или темы, къ которымъ онъ присоединяется, но не указывается на отношеніе дѣйствія ко времени, напр. тема бер-е не имѣетъ звуковъ обозначающихъ время, поэтому суф. е могъ появиться и въ тема

Литографія Куручкина, Невскій, 106.

темахъ, образованіе которыхъ обязано уже суффиксамъ, обозначающимъ время, напр. въ прошедшемъ продолженномъ напр. <u>въдѣаше</u>.

Способы образованія основъ настоящаго времени глаголовъ первообразныхъ.

Основы наст. вр. въ глаголахъ первообразныхъ образуются:

1) изъ одного простаго корня. Этотъ древнѣйшій способъ образованія глагольныхъ темъ сохранился въ слав. яз. только въ одномъ глаголѣ <u>юс-мь</u>: здѣсь корень <u>юс</u> и основа <u>юс</u> — тождественны. Сюда же относятся, впрочемъ, еще нѣкоторыя формы, встрѣчающіяся въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности: фор. 3го л. ед. ч. <u>сѧтъ</u> — говоритъ (<u>inquit</u>), (другихъ формъ этого глагола не существуетъ) здѣсь суф. 3го л. мн. ч. сохранился въ первоначальной формѣ; сюда же, по мнѣнію Миклошича, относятся 2 формы 2го л. ед. ч.: <u>обрѣ-си</u> вмѣсто <u>обрѧщеши</u> и форма <u>въста-си</u>, быть можетъ вмѣсто <u>въстад-си</u>; предполагаемъ это на томъ основаніи, что всѣ первоначальные личные суф. присоединяются только къ темамъ, заканчивающимся согласнымъ звукомъ (<u>вѣ(д)-си, да(д)-си</u>), а въ сербскомъ языкѣ глаголъ <u>стати</u> имѣетъ форму <u>аориста</u> — <u>стадох</u>, которая указываетъ на существованіе въ корнѣ его зв. <u>д</u>. Если въ глаголѣ <u>стати</u> дѣйствительно долженъ быть звукъ <u>д</u>, то въ формахъ <u>дѣнѫ</u> и <u>станѫ</u> зв. <u>н</u> стоитъ вмѣсто зв. <u>д</u>, что отчасти подтверждается опять таки формами серб. яз.:

<u>дѣнѫ</u> — серб. <u>дједем</u> и <u>дјенем</u>,
<u>стадох</u> = <u>станем</u>;

это наводитъ на мысль, что звукъ <u>д</u> можетъ замѣняться звукомъ <u>н</u>.

2) Основа наст. вр. образуется изъ корня + суф. е:

<u>зна + е</u> — корень на гласный чистый,
<u>дъм + е</u>, <u>кън + е</u> } корни на носовой гласный звукъ,

мог+е = може } корни на гортанный,
тек+е = тече

вед+е
плет+е } корни на зубной звукъ
вез+е
нес+е

греб+е } корни на губной звукъ
чрп+е

По мнѣнію Миклошича, суф. е въ $1^{\text{мъ}}$ л. ед. ч. и въ $3^{\text{мъ}}$ л. мнч. передъ суф. лицъ, начинающимися съ м или н, усиливается въ о.

Такъ какъ мы признали суф. е за гласный элементъ корня ес, то это усиленіе е въ о можетъ быть объяснено иначе: въ $1^{\text{мъ}}$ л. ед. ч. усиленіе объясняется взамѣнъ утраты гласности на концѣ: вм. вед-е-мь = вед-о-м; въ $3^{\text{мъ}}$ л. мн. чис. суф. есть anti, а не nti, въ глаголѣ же есмь, въ $3^{\text{мъ}}$ л. мн. чис. сѫть начальное е отпало, тоже происходитъ и тогда, когда глаголъ есмь является въ связи съ другимъ глагольнымъ корнемъ:

вед-ес-мь,
вед-ес-ши,
вед-ес-ть,
вед-ес-мъ,
вед-ес-те,
вед-е-ѫть,

такъ какъ с выпадаетъ, когда корень ес становится суф., то въ $3^{\text{мъ}}$ л. мн. ч. суф. ѫть присоединяется прямо къ корню.

Если сравнить церковно-слав. фор. ес-мь съ формами другихъ слав. нарѣчій, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ, то увидимъ, что утрата гласности въ концѣ личнаго суф. замѣняется вставкою гласнаго передъ знакомъ лица м; такъ напр. въ Фрейзингенской рукописи (X вѣка) др. слав. формѣ есмь соотвѣтствуетъ jezem или jezim, чешская форма: jsem, jem,

словацкая ф. som; сербо-лужицкая sym; хорутанскія: sem, sim, sam, sum (изъ этихъ примѣровъ видно, что съ потерею гласности въ концѣ, она появляется въ разныхъ видахъ въ срединѣ слова).

3) Основы наст. вр. образуются изъ корня, видоизмѣненнаго посредствомъ редупликаціи + суф. е: единственнымъ примѣромъ служитъ форма деде-де = деде изъ дед(ѣ)je = дед(ѣ)je; ѣ здѣсь выпалъ подобно тому, какъ оно выпадаетъ напр. въ глаголѣ хощтѣ вм. хотѣ-тѣ при ф. хотѣ-ти

4) Основы наст. вр. образуются изъ корня видоизмѣненнаго ослабленіемъ или усиленіемъ коренного гласнаго звука + суф. е. Ослабленіе коренного гласнаго встрѣчается въ немногихъ глаголахъ, а именно въ 3^{хъ}, образовавшихся изъ корней, заканчивающихся плавнымъ зв. р: мер, тер, пер; изъ нихъ получаются темы: мре, тре, пре через формы мьре, тьре, пьре вмѣсто мере, тере, пере; 1ое л. есть мрѫ вм. мьрѫ, а эта форма вмѣсто мерѫ, въ памятникахъ письменности мы встрѣчаемъ и ф. мерѫ и мьрѫ.

Усиленіе коренного гласнаго зв. происходитъ въ корняхъ съ глухими гласными звуками:

Корень бъ - основа - бие

—— мъ —— —— мыe-

—— кръ —— —— крые

—— плъ —— —— плыe - и пловѫ, послѣдній отъ именной темы плов

5) Основы наст. вр. образуются изъ корня, видоизмѣненнаго вставочными и приставочными звуками - суф. е:

бъ - бѫд-е (здѣсь - вставка, д приставка),

лѧ - лѧже-е

сѧ - сѧд-е

рѧт - рѧшие

рас в.м. рал, отъ основного корня ardh, -рас-т-е; сюда относящаяся м. формы:

дѣ - дѣ́-н-е -
ста - ста-н-е -

Образованіе темъ неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ первообразныхъ.

Основы неопр. накл. глаголовъ первообразныхъ образуются:

1) изъ чистаго корня + суф. ти:

зна + ти,
пѣ + ти;

если корень заканчивается звуками м или н, то получается ѫ и ѧ:

дъм - дѫти,
жьн - жѧ-ти;

корни, заканчивающіеся зубными звуками:

вед - вести,
плет - плес-ти
нес - нес-ти

если корень заканчивается губнымъ звукомъ, то этотъ губной или выпадаетъ, или же между нимъ и суф. ти вставляется с: греб - гре-ти и греб-с-ти,
жив - жи-ти.

2) изъ корня видоизмѣненнаго посредствомъ усиленія коренного гласнаго зв. + суф. ти: кор. ъс прежде всего перешелъ въ основу именную, причемъ ъ усилилось въ оу - оус въ словахъ: оусма, оусмине (кожа, шкура), отъ этого корня, перешедшаго въ тему, образуется тема глагольная оу въ оу-(ти), руно: разути, обути; кор. сън, изъ него образуется тема неопр. накл. слѣдующимъ образомъ: если прибавить суф. ти, ъ долженъ усилиться въ ы - сын-ти, н - выпадаетъ и ы усиливается въ оу: соу-ти, сън-е-ти; корень чьт, усиливаясь принимаетъ форму чит: чи-ти = чит-ти.

3) изъ корня съ плавными звуками р и л, видоизмѣненнаго относительно силы и мѣста коренного гласнаго звука + суф. ти:

Бер-бра-ти, здѣсь е перемѣнило мѣсто и силу; встрѣчаются также формы бъра-ти и бьра-ти, но въ нихъ на ъ и ь слѣдуетъ смотрѣть только какъ на показателей ослабленія кореннаго гласнаго зв., а не какъ на звуки, имѣющіе самостоятельное значеніе гласнаго.

Другой корень - пер - прати, 1е л. въ цер. слав. перѫ (топтать ногами, колотить валькомъ, стирать; отсюда рус. слово - прачка), въ рус. яз. отъ глагола прать 1е л. - пру, но здѣсь наст. вр. подпало подъ аналогію формъ другого глагола отъ того же корня: именно пру - переть кор. пер.; въ слав. же яз. коренное е въ темѣ наст. вр. сохранилось; кол - клати, рус. - колоть; мер - мрѣти, рус. мереть. Въ корняхъ заканчивающихся плавными звуками, коренной гласный е, являясь послѣ плавнаго въ неопр. накл. принимаетъ въ слав. яз. фор. зв. а или ѣ: а - въ тѣхъ случаяхъ, когда коренной гласный е въ основѣ наст. врем. сохранился, а ѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ темѣ наст. вр. е выпадаетъ или ослабѣваетъ. Въ русскомъ яз. нѣтъ основъ неопр. накл., оканчивающихся на ѣ, а только формы на а, или полногласныя: слав. трѣти = рус. тереть; отъ осн. корня berg - праслав. ф. берег, слав. брѣ-ти брѣщи, рус. беречь; отъ кор. sterg - праслав. стерег, слав. стрѣчти - стрѣщи, рус. стеречь. Глаголъ плѣти образовался, вѣроятно, изъ именной темы - плѣва, пот. ч. 1е лицо его плѣвѫ, а рус. фор. полоть изъ именной темы полова, пот. что 1е л. полю, а то было бы пелю, какъ отъ молоть мелю; въ формѣ мелю л смягчается по аналогіи съ другими лицами, и л передаетъ мягкость также и зв. о, гдѣ это допускается предыдущимъ согласнымъ, какъ это видно изъ формы колю, гдѣ смягченія о не допускаетъ зв. к.

Глагольная примѣта ѣ, по мнѣнію Каткова, образовалась изъ основнаго aj, т. е. зв. j соединился съ предыдущимъ a и образовалъ ê = слав. ѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ aj на слав. почвѣ могло образоваться ѣ, но куда дѣвался второй зв. a, объ этомъ Катковъ ничего не говоритъ.

Относительно примѣты и онъ проводитъ ту мысль, что этою примѣтою выражается причинность значенія, напр. слав. форма пои-ти = поj-ити, соотвѣтствующая др.-инд. pāj-aja-ti имѣетъ значеніе: „заставляетъ пить", „поитъ". Но какимъ образомъ зв. и могъ образоваться изъ осн. харак. aja онъ не объясняетъ.

Далѣе Катковъ находитъ тѣсную связь между примѣтою глаголовъ V р. a и примѣтою глаголовъ VI р. ова и говоритъ, что послѣдняя форма произошла изъ aja не черезъ стяженіе двухъ звуковъ a, а черезъ вставку вм. ѣ зв. в. Но тогда въ слав. яз. должна бы была получиться примѣта ава. Катковъ говоритъ далѣе, что зв. о можно относить къ именной темѣ, отъ которой образовался глаголъ, но въ такомъ случаѣ надо опять предположить, что первый звукъ a основной примѣты aja исчезъ или замѣнился зв. о, т. к. въ противномъ случаѣ получилась бы примѣта оава.

Изъ объясненій, предлагаемыхъ Катковымъ для образованія глагольныхъ примѣтъ, самое вѣроятное то, которое касается образованія примѣты a изъ aja посредствомъ стяженія.

Шлейхеръ изъ основнаго aja выводитъ три разряда славянскихъ глаголовъ, а именно:

1) Глаголы съ примѣтою a или глаголы a напр. дѣла-ти отъ дѣл-а-ти, въ которыхъ формы, образующіяся не изъ основы наст. вр. имѣютъ примѣту a, происшедшую изъ стяженія aja (дѣл-а-ѥ). Изъ этого приходится заключить, что въ формахъ, образующихся изъ основы наст. вр., стяженія суф. aja не происходитъ. И такъ мы видимъ, что Шлейхеръ, подобно Бопну, считаетъ ае соотвѣтствующимъ aja.

2) Глаголы съ примѣтою ѣ, имѣющіе два вида:

а) которые ясно выражаютъ свою производность, напр. желт-ѣѥ-ши отъ ѣѥ-aja. На зв. ѣ, по его мнѣнію, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на зв. позднѣйшаго образованія; первоначально здѣсь долженъ былъ стоять зв. е, который потомъ измѣнился въ ѣ. Въ формахъ, происходящихъ не отъ темы наст. вр. примѣта ѥѥ стянулась въ ѣ. Изъ этого мы должны заключить, что ф. желтѥѥ – древнѣе по образованію, нежели желтѣти, но первая въ памятникахъ письменности не встрѣчается.

б) глаголы, въ кот. суф. aja стягивается въ формѣ наст. вр. въ зв. и, а въ формахъ, происходящихъ не отъ основы наст. вр., остается зв. ѣ: напр. въ формѣ 3го л. гор-и-ть, бол-и-ть, отъ бол – больной, горѣлъ, болѣлъ.

3) Глаголы съ примѣтой и, имѣющіе несомнѣнную связь съ санскритскими глаголами X класса, которыми особенно выражается причинность или безусловность дѣйствія, напр. слав. мор-и-ть, mar-aja-ti, сущ. моръ.

Относительно образованія изъ aja примѣты и, Шлейхеръ говоритъ, что его нужно объяснять такимъ образомъ; зв. a перешелъ въ ǐ, т.е. aja = ǐjǐ, подъ вліяніемъ j-та зв. ǐ перешелъ въ ь, ǐjǐ въ ьјь; потомъ изъ ьјь образовался зв. и (aja = ǐjǐ = ьјь = и). Подтвердить фактами этого нельзя, но подобное предположеніе имѣетъ вѣроятность. По мнѣнію Шлейхера суф. aja слѣдуетъ разлагать такимъ образомъ: a + ja: первый зв. a есть ничто иное, какъ тематическій зв. того глагола или имени, отъ котораго образовался глаголъ съ характеромъ aja. Что касается до значенія ja, то по Шлейхеру ja есть суф. довольно часто употребляющійся для образованія основъ, какъ глагольныхъ такъ и именныхъ и имѣющій значеніе мѣстоименное.

Миклошичъ говоритъ, что посредствомъ суф. ѣ образуются отъ именъ глаголы страдательнаго значенія, напр. богатѣ-ти отъ имени богатъ. Подобное же значеніе эта примѣта вноситъ и въ глаголы первообразные, какъ напр. гл. вьзѣти при вьзати

т. е., что глагол вѧзнѫти имеет страдательное значение: быть связанным; слав. же зв. ѣ, по его мнению, произошел из ja, характера IV кл. санск. глаголов. Но для того, чтобы объяснить образование формы неопр. накл. с приметою ѣ и других из нея образующихся глагольных форм, говорит он, необходимо допустить в глагольных основах перестановку, т. е. вѧзѣти из вязу-ти. Аналогию для подобного образования он находит в формах повелительного наклонения, напр. плетѣте из плетj-те; но здесь перестановки зв. je (=ja) в сущности не существует, пот. что тема наст. вр., от которой образуется фор. повел. накл. плете. Нет случаев, когда бы в слав. формах ja переходило в aj; тогда как переход aj в ja доказывается, напр. такими формами: бие-и-те, биja-те.

Далее он говорит, что можно допустить и другое объяснение для образования зв. ѣ, а именно то, что он образуется из тематического е посредством усиления, а этот зв. е, говорит он, надо возводить к основному а.

Относительно глаголов с приметою и он говорит, что они по значению своему имеют связь с глаголами aja, пот. что как те, так и другие образуются преимущественно от имен и могут выражать причинности действия. Переход а в и Миклошич в данном случае объясняет тем, что а следует относить к теме, а и образуется из ja. Но в таком случае этот основной j, соединяясь с предшествующими согласными, видоизменял бы их в небные звуки, чего однако же мы не видим, мы имеем глаголы сѫдити, а не сѫждити, вѫпити, а не вѫплити.

Для подтверждения справедливости своего предположения, Миклошич допускает предположение, что гортанные подчинились влиянию j-та суф. ja раньше, нежели зубные. Но когда же это было?

Примета а, по его мнению, образовалась из aja посредством стяжения. Посредством ея образуются глаголы как отчи-

минные, такъ и отглагольные. Послѣдніе выражаютъ большую интенсивность дѣйствія (равняясь какъ бы нашему многократному виду, напр. кашивати).

Наконецъ суф. -ова, по мнѣнію Миклошича, образовался изъ оу+а посредствомъ перехода основ. тематическаго а въ ъ и усиленія послѣдняго, зв. же а остается въ своей первоначальной формѣ, какъ участвующій въ образованіи формъ глаголовъ другихъ разрядовъ.

Можетъ быть славянскія примѣты ѣ, и и а имѣютъ генетическую связь съ характеромъ aja глаголовъ X класса, но утверждать, что всѣ славянскіе глаголы, обнаруживающіе въ себѣ присутствіе этихъ примѣтъ, вели происхожденіе этихъ послѣднихъ отъ одного и того же характера aja — весьма трудно. Есть глаголы которые въ своемъ спряженіи обнаруживаютъ 2 примѣты, а и и, но ни та ни другая не можетъ быть произведена изъ aja, пот. что напр. слав. форма сън-и-ши совершенно соотвѣтствуетъ санск. гл. svap-i-ti, въ которой зв. i долженъ бы былъ на слав. почвѣ явиться въ ф. зв. ь, но этотъ ь подъ удареніемъ перешелъ въ и.

Въ формахъ отъ неопр. накл. зв. а также нельзя выводить изъ aja, пот. что если сравнимъ слав. кор. сън съ санск. svap, то увидимъ, что санск. зв. v образовался изъ ŭ = сл. ъ; зв. же а вслѣдствіе перестановки, усилившись, удержался въ слав. формѣ сън-а-ти.

Что касается до слав. примѣты а, то относительно ея образованія изъ aja посредствомъ стяженія можно согласиться, но относительно глаголовъ съ примѣтами ѣ и и можно допустить и другое предположеніе, а именно что большая часть глаголовъ съ примѣтою ѣ и всѣ глаголы съ постоянною примѣтою и образовались не изъ характера aja, а другимъ путемъ.

Проф. Некрасовъ думаетъ, что довольно трудно доказать напр. что въ глаголѣ владѣти ѣ образовалось изъ aja, а не принадлежитъ глагольному корню дѣ: рус. форма володѣти

ясно указываетъ на сложность образованія этого глагола, т.е. что онъ образовался изъ вол(о) + дѣти, т.е. кор. вол изъ вел соотвѣтствуетъ основному к. var „хотѣть, желать." Глаголъ владѣти имѣетъ такую же связь съ глаголомъ волити какую глаголъ печатьлѣти съ глаголомъ печатити, первоначальное значеніе которыхъ одинаково: signare. Что же касается до зв. л, то, по его мнѣнію, можно предположить, что —

1) если онъ не принадлежитъ темѣ, которая бы заканчивалась слогомъ лъ, ла, ло (какъ напр. возможная, но не существующая форма печата-ло по аналогіи съ фор. орало), то можетъ быть зв. л замѣнилъ собою зв. д. вотъ производитъ слав. причастія на лъ отъ санск. на ta черезъ персидскія на de, сравнивая слав. фор. былъ съ санск. bhûtas и персидской bûde-h; но это не есть подтвержденіе предположенія, а косвенное указаніе на существованіе связи между зв. д и л.

2) Можетъ быть, что здѣсь зв. л замѣнилъ зв. р, если только можно видѣть нѣкоторое указаніе на это въ польскихъ формахъ: pieczątkarz, pieczęciarz и pieczętarz, которыя, если переписать по др. слав., то получится: печатькарь, печатарь; въ нихъ важны окончанія: если суф. -арь замѣняетъ собою окончаніе — карь, то, допустивъ выпаденіе согласнаго к, онъ могъ утратить и гласный слѣдующій за нимъ а. Окончаніе же кар(ь), вѣроятно, образовалось изъ осн. kar (что значитъ дѣлать). Въ такомъ случаѣ зв. л въ глаголѣ печатьлѣти могъ стать на мѣсто зв. р. Если это такъ, то слогъ лѣ имѣлъ бы значеніе соотвѣтствующее значенію корня дѣ (т.е. печатати = печать дѣлати)

3) Наконецъ можно предположить, что глаг. печатьлѣти сложный - изъ печать - лѣти, т.е. печать лѣпити, откуда форма печатьлѣхъ, (печать лью).

Какъ бы то ни было, глаголъ впечатьлѣти представляется образовавшимся изъ двухъ основъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ знаменательное значеніе: вторая половина этого глагола — лѣ

по всей вѣроятности, глагольнаго происхожденія.

Приведенный выше глаголъ вла<u>дѣти</u> представляетъ собою примѣръ, въ которомъ слогъ <u>дѣ</u> является суф., сохранившимъ полную форму глагольнаго корня (<u>дѣ</u> = <u>dhā</u>). Во многихъ другихъ глаголахъ, удерживающихъ во всемъ спряженіи зв. <u>ѣ</u>, зв. <u>д</u> отбрасывается; такъ напр., <u>говѣѭ</u>, <u>говѣеши</u>, <u>говѣти</u> какъ бы вм. <u>гов-д-ѣ-ти</u>; <u>довлѣѭ</u>, <u>довлѣеши</u>, <u>довлѣти</u> вм. <u>довол-д-ѣти</u> отъ темы существительнаго <u>доволъ</u>. (При этомъ глаголѣ <u>довлѣти</u> существуетъ форма <u>довлитися</u>, <u>довлѭся</u>, <u>довлишися</u>, а съ опущеніемъ зв. <u>ѣ</u>: <u>довлѭ</u>, <u>довлиши</u> и пр.). Затѣмъ глаголъ <u>имѣти</u> отъ темы существительнаго <u>имъ</u> (въ ф. <u>за-имъ</u>) какъ бы вм. <u>им-д-ѣ-ти</u>; <u>оу-мѣ-ти</u> — <u>оум-д-ѣ-ти</u>; <u>одолѣти</u> — <u>одол-ѣ-ти</u> и др. (<u>о-долъ-дѣ-ти</u> — на землю полагать, низвергать)

Посредствующею связью между этими глаголами и глаголами съ постояннымъ примѣтою <u>и</u> служатъ тѣ, которые удерживаютъ въ основѣ неопр. накл. зв. <u>ѣ</u>. Первообразомъ ихъ можно считать глаг. <u>вѣдѣти</u>, который имѣетъ несомнѣнную этимологическую связь съ глаг. <u>видѣти</u>. Къ такимъ глаголамъ относятся напр. глаголы: <u>блещѫ</u>, <u>блещиши</u>, <u>блещати</u>; <u>велѭ</u>, <u>велиши</u>, <u>велѣти</u>; <u>бѣжѫ</u>, <u>бѣжиши</u>, <u>бѣжати</u> вм. <u>бѣжѣти</u>; <u>зрѭ</u>, <u>зриши</u>, <u>зрѣти</u> и др.

Глаголы съ постоянною примѣтою <u>и</u> всѣ образуются отъ темъ именныхъ, слѣдовательно, суть глаголы отъименные. Кромѣ того нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ т. наз. винословное значеніе, напр., <u>поити</u>, <u>морити</u>, <u>кръмити</u> и др. Это послѣднее обстоятельство особенно побуждаетъ къ тому, чтобы признать примѣту <u>и</u> въ этихъ глаголахъ соотвѣтствующею не только по значенію, но и по происхожденію санск. характеру <u>aja</u>, посредствомъ котораго въ санскритѣ образуются винословные и отъименные глаголы X класса. Дѣйствительно трудно отрицать соотвѣтствіе между славянскою примѣтою <u>и</u> и санск. характеромъ <u>aja</u> въ виду формъ 3го л.

слав. просить и санскр. paç-aja-ti; будд-и-ть - bodh'-aja-ti.
Но принимая во вниманіе, что суф. aja по Бопу разлага-
ется на aj+a, а по Шлейхеру - на a+ja и что последній
второй зв. a исчезает въ т.н. 10-ой форме санскр. спря-
женія, полное соответствіе между слав. приметою и и
характером aja подвергается сильному сомненію.

Проф. Некрасовъ полагаетъ, что примета и выработа-
лась въ слав. глаг. изъ основ. корня dha, dhi на основаніи сле-
дующихъ соображеній:

1) Въ памятникахъ слав. письменности нерѣдко встрѣ-
чаются выраженія, состоящія изъ имени и глагола дѣти, дѣя-
ти, чередующіяся съ глаголами, имѣющими постоянную
примету и напр. любы дѣяти = любити, ловъ дѣяти =
ловити (поуч. Влад. Мономаха) замѣтимъ милъ сѧ дѣти =
милитисѧ. Эти и другія подобныя имъ выраженія пока-
зываютъ, что примета и имѣетъ тоже значеніе, какое
глаголъ дѣти съ существительнымъ, поставленнымъ въ ви-
нительномъ падежѣ.

2) Глаголъ сѫдити почти всѣми учеными разлагается
на сѫ (= осн. sam, слав. сѫ) + ди (= осн. dhā) + ти (соединять раз-
личныя представленія или понятія о предметахъ) изъ чего ясно,
что ф. дѣ = осн. dhā, можетъ измѣняться въ ди. Подобнымъ
же путемъ образовались глаголы нѫдити, мѫдити, рѫдити,
въ которыхъ носовые звуки образовались изъ соединенія гласныхъ
коренныхъ съ такими носовыми согласными, которые замѣ-
нили собою основ. звукъ д передъ другимъ д, принадлежащимъ
основному корню dhā: нѫдити (отъ осн. кор. nud = слав. нѫд) =
нън+ди+ти; мѫдити (отъ осн. корня mud или mad = слав.
мѫд) = мън+ди+ти (медлить, пот. что весело); рѫдити (отъ
осн. корня rad = слав. рѫд) = рън+ди+ти. (заставлять бывать).

3) Глаголъ мол-и-ти = серб. молити, хорут. moliti
имѣетъ кромѣ того въ хорутанскомъ языкѣ еще замѣчатель-
ную для насъ форму moledovati (умолять), а др. хорут. форма

его modliti (встрѣчающаяся въ памятникахъ X в.), соотвѣтствующая чешск. modliti; польск. modlić. Существительная чешская — modla, польская — modla = лит. malda (слав. молитва). Если отбросить суф. a, то имѣемъ кор. meld, который является въ глаголѣ melsti вм. meldti: отсюда очевидно, что кор. meld, сложенный изъ mel+д.

Очевидно, что лит. формѣ malda соотвѣтствовала бы слав. ф. молда, откуда производный глаголъ мол-ди-ти(ся)-рус. молить(ся) и чешск. молить(ся). Извѣстно, что плавные звуки л или р не любятъ непосредственно соединяться со слѣдующими нѣмыми согласными, во избѣжаніе чего славянскіе языки и раздѣлились: одни прибѣгли къ перестановкѣ, а другіе выбросили совсѣмъ нѣмой зв. д. Отсюда видно, что ди въ качествѣ суф. можетъ отбрасывать зв. д.

Изъ вышесказанныхъ трехъ соображеній видно, что суф. дѣ = осн. dhā, можетъ измѣняться въ форму ди и наконецъ въ фор. и.

4) Если вѣрно сопоставленіе ведической формы daddhīyadbhagat со слав. „даждь богъ", въ которой опущенъ существительное bhagat, слав. форма даждь образовалась изъ daddhīyat такимъ образомъ: слав. dad (=осн. dad) + и (вм. осн. dhi) и (=осн. yat(d)) = dad+j+и = даждь, то глагольная примѣта и = осн. dhā, можетъ сокращаться въ j.

Такимъ образомъ мы видимъ, что изъ осн. корня dhā въ слав. яз. возможны слѣд. формы: дѣ, ди, ѣ, и, j; послѣдняя j - можетъ наконецъ совсѣмъ исчезать.

Принимая это во вниманіе мы можемъ допустить, что j въ характерѣ aja могъ образоваться не только изъ i - идти или ī - желать, но и изъ корня: dhā (dhi, hi, j).

Далѣе утрата зв. д въ славянскомъ корнѣ дѣ или ди въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть отнесена ко временамъ доисторическимъ, пот. что въ самомъ санскритѣ отъ корня dhā форма причастія прошедшаго времени страдательнаго залога

есть hita вм. dhita, которая, если ее перевести на слав. почву, получитъ фор. итъ, т. к. въ слав. яз. предыхательныхъ звуковъ нѣтъ, а осн. i = слав. ѣ подъ удареніемъ принимаетъ форму зв. и. Обративъ суф. причастія тъ, получимъ и. Но есть глаголы съ постоянною примѣтою ѣ, образующіеся изъ тѣхъ именъ прилагательныхъ, гдѣ эта примѣта ѣ, по всей вѣроятности, имѣетъ одинаковое происхожденіе со зв. ѣ, находящимся въ суф. сравнительной степени ѣи, ѣиши, ѣи. Къ такимъ глаголамъ относятся напр. желтѣти, желтѣхъ, желтѣнии и др. имъ подобные. Этотъ зв. ѣ можетъ имѣть связь съ тою частью характера aja, которая остается во всѣхъ формахъ спряженія глагола, стало быть, должна соотвѣтствовать aj, которое можетъ происходить отъ к. i (итти).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что примѣты слав. глаголовъ ѣ и и могли образоваться изъ основ. корня dhā. Что касается примѣты а (глаголовъ V и VI кл.) то, можетъ быть, она образовалась посредствомъ стяженія aja, а, можетъ быть, этотъ зв. а есть тотъ гласный элементъ, которымъ начинаются многіе санскритскіе корни, обозначающіе движеніе напр. ak, ag, ang, ath, at - идти. Становясь суф. зв. а утратилъ согласные элементы корня, взамѣнъ чего могъ усилиться и перейти на слав. почву въ видѣ а и въ качествѣ примѣты, выражающей движеніе.

Между примѣтами ѣ, и и а и примѣтами характеризуемыми зв. н, главнѣйшее значеніе имѣютъ примѣты н, и, а; примѣта же обозначаемая характеромъ ѣ можетъ относить глаголы къ разряду глаголовъ или съ примѣтою и или съ примѣтою а. Каково же значеніе этихъ всѣхъ примѣтъ?

Значеніе ихъ можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: примѣтою н выражается побуждаемость дѣйствія, т. е. дѣйствіе представляется проявляющимся вслѣдствіе побужденія.

Приметка и выражаетъ совершаемость дѣйствія, т.е. что дѣйствіе представляется подъ условіемъ совершенія или проявленія его на предметъ. Наконецъ примѣткою а выражается продолжаемость дѣйствія т.е. что дѣйствіе представляется подъ условіемъ движенія.

Между указанными 3-мя примѣтками слав. языки пользуются двумя изъ нихъ, а именно примѣткою, характеризуемою зв. н и примѣткою а для образованія такихъ глагольныхъ основъ, которыми обозначаются разныя степени продолжительности дѣйствія. Особенно пользуются этими примѣтками для образованія основъ, обозначающихъ разныя степени продолжаемости, языки русскій и чешскій. Так примѣткою со звукомъ н эти языки пользуются для выраженія низшей степени продолжаемости, краткости, быстроты и мгновенности дѣйствія, примѣткою же со зв. а для образованія глагольныхъ основъ, выражающихъ силу, энергію и медленность его проявленія.

Такимъ образомъ славянскіе глаголы могутъ имѣть 3 формы для обозначенія степеней дѣйствія, а именно

1) первая обозначаетъ представленіе о дѣйствіи неопредѣленномъ по отношенію къ его продолжительности. Эта форма принадлежитъ каждому глаголу, относящемуся къ одному изъ 6 разрядовъ. Она наз. формою неопредѣленной продолжительности

2) Вторая, имѣющая н. н, обозначаетъ представленіе о дѣйствіи, проявляющемся мгновенно или быстро, т.е. такая форма, кая обозначаетъ собою низшую степень продолжительности. Она наз. формою Краткой степени.

3) Третья есть та, посредствомъ кой обозначается представленіе о дѣйствіи, проявляющемся кратно или медленно. Она наз. формою Кратной степени.

Понятно, что не всѣ глаголы могутъ имѣть всѣ эти три формы, потому что не всякое дѣйствіе

можетъ представляться и краткимъ и кратнымъ, какъ напр. глаголы видѣть, слышать, умѣть не могутъ представляться для лица говорящаго дѣйствіемъ проявляющимся мгновенно, почему они и не имѣютъ 2-ой степени. Также есть глаголы, дѣйствіе которыхъ не можетъ проявляться кратно, напр. желтѣть, чернѣть, бѣлѣть.

Вторая форма образуется отъ глаголовъ, относящихся къ V клас., измѣняя примѣту а на ну въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія, напр. бодать – боднуть, кидать – кинуть и др.

Есть однакоже глаголы, относящіеся къ IV и III кл., которые также допускаютъ образованіе краткой формы, напр. давить – давнуть, вертѣть – вернуть, дрожать – дрогнуть, молчать – молкнуть и др. Кромѣ того встрѣчаются формы краткой степени и отъ глаголовъ I разряда, отличающіеся полногласіемъ въ русскомъ языкѣ, напр. колоть – кольнуть.

Третья форма образуется собственно только изъ основъ глаголовъ V класса, распространяя эти послѣднія суффиксомъ а, который отдѣляется отъ тематическаго а звукомъ в, причемъ тематическій зв. а видоизмѣняется въ рус. языкѣ въ зв. ы послѣ твердыхъ согласныхъ или въ зв. и послѣ гортанныхъ или смягченныхъ согласныхъ, а удареніе переносится на тотъ гласный звукъ, который находится въ корнѣ глагола, какъ напр. кида́ть – ки́дывать, броса́ть – бра́сывать, чита́ть – чи́тывать и др. Иногда коренной гласный зв., способный къ усиленію, усиливается. Форма кратной степени можетъ принадлежать и глаголамъ другихъ классовъ, но подъ слѣдующимъ условіемъ: къ какому бы классу (I, III, IV) глаголъ ни относился, основа его должна принять прежде форму основы глаголовъ V кл., которая въ рус. яз. рѣдко употребляется. Если глаголъ принадлежитъ къ I кл., то форма кратной степени образуется или послѣ того, какъ основа этого глагола приняла форму основы глаголовъ V кл., или остается при формѣ основы V кл.; напр.: для того, чтобы отъ глагола чести (отъ к. чьт) образовать основу формы кратной степени, нужно чтобы основа эта перешла въ основу глаголовъ V класса. Въ такомъ случаѣ коренной зв. ь протянется въ и, и мы получимъ основу чита-, отъ которой основа формы кратной степени будетъ чита-а. Между двумя а появляется зв. в, тема-

Автографія Курочкина, Невскій, 106.

тическое а переходитъ въ ы, и получается форма кратной степени читывать (въ чешскомъ яз. тематическое а не измѣняется: čítávati). Такимъ же путемъ образуется ф. кратной степени отъ глагола быть: быть — бывать — бывывать, отъ глагола дать: дать, давать, давывать и др.

Но есть другой случай образования формъ кратной степени, а именно: иногда основы глаголовъ I кл., переходя въ основы глаголовъ V кл., получаютъ въ рѣчи прямо значение кратной степени (напр. брать — бирать, пить — пивать). Это видно изъ того, что эти глаголы могутъ принимать также и форму кратной степени, напр.: бирать — бирывать, пивать — пивывать (эти формы встрѣчаются въ др. рус. яз., который, какъ видно по памятникамъ, гораздо свободнѣе образовалъ формы многократной степени, чѣмъ книжный. Тоже было и въ народной рѣчи. Такъ напр. въ духовн. стихахъ встрѣчается: „кладывали душеньку на золоту мису", „крошечки собирывали" и даже въ настоящемъ времени: „крошечки подбирываютъ". Это произошло отъ того, что примѣта а, сдѣлавшись, такъ сказать, исходнымъ пунктомъ для выражения продолжительности дѣйствия, сама въ языкѣ получила значение суффикса степени. Представление о продолжительности, соединенное съ формою глаголовъ извѣстнаго разряда (I, III, IV) при переходѣ въ V разрядъ глаголовъ, получаетъ какъ бы новый + продолжительности; напр. форма брать, имѣющая сама по себѣ значение продолжительности, переходя въ форму глаголовъ V кл., прибавляетъ для представления, какъ бы новый + продолжительности.

Относительно глаголовъ III и IV р. надо замѣтить, что для образования основы кратной степени въ этихъ глаголахъ необходимо должна быть [д. пройти для получения формы кратн. степени продолжительности. Эта основа V кл., через которую] форма и основа V кл., черезъ которую они (проходятъ, въ рус. яз. большею частью не употребляется. Напр. для того, чтобы образовать форму кратной степени отъ глагола сидѣть, надо, чтобы тема его перешла черезъ тему V кл.: сидѣ + а = сидя + а (ѣ подъ влияниемъ а ассимилируется ему). Оба а соединяются въ одинъ зв. а, а dj переходитъ въ ж, откуда тема сижа (эта тема въ рус. яз. не употребляется), отъ которой уже и образуется форма кратной степени сиживать. Отъ глагола молчать (вм. молкѣть) — малчивать. Въ глаголахъ IV р. видимъ тоже самое; напр. отъ водить тема вожа* изъ води + а, откуда важивать.

* Эта тема въ рус. яз. употребляется только въ производныхъ фор., напр. вожалый

Слѣдовательно, мы приходимъ къ такому заключенію, что формы кратной степени образуются изъ основъ глаголовъ V р. (если же онѣ образуются изъ основъ глаголовъ I, III, IV р., то эти глаголы должны прежде всего пройти черезъ основы ф. глаголовъ V р. для образованія кратной степени, причемъ глаголы I р., какъ мы уже видѣли, дѣлаютъ отступленія. Образованіе формъ основъ, обозначающихъ собою различныя степени дѣйствія, принадлежитъ, по всей вѣроятности, позднѣйшему періоду развитія слав. языковъ. Это видно изъ того, что не всѣ слав. яз. представляютъ одинаковое развитіе степеней (наибольшее чешскій и русскій). Въ др. цер.-сл. яз. весьма часто встрѣчаются формы съ суф. НѪ, т. е. формы, относящіяся къ разряду формъ кратной степени, между тѣмъ какъ формы кратной степени въ слав. яз. встрѣчаются очень рѣдко. Тѣмъ не менѣе онѣ попадаются въ весьма древнихъ памятникахъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что задатки къ образованію формъ, обозначающихъ различныя степени дѣйствія, принадлежали искони слав. яз.) Такъ напр. въ Остромировомъ Евангеліи встрѣчаются замѣчательныя формы: отвѣщавати, отвѣщаваше, отвѣщаваааше. Особенно важна ф. отвѣщаваеши, такъ какъ въ нашемъ рус. книж. яз. форма кратной степени никогда не употребляется въ наст. времени, хотя въ народномъ яз. формы кратной степени въ наст. времени встрѣчаются. Вышеуказанныя три формы замѣчательны еще въ томъ отношеніи, что въ др. ц. сл. языкѣ тематическій гласный а остается въ нихъ безъ измѣненія, между тѣмъ какъ въ рус. яз. онъ измѣняется.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что формы степеней дѣйствія свойственны языкамъ слав. племени, что большее развитіе этихъ формъ является въ яз. чешск. и рус., далѣе, что примѣта а, какъ исходный пунктъ для обозначенія степеней продолжительности въ нѣкоторыхъ глаголахъ, сама получаетъ значеніе суф. степени; кромѣ того если отъ одного и того же корня образуются двѣ формы, относящія одинъ и тотъ же глаголъ къ 2-мъ различнымъ классамъ, то примѣта а преимущественно передъ другими выражаетъ собою представленіе продолжительности, вслѣдствіе чего нерѣдко глаголы одного класса относятся къ глаголамъ другаго класса, какъ форма одной степени къ формѣ другой степени (бросить - бросать); формы слыхать, видать употребляются въ яз. съ значеніемъ большей продолжительности

нением формы <u>слышать</u>, <u>видѣть</u>. Вслѣдствіе этого произошло смѣшеніе въ теоріи видовъ различныхъ глагольныхъ разрядовъ между собою; такъ напр. глаголъ <u>вести</u> стали относить къ виду неопредѣленному, а <u>водить</u> — къ виду опредѣленному, между тѣмъ какъ въ сущности эти два глагола не имѣютъ даже непосредственной этимологической связи между собой, точно также, какъ глаг. <u>катить</u> и <u>катать</u>: гл. <u>катать</u> имѣетъ фор.: <u>катнуть</u> и <u>катывать</u>; а <u>катить</u> имѣетъ одну ф.: <u>качивать</u>. Слѣдовательно, глаголы <u>катать</u> и <u>катить</u> собственно выражаютъ одни и тѣже степени продолжительности, но такъ какъ съ теченіемъ времени языкъ сталъ болѣе и болѣе диференцировать глагольныя примѣты по отношенію къ степенямъ продолжительности дѣйствія, то въ живомъ употребленіи языка начали относиться глаголы различныхъ классовъ но одного и т. же корня къ различнымъ степенямъ дѣйствія.

<u>Образованіе именныхъ основъ.</u>

Образованіе именныхъ основъ въ языкѣ обусловливается непремѣннымъ соединеніемъ корня или основы съ суф. Въ слав. яз. нѣтъ ни одной именной темы, которая бы совпадала съ корнемъ, какъ мы это видѣли въ основѣ <u>же</u> — глаг. <u>жечь</u>, поэтому каждая основа въ слав. яз. можетъ быть разсматриваема, какъ сумма двухъ органически слагаемыхъ морфологическихъ величинъ, изъ которыхъ одна представляетъ корень или основу, а другая — суффиксъ. Если именная основа образуется изъ корня или глагольной основы, то она получаетъ значеніе <u>первичной основы</u>; если же она образуется изъ другой именной основы, то получаетъ значеніе <u>вторичной основы</u>. Значеніемъ основъ опредѣляется и значеніе суф., т. е. тѣ суффиксы, помощью которыхъ образуются ~~вторичныя~~ первичныя основы (наз. первичными, а съ помощью которыхъ образуются вторичныя основы, наз. вторичными.) Отсюда понятно, что если одинъ и тотъ же суф. служитъ къ образованію какъ первичной, такъ и вторичной основы, то онъ можетъ быть и <u>первичнымъ</u> и <u>вторичнымъ</u>. Несмотря на эту однако зависимость значенія суф. отъ значенія основъ, ученіе объ образованіи именныхъ основъ въ сущности есть ученіе объ именныхъ суф., пот. что если простѣйшая форма именной основы есть соединеніе корня съ суф., то понятно, что вся сила образованія основы почиется на суффиксѣ.

Число суф., посредствомъ которыхъ образуются именныя темы въ языкахъ слав. племени въ сочиненіи Миклошича: „<u>Vergleichende Grammatik</u>

der Slavischen Sprachen. Zweiter Band. Stammbildungslehre" простирается до 185, но самъ авторъ во введеніи къ своему труду говоритъ, что число это было гораздо меньше, еслибы онъ поставилъ себѣ задачей возводить каждый суф. къ его первоначальной формѣ, и представляетъ нѣсколько примѣровъ возможнаго сокращенія числа суф.; напр. суф. -търъ (бра-търъ), -тер (матер), -тель (блюс-тель), -тель (дѣ-тель) -тырь (пастырь) могутъ быть возведены къ первоначальной ихъ формѣ др.-инд. суф. tr или правильнѣе -tar. По звуковой формѣ суф. дѣлятся главнымъ образомъ на 2 разряда: 1) суф., состоящіе изъ гласныхъ и 2) суф., состоящіе изъ сочетанія гласныхъ съ согласными. Послѣдній разрядъ Миклошичъ подраздѣляетъ на 6 видовъ:

Къ I^ому относятся тѣ суф., въ которыхъ участвуютъ звуки плавные р, л, н.

Къ II^ому относятся тѣ суф., въ которыхъ участвуютъ зубные мгновенные т и д.

Къ III^ему относятся тѣ суф., въ которыхъ участвуютъ зв. губные п, б, в и м.

Къ IV^ому относятся тѣ суф., въ которыхъ участвуютъ зв. гортанные к, г, х.

Къ V^ому относятся тѣ суф., въ которыхъ участвуютъ свистящіе ц, з и с.

Къ VI^ому относятся тѣ суф., въ которыхъ участвуютъ зв. шипящіе ж, ч и ш.

Суф. I и II раз. могутъ быть простыми и сложными. Простыми называются тѣ, которые будучи возведены къ своей первоначальной основной формѣ, представляютъ собой одинъ корень мѣстоименнаго или глагольнаго значенія и по своему образованію относятся къ корнямъ первичнаго или вторичнаго образованія; такъ слав. суф. ъ, о, а возводятся къ одному мѣстоименному основному корню а; суф. тъ, нъ, тръ - или къ мѣстоим. корню или темѣ ta и na, или къ простому корню tar. Сложными суф. называются тѣ, которые будучи возведены къ своей первоначальной фор., представляютъ соединеніе нѣсколькихъ корней мѣстоим. или глагольн. значенія; напр. суф. -чіи (обычаи вм. обычьіи), -ціи (бал-ціи), -всъ (мужь-всъ), -ство (трые-ство) и др. представляютъ собою, очевидно, соединеніе нѣсколькихъ простыхъ корней. Указать, изъ какихъ собственно основныхъ простыхъ корней состоятъ сложные суф., во многихъ случаяхъ представляется дѣломъ весьма труднымъ — такъ органически сливаются между собою простые суф. въ сложные.

Между суф., состоящими изъ гласныхъ, первое мѣсто принадлежитъ суф. ъ (для муж. р., о — для сред. и а для жен.), который можетъ быть и первичнымъ и вторичнымъ. При образованіи основъ первообразныхъ изъ корней посредствомъ суф. ъ (о, а), языкъ наблюдаетъ различеніе между корнями открытыми и закрытыми, т. е. между корнями, оканчивающимися гласными и корнями, заканчивающимися согласными. Если именная основа образуется посредствомъ даннаго суф. (ъ) изъ корней открытыхъ, то происходятъ слѣдующія явленія:

1) гласный коренной зв. можетъ, подчинившись вліянію суф. ъ, видоизмѣнить свою форму, усилившись подъемомъ или протяженіемъ.

2) Если коренной гласный усиливается посредствомъ подъема, то начать слав. дифтонга, кот. соотвѣтствуетъ основ. і или и можетъ видоизмѣняться передъ суф. ъ (о, а) или въ зв. j или въ зв. в. Такимъ образомъ языкъ въ этомъ случаѣ избѣгаетъ зіянія между гласнымъ зв. темы и суф. ъ. Если же глас. зв. въ корнѣ остается безъ измѣненія, то для избѣжанія зіянія вставляются зв. j, в и иногда г. Такъ отъ кор. бы образуется именная основа бои посредствомъ подъема зв. и зв. о, причемъ и передъ суф. ъ переходитъ въ j, а j+ъ = ь, кот. послѣ гласныхъ принимаетъ форму зв. и.

Миклошичъ полагаетъ, что въ этомъ случаѣ конечное и равно j-ту, а ъ отпадаетъ. Съ этимъ трудно согласиться на томъ основаніи, что слав. яз. по общему закону образованія своихъ формъ избѣгаетъ согласныхъ окончаній, а j относится къ звукамъ согласнымъ. Подобнымъ же образомъ происходятъ формы напр. гои (изгои), вои (навои), лои (налои) и др.

Теперь если мы возьмемъ корни со зв. ъ, напр. слъ, то отъ него посредствомъ суф. суф. о образуется ф. слово такимъ образомъ: коренной гласный ъ усиливается въ дифтонгъ оу, кот. передъ глас. зв. принимаетъ форму ов. Что же касается до такихъ формъ, какъ напр., отрава при ф. отровъ, слава при ф. слово отъ корня слъ, въ кот. видимъ подъемъ 2^а^ степени, то, кажется, вѣрнѣе производить эти формы отъ темъ неопр. наклоненія.

Второй случай образованія формъ отъ корней происходитъ безъ измѣненія кореннаго гласнаго. Такъ напр. отъ кор. ба = санскр. bhā (сіять, свѣтить, говорить) образуется именная тема баи (употреблявшаяся у насъ въ сложен. Краснобаи) черезъ присоединеніе суф. ъ къ кор. ба, причемъ между

ними вставляется j; тогда ва+j+ѣ будетъ равняться ваб, а ѣ послѣ гласныхъ переходитъ въ и. Отъ того же кор. ва образуются формы: вава, оваѵ (обаяние, очарование). Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ для избѣжанія зіянія вставляется зв. в. Въ формѣ строуга (вм. строуа) вставляется для этой же цѣли зв. г.

Къ первичнымъ же основамъ принадлежатъ и тѣ основы, образованные посредствомъ суф. ѣ, которые происходятъ отъ тем глагольных; напр. отъ води — вождь; отъ капи (въ глаг. капи-ти) - капля и др.

Въ корняхъ закрытыхъ могутъ происходить съ коренными глас. звук. тѣже измѣненія, т. е. коренной гласный можетъ подвергаться усиленію, но можетъ оставаться и безъ усиленія. Такъ напр. зв. ѣ въ корнѣ при образованіи именной темы остается безъ измѣненій или измѣняется въ ѣ и и: отъ кор. чьт - счьтъ; отъ кор. свѣт - свѣтъ; отъ кор. льк - лѣкъ (въ словѣ отълѣкъ, что значитъ „останки") отъ кор. мьг - мигъ.

Звукъ ъ при образованіи именной темы или остается безъ измѣненія, какъ напр. въ словѣ посълъ отъ кор. съл или измѣняется въ зв. оу, какъ въ словѣ пагоуба отъ к. гъб, или въ зв. ъі, какъ въ словѣ къш (палка) отъ корня къ.

Звукъ е при образованіи именныхъ темъ или остается безъ измѣненія, какъ напр. въ словѣ предметъ отъ к. мет въ словѣ обѣдъ; обѣдъ, вм. овѣдъ (кольцо) или усиливается въ зв. о, какъ это видимъ въ тѣхъ же формахъ ободъ и обводъ.

Звукъ о въ корнѣ остается безъ измѣненій

Звукъ ѣ въ корнѣ остается безъ измѣненія или измѣняется въ зв. а, напр. отъ корня сѣд — (сѣ)сѣдъ и отъ того же корня садъ (planta, растеніе); отъ к. лѣз - ф. сълѣзъ (сношеніе) и лазъ (latibulum, укромное мѣсто).

Звукъ а въ корнѣ остается безъ измѣненія.

Звукъ ѧ въ корнѣ остается или безъ измѣненія, какъ напр. въ словѣ присѧга отъ кор. сѧг, въ словѣ плѧсъ отъ корня плѧс - и др. или усиливается въ ѫ, какъ напр. сѫпрѫгъ отъ кор. прѧг, трѫсъ отъ кор. трѧс.

Звукъ ѫ въ корнѣ остается безъ измѣненія; такъ отъ корня зѫб - фор. зѫбъ.

До сихъ поръ мы говорили о суф. ъ имѣющемъ первичное значеніе.

Теперь перейдемъ къ суф. ъ, имѣющему вторичное значеніе. Суффиксъ ъ, какъ вторичный является 1) въ словахъ сложныхъ, напр. Бѣлоржичъ, гдѣ онъ стоитъ вм. суф. а; богословъ вм. Богослово и много др.; изъ которыхъ замѣчательна фор. триѣчъ. Она сократилась изъ три зимъ, т.е. трехзимній, трехгодовой, на что указываетъ ф. назимъ - одногодній. Объясненіе относительно слога на Миклошичъ считаетъ труднымъ. Проф. Некрасовъ полагаетъ, что не будетъ слишкомъ смѣлымъ по предположенію, что ф. назимъ образовалась изъ ина + зима. Форма ина ж. рода имѣетъ соотвѣтствующую себѣ ф. муж. рода инъ въ значеніи „одинъ", напр., иночадъ, инорогъ и др.; зв. же и въ ф. синъ, какъ можно предположить, отпалъ.

Далѣе посредствомъ того же вторичнаго суф. ъ образуются темы именныя не изъ основъ, а изъ формъ косвенныхъ падежей съ предлогами и безъ предлоговъ. Такъ отъ сущест. обѣдо (богатство) въ ф. род. пад. обѣда съ предлогомъ безъ и суф. ъ образуется прилагательная форма безобѣдаи (без - обѣда - j + ъ). Такимъ же образомъ происходитъ фор. безпосагаи отъ сущ. посагъ съ предлогомъ безъ и суф. имени (безбрачный).

Затѣмъ посредствомъ того же суф. ъ образуются именныя темы отъ фор. достигательнаго наклоненія или отъ основной формы причастій прошедшаго времени страд. залога такимъ образомъ: извѣстно, что ф. достигательнаго накл. и причастія прошед. вр. страд. зал. имѣютъ суф. тъ напр. жатъ. Къ этому суф. тъ присоединяется суф. ъ, передъ которымъ гласный зв. ъ окончанія тъ обращается въ зв. в. Такимъ образомъ получаются формы суф. твъ для м. р., тво для ср. р. и тва для ж. р. (тъ - ъ = тв + ъ = твъ; тъ + о = тво; тъ + а = тва). Многіе считаютъ эти суф. простыми; по мнѣнію проф. Некрасова они сложные. Миклошичъ приравниваетъ ихъ основ. др. инд. суф. tva, посредствомъ кот. образуются въ др. инд. яз. причастія прошед. вр. страд. залога. Далѣе Бопп и Шлейхеръ полагаютъ, что этотъ суф. tva состоитъ въ сродствѣ съ суф. tu, посредствомъ кот. образуются nomina actionis и кот. употребляются въ санскритѣ въ фор. вин. пад. т.е. въ суф. его tu и имѣютъ значеніе неопр. накл. (а это тоже, что лат. супинъ). Затѣмъ суф. tu имѣетъ связь съ другимъ суф. ta, посредствомъ кот. образуются причастія прош. вр. стр. зал.

Тоже явленіе мы видимъ и въ слав. яз. т.е. посредствомъ суф. тъ образуются: 1) достигат. накл., 2) причастія прош. вр. стр. зал. и 3) им. сущест.

Принимая это во вниманіе, проф. Некрасовъ полагаетъ, что суф. *тьвъ* (*тво*, *тва*) образовался изъ слав. суф. *тъ* въ кот., такъ сказать, слились оба основные суф. *ть* и *та* черезъ присоединеніе вторичнаго суф. *ъ*. На этомъ основаніи слово напр. *рыбитвъ*, проф. Некрасовъ производитъ не отъ *рыби+тьвъ*, а отъ темы *рыбитв+ъ*, основа же *рыбитъ* есть супинъ глагола *рыбити* (= польск. *rybić*, чешск. *rybiti*) т.е. разводить рыбу и слѣдовательно, ф. *рыбитвъ* обозначаетъ то лицо, дѣйствіе котораго имѣетъ цѣлью размноженіе рыбы или вообще занимается рыболовнымъ промысломъ. Такимъ же образомъ произошли формы *жатва*, *молитва* (*жатв+а*, *молитв+а*) и др.

Форма средняго рода *творитво* (качество) образовалась также изъ дост. накл. + суф. *о* передъ которымъ *ъ* супина перешелъ въ зв. *в*.

Слово *жатва* имѣетъ при себѣ въ рус. яз. еще 2 формы *жнитво* и *жнитва*, которыя употребляются въ значеніи дѣйствія или жатвенной поры; форма *жнитва* имѣетъ очевидно, одинаковое происхожденіе съ др. слав. формой *жѧтва*; образовалась же черезъ замѣну *ѧ* соотвѣтствующими ему звуками *ьн*, причемъ зв. *ь* вслѣдствіе перестановки подъ удареніемъ принялъ форму зв. *и*

До сихъ поръ мы говорили о формахъ, образующихся изъ достиг. накл., но встрѣчаются формы такого рода, какъ напр. *жрьтва* или *жрѣтва* (по Миклошичу), которыя не могутъ быть произведены отъ формы достиг. наклоненія. Извѣстно, что супинъ глагола *жрѣти* будетъ *жрѣтъ*, зв. *ѣ* мы не видимъ въ указанной выше формѣ имени; слѣдовательно, она образовалась не изъ ф. супина, а отъ ф. причастія прош. вр. страд. зал. *жрьтъ+а* = *жрьтва*. Точно также прилагательныя ф. *мрьтвъ* и *чрьствъ* предполагаютъ причастныя темы: *мрьтъ* и *чрьстъ*. Послѣдняя ф., дѣйствительно, употребляется въ др. слав. яз. и даетъ возможность по аналогіи заключить объ упомянутой ф. причастія *мрьтъ*.

Аналогичныя формамъ *чрьстъ* и *мрьтъ* встрѣчаются въ слав. языкѣ формы *прострьтъ*, *отврьстъ* и *вѣстъ*. Отъ послѣдней, которая можетъ быть признаваема не только за форму прич. прош. вр. отъ глаг. *вѣдѣти*, но и за фор. супина, образуется др.ц.-слав. ф. *повѣство* (разсказъ), откуда глаг. *повѣствовати*. Далѣе въ др. ц. слав. яз. существуютъ формы *шьствіе*, *шьствіе* и р. форма *шествіе* отъ корня *шед*. Онѣ образованы изъ предпо-

лагаемаго также супина шьстъ + суф. о или ше, а что въ языкахъ должна существовать тема — шьство, на это указываетъ гл. пѫтьшьствовати.

Признавая, что суф. ствъ образовался изъ суф. тъ, принадлежащаго формамъ достиг. накл. и прич. прош. вр. страд. зал., посредствомъ соединения его съ суф. ъ (о, а), можно думать, что и существующий въ др. сл. яз. суф. ьство (который является во всехъ слав. языкахъ) образовался изъ ф. ьстъ + о, а ф. ьстъ (естъ) есть, такъ сказать, супинъ глагола есть. Въ др. ц. слав. яз. существуетъ форма естьво (essentia, сущность); стало быть, наше русское слово естество и соответствующее ему слав. естьство представляютъ собой редупликацию темы естъ и разлагать ихъ следуетъ такимъ образомъ: ест + ьство.

Имена, образующiяся посредствомъ суф. ьство, суть имена отвлеченныя, потому что суффиксомъ ьство обозначается сущность того, что выражается корнемъ или основою (напр. богъ — божество и т. п.). Миклошичъ говоритъ, что этотъ суф. имеетъ вторичное значение, что посредствомъ него образуются имена отвлеченныя, и что онъ первоначально былъ тождественъ съ суф. -тво.

Точно также смотритъ на этотъ суф. и Боппъ; только онъ разлагаетъ его на такiя составныя части, которыхъ не допускаетъ Миклошичъ, а именно Боппъ, сопоставляя сл. суф. — тво съ санскр. tva, представляющимъ собою, можетъ быть, какъ онъ говоритъ, расширение суф. tu посредствомъ зв. а т. е. tu+a = tva, считаетъ зв. с вставочнымъ, а зв. ь, по его мнению, представляетъ ослабление тематическихъ гласныхъ а или о. Такъ отъ слова дева онъ производитъ ф. девьство, отъ сл. вдова — вдовь-ство, отъ сл. богато — богать-ство, отъ сл. достоино — достоинь-ство.

Далее онъ говоритъ, что формы клятва, жатва, ловитва происходятъ отъ корней кля, жя, лов, но оставляетъ безъ объяснения зв. и въ ф. ловитва.

Съ суффиксомъ сложнымъ тво или тва стоитъ въ связи слав. суф. ба, относительно котораго существуютъ различныя мнения. Одни производятъ его отъ основ. суф. тā, такъ думалъ сперва Боппъ, но потомъ онъ изменяетъ свое мнение, производя его изъ основн. суф. tva, черезъ выпадение зубнаго t и отвердения зв. v въ b. И действительно, мы имеемъ несколько формъ, которыя утверждаютъ насъ въ подобномъ мнении, а именно при

формахъ молитва, проситва, гонитва существуютъ фф. молбба, просбба, гонбба.

О суффиксахъ, состоящихъ изъ сочетанія гласныхъ и согласныхъ.

Суффиксы съ плавными звуками р, л, н. Суф. рь есть по преимуществу суф. первичнаго значенія и участвуетъ въ образованіи именъ существительныхъ и прилагательныхъ, какъ напр. даръ, миръ; добръ, быстръ хитръ, др. сл. хытръ и др. Между суф., въ которыхъ участвуетъ звукъ р, весьма часто встрѣчается суф. арь, который, обыкновенно, обозначаетъ названіе лица по дѣйствію, заключающемуся въ корнѣ глагола. Миклошичъ считаетъ этотъ суф. суффиксомъ не слав. происхожденія, а германскаго и соединяетъ его съ готскимъ суф. areі изъ arjas, сравнивая слав. ф. вѣкарь съ готскою bokareі. Относительно суф. лъ который можетъ быть и первичнаго и вторичнаго значенія существуютъ также различныя мнѣнія. Боппъ полагаетъ, что суф. лъ есть видоизмѣненіе суф. ta через переходъ зв. t въ d, который въ свою очередь въ слав. яз. перешелъ въ л, причемъ сопоставляетъ новоперсидскую ф. bûdek съ слав. форм. былъ и санск. bhûtas. Шлейхеръ полагаетъ, что суф. лъ = осн. местоименной темы ча, сравнивая слав. ф. зналъ съ лат. gnarus. Наконецъ Миклошичъ полагаетъ, что суф. лъ образовался изъ суф. tra. Между именами, образующимися посредствомъ суф. лъ, особенно замѣчательные тѣ, которые заканчиваются суф. ло.

Такъ какъ суф. ло въ слав. яз. западной вѣтви соотвѣтствуетъ весьма часто суф. дло, как напр. въ

др. слав. ф.	грьло	въ др. слав.	шило	въ др. слав. ф.	рало
русс.	горло	"	"	зап. народ. ф.	радло,
сербск.	грло	"	"		
чешск.	hrdlo	чешск.	šidlo		
польск.	gardło и gardło	польск.	szydło		
лужицк.	horło и hordło;	лужиц.	šidło		

то полагаютъ, что этотъ суф. ло русскій и др. ц. слав. образовался изъ dlo вслѣдствіе ассимиляціи зв. d зв. л и выпаденія его, т. е. dlo = llo = lo, а суф. dlo = основ. tra въ лат. ф. tram. Мнѣніе это имѣетъ нѣкоторую

вѣроятность. Рѣшить вопросъ, который суф. древнѣе, ло или дло, довольно трудно, и Будиловичъ въ своей книгѣ справедливо замѣчаетъ, что въ суф. дло зв. д можно считать и приставочнымъ, и что производство суф. дло изъ ло и наоборотъ представляется равно возможнымъ.

Дѣло въ томъ, что суф. дло принадлежитъ лишь одной запад. вѣтви слав. языковъ, т.к. въ другихъ слав. языкахъ его нѣтъ. 2) Кромѣ того есть нѣсколько словъ, которыя, очевидно, древнѣйшаго образованія, и между тѣмъ всѣ они кончаются суф. ло, какъ напр., слав. слово дѣло, чешск. dílo, польск. działo и dzieło.

3) Всѣ слав. яз. безъ исключенія допускаютъ сочетаніе зв. t со зв. л, какъ это видно изъ формы свѣтлъ, жтелъ, метла и др. Слѣдовательно, если слав. яз. допускаютъ непосредственное сочетаніе т+л, то весьма трудно придти къ тому заключенію, что зв. т (t) непремѣнно долженъ видоизмѣниться въ зв. д передъ л, такъ какъ основной суф. имѣетъ зв. t, а не d; 4) слова масло, весло, прясло образуются всѣ черезъ суф. тло, а не дло. 5) Кромѣ того есть слова, образующіяся посредствомъ суф. ло, а не дло изъ корней, заканчивающихся согласными звуками, напр. ф. гребло, которая имѣетъ соотвѣтствующія себѣ во всѣхъ языкахъ формы съ суф. ло; въ формахъ же: слав. седло, р. сѣдло, чеш. sedlo, польск. siodło и siedło зв. d, очевидно, принадлежитъ не суф., а корню sed - осн. sad. Мало того, этотъ зв. д даже выпадаетъ, какъ это видимъ въ др. слав. ф. село, чеш. selo, польск. sioło, пот. что въ производныхъ отъ нихъ формахъ онъ опять появляется, напр. въ чешск. ф. sedlak (поселянинъ), пол. siodłak.

Всѣ эти данныя заставляютъ сильно сомнѣваться въ томъ, что суф. ло необходимо образуется изъ суф. дло, а этотъ въ свою очередь есть видоизмѣненіе основы tra. Поэтому мы должны признать равно существующими оба суф. ло и дло, которые, конечно, могутъ по своему значенію соотвѣтствовать осн. суф. tra. Но изъ этого не слѣдуетъ, что суф. ло образовался изъ дло, или что суф. дло образовался изъ ло.

Посредствомъ суф. ла образуются формы женскаго рода напр. жила, сила и др. Посредствомъ суф. нъ образуются прил. прош. вр. страд. зал., имена существительныя и прилагательныя. Изъ имен сущест. съ суф. нъ наиболѣе замѣчательны формы дръ-нъ, рус. дернъ, сѣ(н)нъ, сынъ - filius, но есть сынъ - башня. Послѣдняя имѣетъ при себѣ

ские формы сочнъ и сочна, которыя происходятъ отъ корня сък глаг. сочити, сокъ; сънеми - сънимать, т. что фор. сочна имѣла первоначально, вѣроятно, значеніе насыни, а потомъ получила значеніе „башни"

Между основами, отличающими имена прилагательныя отъ другихъ именъ, самое важное значеніе имѣютъ тѣ, посредствомъ которыхъ обозначаются различныя степени качества и которыя извѣстны подъ названіемъ степеней сравненія. Во многихъ другихъ языкахъ, родственныхъ славянскому, существуетъ 3 формы основъ для обозначенія различныхъ степеней качества, а именно:

1) ф. положительной степени, посредствомъ которой качество обозначается безъ сравненія его съ другими предметами подобнаго же качества;

2) ф. сравнительной степени, посредствомъ которой обозначается качество сравнительно большее между другими предметами;

3) ф. превосходной степени; посредствомъ которой обозначается высшая степень качества одного предмета между многими, ему подобными. Послѣднія двѣ формы степеней имѣютъ особые суффиксы. Такъ въ санскритскомъ яз. для формы сравнительной степени существуетъ два суффикса: jas и tara, въ греческ. ιων и τερο, въ латинск. ios(r) и ter.

Для формы превосходной степени въ санск. яз. также существуютъ 2 суффикса: ista и tama, въ греч. ιστο и τατο, въ лат. imus. Въ слав. яз. существуетъ только суффиксъ для обозначенія сравнительной степени; степень же превосходная не обозначается въ слав. языкѣ никакимъ особымъ суффиксомъ, а выражается или посредствомъ присоединенія префиксовъ (пре, наи) или мѣстоименія самый къ ф. положительной степени.

Суффиксы для обозначенія сравнительной степени въ слав. языкѣ суть слѣдующіе: 1) ьш, ьши, ье
2) ѣи, ѣиши, ѣе.

1) Суффиксъ ьш (ьши, ье) есть суф. древнѣйшаго образованія - основная ф. его jans. Онъ присоединяется непосредственно къ корнямъ именъ прилагательныхъ или къ основнымъ темамъ. Если онъ присоединяется къ основной темѣ, заканчивающейся на согласные звуки напр. гортанные г, к, х или зубные д, т, эти послѣдніе подчиняются смягченію, такъ напр. отъ темы драг сравнительная степень образуется черезъ

присоединение суффикса ши, предъ которымъ зв. д смягчается, и получается ф. хоуждши (хоуждьши, хоужде); отъ темы глѫб (слабой основы глѫбѫкъ) – глѫблии, глѫбльши и глѫбле.

Формъ сравнительной степени, образующихся посредствомъ этого суффикса, немного. Онъ утратилъ мало по малу свое специальное назначение обозначать известную форму степени, сливаясь вмѣстѣ съ суффиксомъ ш, посредствомъ котораго образуются имена притяжательныя (врагъ – вражии) или съ суф. ши, посредствомъ котораго образуются причастныя формы (сѫждши). Вслѣдствие этого языкъ былъ вынужденъ къ образованию новаго суффикса для обозначения высшей степени качества. Таковымъ явился суф. ѣи (ѣиши, ѣие)

II Суффиксъ ѣи образовался изъ того же суффикса jans только другимъ образомъ, а именно присоединяясь не къ корнямъ, а ко всякой прилагательной темѣ; онъ допускаетъ, слѣдовательно, при себѣ существование тематическаго гласнаго ъ (о, а) = осн. а причемъ какъ бы протягивается и получаетъ ф. ijans. Такъ форма сравнительной степени отъ прилагательной темы добръ образуется посредствомъ присоединения суф. ijans, причемъ согласные звуки n и s отпадаютъ*), j+ъ (= осн. а) переходитъ въ ь, а основной тематический зв. а (= слав. ъ), соединяясь съ i даетъ зв. ѣ, и получается ф. добрѣь = добрѣи. (Звукъ ш въ ф. женскаго рода добрѣиши образуется изъ основнаго зв. s съ присоединениемъ j-та местоименной указательной темы жен. рода jā).

Русския формы образуются изъ полныхъ темъ, какъ напр. форма добрѣйший изъ добрѣишь (вм. добрѣише)

Что касается до значения основнаго суффикса jans то, очевидно, онъ представляетъ причастную форму отъ корня глагольнаго i (ити).

Основной суффиксъ tara въ слав. яз. встрѣчается въ весьма немногихъ формахъ и то въ такихъ словахъ, которыя въ настоящее время утратили значение формъ сравнительной степени, какъ

*) Здѣсь звукъ n не соединяется со звукомъ а потому, что онъ въ самомъ санскритѣ уже выпалъ.

напр. вторый (торъ = tara) которыи (т. е. который изъ двухъ) = санск. kataras. Относительно значения суф. tara надо замѣтить, что Боппъ производитъ его отъ корня tar (переступать, переходить).

Другие ученые производятъ суф. tara изъ ta-ra (Шейтаръ), но, кажется, мнѣние Боппа правдоподобнѣе.

Что же касается до суффиксовъ, которыми обозначаются ф. превосходной степени, то суф. tama въ слав. языкѣ не уцѣлѣлъ въ полной своей формѣ; онъ встрѣчается или ф. тъ въ числит. пор. (пятъ) или въ ф. мъ (седьмыи, осмыи). Суффиксъ нъ въ числительныхъ порядковыхъ, начиная съ 1000 явился уже позднѣе, когда славяне отдѣлились отъ другихъ народовъ индоевропейскаго племени, потому что слово тысяща въ санскритскомъ, ни въ зендскомъ языкахъ не имѣетъ соотвѣтствующей сей формы.

Объ основахъ мѣстоименныхъ.

Намъ уже извѣстно, что основы мѣстоимений личныхъ суть слѣд.:

для 1-го л. ед. ч. ma = слав. мѣ
для 2-го л. ед. ч. tva = слав. тѣ
для возвр. мѣст.: sva = слав. сѣ

Въ самомъ близкомъ и непосредственномъ отношении къ личнымъ мѣстоимениямъ стоятъ мѣстоимения притяжательныя. Они образуются отъ личныхъ посредствомъ присоединения къ нимъ темъ относительнаго значения (jas, jā, jat): мой, твой, свой и далѣе отъ тѣхъ насъ, васъ — нашь и вашь.

За мѣстоимениями вопросительными слѣдуютъ мѣстоимения притяжательными. Корневой изъ элементъ зв. к выражаетъ вопросъ; если же вопроса ~~послѣдняго~~ нѣтъ, то звукомъ к выражается вообще отношение (къ чему нибудь такому, о чемъ было прежде говорено). Посредствомъ присоединения къ основной темѣ ka = слав. къ и ki = слав. чь мѣстоименныхъ темъ относительнаго значения образуются мѣстоимения вопросительныя: кыи, кая, кое; чии, чия, чие или посредствомъ присоединения темъ указатель

наго значенія мѣстоименіе къ-то или наконецъ посредствомъ суффикса торъ мѣстоименіе Которъ.

Указательныя мѣстоименія развились изъ темъ: va, ta, na, sa (слав. въ, тъ, нъ, сь). Слав. тема сь впослѣдствіи видоизмѣнилась въ сь, хотя и встрѣчаются формы, указывающія на существованіе первой т.е. сь (по сьчасъ, сь ночи). Отъ темы va = слав. въ мѣстоименіе овъ, ова, ово; отъ темы ta = слав. тъ - мѣстоименіе тъ (тотъ) та, то; отъ темы na = слав. нъ - мѣстоименіе онъ, она, оно; отъ темы sa = слав. сь - мѣстоименіе сь, си, се или съ присоединеніемъ къ этимъ послѣднимъ темъ относительнаго значенія мѣстоименій русск. сей, сія, сіе.

Кромѣ того въ образованіи слав. мѣстоименій входитъ еще суффиксъ лик напр. въ мѣстоим. Коликъ. Эта форма лик употребляется отдѣльно въ значеніи „образъ", „подобіе", а также въ значеніи „собраніе", а потому, присоединяясь къ темамъ указательныхъ мѣстоименій, образуетъ мѣстоименіе, имѣющее качественное и собирательное или количественное значеніе. Присоединяясь къ темамъ тъ, сь, ѣ суффиксъ лик даетъ формы: толикъ, селикъ, еликъ.

Изъ мѣстоименій опредѣлительныхъ мѣстоименіе самъ усиливаетъ указаніе на предметъ; мѣстоименіе самый - на качество. Первое имѣетъ соотвѣтствующую себѣ форму въ санскр. sama (равный, подобный) греч. ὁμός, лат. similis.

Нѣкоторые полагаютъ, что основная форма мѣстоименія самъ* - sama образовалась изъ указательной темы sa + суф. превосходной степени ma.

Мѣстоименіе опредѣлительное вьсь = санск. ф. viśvas. До сихъ поръ образованіе его не выяснено - его производятъ отъ корня vi (входить куда съ тѣмъ, чтобы жить, пребывать тамъ).

Частица нѣ выражаетъ неопредѣленность и употреблялась прежде отдѣльно, самостоятельно въ значеніи „около".

Частица ни означаетъ отрицаніе.

Образованіе нарѣчій.

Большая часть нарѣчій какъ въ др.-ц. слав., такъ и въ русск. языкахъ представляетъ собой ничто иное, какъ формы косвенныхъ падежей отъ именъ съ предлогами или безъ предлоговъ.

Отъ именъ прилагательныхъ безъ предлоговъ употребляются въ видѣ нарѣчій:
1) Формы винит. пад. средн. рода, напр. добро, красно и др.
2) Формы сравнит. степени, напр. наче, лише, множае
3) Формы творит. пад. съ суф. двойств. или множ. ч., напр. форма больма при ср. больми, радьма при ради.
Сюда же относятся выраженія: грѣчьскы, роуськы.
Отъ именъ существ. безъ предлоговъ:
1) Формы мѣстн. пад. ед. ч., напр. зѣлѣ, добрѣ и др.
2) Формы родит. пад., напр. вьчера, русск. сдонова и др.
3) Формы дат. пад., напр. долоу (долой, доловь, долови), домоу (домой, домовь, домови), низоу, върхоу и др.
4) Формы мѣстн. пад., напр. оутрѣ, полѹнощи, поздѣ.
Отъ именъ съ предлогами употребляются въ видѣ нарѣчій:
1) Формы родит. пад. съ предлогомъ за, напр. заирѣва, зоутра
2) Формы винит. пад. съ предлогомъ въ, напр. вътъще (попусту) и р. форма настежь = на + стежь (путь, дорога, улица)
3) Формы мѣстн. пад., напр. вторицѣхъ.

Очевидно, что нарѣчія ведутъ свое начало отъ косвенныхъ падежей именъ и представляютъ собой уже формы позднѣйшаго образованія. Они, конечно, должны были явиться въ то время, когда склоненіе именъ уже установилось въ языкѣ, а когда нѣкоторыя изъ формъ именныхъ стали употребляться въ косвенныхъ падежахъ, какъ выраженія различныхъ обстоятельствъ. Болѣе древнимъ образованіемъ отличаются тѣ нарѣчія, которыя произошли

отъ корней мѣстоименныхъ помощью особыхъ суффиксовъ, ха-
рактеризующихся звуками: д, м, г и л.

Суффиксы, характеризуемые звукомъ д, суть слѣдующіе: де, доу, дѣ и да. Помощью ихъ образуются нарѣчія мѣста и времени. Такъ посредствомъ суф. де образуются нарѣчія времени: др. слав. егде и къде. Что суффиксомъ де обозначалось обстоятельство мѣста, это видно изъ нарѣчія, употреблявшагося въ др. ц. слав. языкѣ: единъде въ значеніи „въ одномъ мѣстѣ".

Относительно происхожденія суффикса де можно сказать въ связи съ другими двумя суффиксами: доу и дѣ, что всѣ они образовались изъ основной суффиксальной темы. Дѣ края соотвѣтствуетъ основному dhā. Этотъ суффиксъ dhā въ санскритѣ служитъ только для образованія нарѣчія мѣста въ ср. adha (1) (снизу)

Принимая во вниманіе, что эта форма adhas имѣетъ при себѣ ср. сравнит. степени adhara и превосх. ā-dhama- мы приходимъ къ тому заключенію, что суф. dhā имѣетъ тѣсную связь съ суф. tas, отъ котораго образуются суффиксы сравнит. степени tara и tama. Этотъ же суффиксъ tas есть, по мнѣнію Боппа, расширеніе того звука t, который употребляется для образованія Ablativus'a и выражаетъ собой движеніе откуда. Такъ какъ этотъ суффиксъ tas образовался отъ мѣстоименной темы, то мы и заключаемъ, что и самые суффиксы де, доу, дѣ и да — мѣстоименнаго происхожденія и подчинялись склоненію.

Посредствомъ суффикса доу образуются нарѣчія къдоу, тъдоу и ѥдоу. Съ тѣмъ же значеніемъ образуются отъ тѣхъ же мѣстоименныхъ темъ нарѣчія съ суф. дѣ: къдѣ и тъдѣ. Что касается до формъ къ и тъ, то надо полагать, что онѣ замѣнили собой формы ком- и том-, а эти послѣднія, какъ извѣстно, встрѣчаются въ склоненіи мѣстоименій кто и тъ въ формахъ мѣстн. и дат. пад., поэтому на суф. доу слѣдуетъ смотрѣть, какъ на ф. дат. пад., а на суф. дѣ, какъ на ф. мѣстнаго пад. (комъдоу, томъдоу)

Кождо, тождо)

Посредствомъ суфф. да образуются нарѣчія времени: кѫда, тѫда, ѥгда. Нѣкот. думаютъ, что эти формы слѣдуетъ разлагать такъ: кто-да, того-да, его-да (подразумѣвая подъ ф. да суффиксъ времени). Но такой анализъ не можетъ быть признанъ вѣрнымъ, п.что въ слав. языкѣ встрѣчается правильная форма со зв. ъ въ срединѣ, а не со зв. о: къда, а не кода. Другой аналогъ разлагаетъ эти фор. такъ: къ+гда, тъ+гда, ѥгда, полагая, что онѣ образовались изъ мѣстоименныхъ темъ + гда. Съ этимъ также нельзя согласиться, п.что ф. гда встрѣчается отдѣльно въ нѣкотор. слав. языкахъ въ значеніи самостоятельнаго нарѣчія, образовавшагося изъ горт. зв. + суфф. да. Поэтому правильнѣе будетъ разлагать эти формы такъ: къ+г+да и т.д. Звукъ г, стоящій здѣсь между мѣстоименной темой и суффиксомъ да, есть ничто иное, какъ тотъ же корень мѣстоименнаго значенія; утративъ его, онъ получилъ относительное связующее значеніе и впослѣдствіи соединился съ новою темою къ. Что касается до происхожденія суфф. да, то его считаютъ соотвѣтствующимъ др. инд. dā, кот., по мнѣнію Боппа, есть сокращеніе изъ diva (дня).

Нарѣчія, образующіяся посредствомъ суффикса, характеризуемаго звукомъ м, суть слѣд.: камо и тамо. На эти формы слѣдуетъ смотрѣть, какъ на ф.ф. дательнаго пад., утратившія свой суффиксъ. Форма мо есть та тема, кот. образована изъ мѣстоименной частицы sma (въ санскритѣ употребляющейся въ ф. дат. и мѣстн. пад.)

Нарѣчія, образующіяся посредствомъ суффиксовъ, характеризуемыхъ звукомъ г, суть: кѫгы и тѫгы. На суфф. гы можно смотрѣть, какъ на видоизмѣненіе суфф. га, встрѣчающагося въ ф. ѥга = ѥгда; слѣд., гы есть искаженіе гда.

Къ нарѣчіямъ, образующимся посредствомъ суффиксовъ, характеризуемыхъ звукомъ л принадлежитъ нарѣчіе лѣ, встрѣчающееся въ слав. яз. съ самостоятельн

нымъ значеніемъ „два", какъ напр: оставиша и мъ греба. Происхожденіе его неизвѣстно. Быть можетъ, онъ участвовалъ въ образованіи формъ подмъ, возмъ, но не въ ф. посмѣ. Что касается этого послѣдняго нарѣчія, то вѣрнѣе всего думать, что оно образовалось изъ предлога по + кор. сѣд, въ которомъ зв. д, какъ согласный, отпалъ. Подобное образованіе находитъ себѣ аналогію въ предлогѣ за, который также объясняю своимъ ~~образованіемъ~~ ср. задъ („задъ стоянъ)

Наконецъ есть нарѣчія, которыя происходятъ отъ глаголовъ, иногда въ глагольной формѣ, напр., нежъли („не только что), русск. ср. сидмя, живмя, стоймя и др.

Образованіе предлоговъ.

Предлоги могутъ быть раздѣлены на 1) производные и 2) первообразные. Первообразными наз. тѣ, которые образовались отъ корней мѣстоименнаго значенія, всѣ остальные — производные. Между первообразными есть: 1) простые и 2) сложные предлоги. Простыхъ весьма немного, а именно: въ, до, на, а, къ, по, съ (сѫ) и ѫ. Всѣ остальные сложеные или производные.

Предлогъ въ имѣетъ тѣсную связь съ предлогомъ ѫ, какъ это видимъ изъ сличенія формъ вполовину = ѫполы; такимъ образомъ здѣсь зв. в есть ничто иное, какъ придыханіе, а ъ — ослабленіе ѫ. Слѣдовательно, основная ф. предлога въ есть ф. an, которая съ суф. a употребляется въ качествѣ предлога въ санскр. языкѣ и происходитъ отъ мѣстоименнаго корня na.

Предлогъ до имѣетъ такое же происхожденіе, какъ и суффиксы нарѣчій, характеризуемые звукомъ д, т. е. онъ происходитъ отъ мѣстоименной темы ta. А т. к. эта тема послужила для образованія суф. tas, отъ котораго остается только зв. t въ ф. др. инд. пад. Ablativus'а, которымъ выражается движеніе откуда, то понятно, что предлогъ до могъ соединяться съ

формою род. пад., Крымъ, дѣйствительно, въ языкѣ выражается главнымъ образомъ также направленіе-откуда.

Предлогъ къ - также мѣстоименнаго происхожденія отъ темы къ утратавшей вопросительное значеніе.

Предлогъ о имѣетъ двоякое значеніе въ языкѣ: 1) онъ или употребляется въ томъ значеніи, кое присуще предлогу отъ, или 2) съ тѣмъ, кое присуще предлогу объ (вокругъ, около) Въ обоихъ значеніяхъ предлогъ о соотвѣтствуетъ основной мѣстоименной темѣ a, какъ и въ санскр. a+bhi

Предлогъ по (па: помнить и память), по мнѣнію Боппа, соотвѣтствуетъ сложной санскр. темѣ u-pa, въ кой u - мѣстоименный корень, а pa - измѣненіе мѣстоименной темы sva.

Предлогъ съ, имѣющій другую ф.: сѫ (сѫпрѫгъ) соотвѣтствуетъ др. инд. ф.: sa и sam и происходитъ отъ мѣстоименной указательной темы sa.

Предлогъ ѫ соотвѣтствуетъ основному a и имѣетъ связь съ предлогомъ въ.

Образованіе союзовъ.

О союзахъ можно сказать тоже самое что и о предлогахъ, т.е. что первообразныхъ союзовъ весьма немного, а именно: а, и, же, ли, но (=нѣ, нѫ), и всѣ они мѣстоименнаго происхожденія. Союзъ же сравниваютъ съ греч. частицей γε = темѣ gha.

Между союзами первообразными можно указать еще на союзъ бо кой не мѣстоименнаго, а глагольнаго происхожденія; онъ соотвѣтствуетъ утвердительной частицѣ bhā, кая указываетъ на глагольный корень bhā (свѣтить, говорить съ тѣмъ, чтобы объяснить что либо, утверждать). Этотъ союзъ бо соединяется только съ корнями мѣстоименнаго значенія.

Всѣ другіе союзы образуются или изъ мѣстоименій, именъ или глаголовъ.

Ошибки.

Написано:	Слѣдуетъ читать:
Стран.: 2 Строка: 25. Послѣднее предположеніе является....	Послѣднее предположеніе представляется болѣе вѣроятнымъ.....
10-17... различныхъ въ развитіи языка.	..различныхъ періодовъ въ развитіи языка.
12 – 1. .... корень <u>ак</u>. Этому	...Корень <u>ак</u>, этому .....
17 – 16 ... пріемъ ...	пріемъ голоса
17... слова въ языкахъ флексивныхъ представляются намъ...	... слова должны быть односложны, тогда какъ слова въ языкахъ флексивныхъ представляются намъ

53-1 3) Корни, состоящіе изъ 2-хъ согл. + гл. + соглас, напр., гнет- (гнести) (вм. гнетти) двиг- (двигнути)

2 3) | 4)

¢.